

Раздел 1

ФИЛОЛОГИЯ

Ведущие эксперты раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 81'374.73

Lesnikov S.V. TYPOLOGY OF RUSSIAN DICTIONARIES OF LINGUISTIC TERMINOLOGY. The article attempts an analytical review of Russian dictionaries of linguistic terminology for ways to organize word material to reach the specialized vocabulary, the degree of informativeness of entry and chronologically. In this case, dictionaries of linguistic terms are considered as a base to form their own meta-language linguistics.

Key words: linguistics, philology, linguistics, dictionaries, vocabulary, glossary, lexicon, thesaurus, wordbook, reference books, encyclopedia, interpretation, definition, meta-language.

С.В. Лесников, канд. филол. наук, доц. Сыктывкарского гос. университета, г. Сыктывкар,
E-mail: lsw@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ СЛОВАРЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье предпринята попытка провести аналитический обзор русских словарей лингвистической терминологии по способам организации словарных материалов, по охвату специальной лексики, по степени информативности словарной статьи и хронологически. При этом словари лингвистических терминов рассматриваются как база для формирования собственно тезауруса метаязыка лингвистики.

Ключевые слова: лингвистика, языкознание, языковедение, словарь, тезаурус, справочник, энциклопедия, толкование, дефиниция, метаязык.

Настоящая статья публикуется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по инициативному исследовательскому проекту (грант) N 11-07-00733 (2011-2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус /ИПТ/ «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель – С.В. Лесников).

Бесспорно, что словари лингвистических терминов имеют для языковедов особое значение. В данной работе такие словари рассматриваются как базовые источники для моделирования тезауруса метаязыка лингвистики.

МЕТАЯЗЫК – язык лингвистики какого-либо языка. Описываемый, первичный язык называют при этом языком-объектом или «предметным» языком, предполагая, что он обозначает реальные предметы. В семиотическом значении в качестве метаязыка принимается знаковая система, означающая некоторую другую, первичную знаковую систему.

«Для того, чтобы обнаружить и систематизировать основные понятия метаязыка лингвистики, обычно представляется наиболее естественным начать с инвентаризации разнообразных терминологических единиц, бытующих в его диалектах и идиолектах с тем чтобы в дальнейшем путем сопоставления («конфронтации») полученных инвентарей прийти к понятиям. Следующим этапом работы при таком подходе явилось бы составление идеографического словаря метаязыка лингвистики. Таким образом, были бы получены предпосылки для перевода с одного диалекта метаязыка лингвистики на другой и перспектива его унификации, стандартизации и нормализации [1, с. 115].

Принимая во внимание, что особое место среди «метаязыков отдельных наук» занимает метаязык лингвистики, а, в свою очередь, собственно метаязык лингвистики, естественно, бази-

руется на всем многообразии словарей лингвистических терминов /СЛТ/, рассмотрим СЛТ несколько подробнее.

СЛОВАРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (СЛТ) – разновидность отраслевых терминологических словарей. Отдельно как один из типов лингвистических словарей СЛТ выделяли следующие языковеды: Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова [2], З.А. Потиха [3], В.А. Козырев и В.Д. Черняк [4], Баранов А.Н., Добровольский Д.О. [5], И.Ф. Протченко [6], С.В. Лесников [7].

Возникновение СЛТ как особого лексикографического жанра относится к концу XIX века. Однако и до этого лингвистическая терминология находила отражение в более широких справочных изданиях, напр. энциклопедиях, толковых словарях общеупотребительного языка и т.п. Первые СЛТ носили узкодидактический характер и отражали лингвистическую терминологию в рамках школьного преподавания. В истории российской лингвистики образец такого СЛТ – «Соображение педагогического совета Минской гимназии об установлении общей грамматической терминологии» [8]. Расцвет лингвистической лексикографии относится к 60-м гг. 20 в., что связано с появлением новых лингвистических дисциплин и увеличением числа школ и направлений, выработавших собственный метаязык.

Особое место среди толковых СЛТ занимает фундаментальный «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой [9], представляющий собой обобщение предшествующего терминологического опыта и сочетающий одновременно толкование около семи тысяч терминов с переводом их на четыре языка (английский, испанский, немецкий, французский). Словарь содержит иллюстрации реального функционирования термина, примеры языковых явлений, обозначаемых термином, и классификацию терминологических микросистем, входящих как часть в метаязык лингвистики. Этот словарь представил наиболее полное описание сложившегося к 60-м годам двадцатого века метаязыка язы-

кознания. При этом несмотря на то, что с момента выхода этого словаря в свет прошло свыше полвека, СЛТ О.С. Ахмановой, выдержав с десяток стереотипных изданий, до сих пор не потерял своей востребованности и актуальности.

По способу организации словарного материала СЛТ по основным параметрам, определяющим фактически классификацию, можно выделить следующие подмножества (которые, в свою очередь, в той или иной степени есть пересекающиеся подмножества):

1. По охвату **специальной лексики** СЛТ (по типу словника)

1.1. Экстенсивный тип – общие, общелингвистические СЛТ, основной задачей которых охватить более полный перечень терминов языкознания в целом: большой [10], краткий [11–14], лингвистических и стилистических терминов [15], в цитатах [16], терминологический [17], лингвистический [18], Пражской школы [19], обучающий [20], полный [21], американской лингвистической терминологии [22], лингвистических и литературоведческих терминов [23], словарь лингвистических терминов СЛТ [24–25] [9; 26–28], справочник [29–32], учебный [33–34], школьный [35–36].

Из перечисленных необходимо отдельно выделить словарь-справочник лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [29], где в четкой и доступной, наглядной форме дается толкование около 2000 наиболее употребительных лингвистических терминов, встречающихся в научной и учебной литературе. В словарных статьях подробно раскрывается содержание терминов, что позволяет использовать книгу как справочное пособие по теории языка. Разъясняются термины лексики, фразеологии, фонетики, графики, орфографии, морфологии, синтаксиса, стилистики, пунктуации применительно к школьной практике.

Если общие толковые СЛТ отражают как современную, так и традиционную лингвистическую терминологию, то специализированные толковые СЛТ ограничиваются терминологией отдельных лингвистических направлений. В этих словарях часто применяется цитатный принцип подачи материала.

1.2. Интенсивный тип – специализированные, частнолингвистические СЛТ, в которых представлены термины либо отдельных лингвистических школ, конкретных лингвистических теорий, либо лингвистической дисциплины или раздела языкознания: [37–55].

Для примера здесь можно выделить следующие словари: а) грамматический словарь Николая Николаевича Дурново [42] (словарь содержит толкование 273 терминов основных разделов лингвистики: фонетики, орфографии, морфологии, словообразования, синтаксиса, лексикологии, а также раскрывает некоторые понятия из области истории и общей теории языка; широко представлена терминология формального направления Московской лингвистической школы); б) словарь когнитивных терминов [44] (в словаре дается в краткой и компактной форме систематизированное описание около ста ключевых понятий когнитивной науки, а также характеристика школ и направлений, работающих в когнитивном ракурсе; разъясняется употребление терминов, введенных в когнитивную науку в разных когнитивных центрах, и общее представление как о становлении и развитии когнитивной науки, так и о когнитивном подходе в современной лингвистике. Словарная статья включает наряду с русским термином его английский и немецкий аналоги и содержит отсылки к соответствующей литературе в общей библиографии; предметный указатель отражает реальное количество терминов, разъясняемых в словаре); в) толковый переводоведческий словарь Льва Львовича Нелюбина [52] (словарь представляет собой справочное пособие, которое содержит 2028 словарных статей, экстрагированных из 224 источников. Словарные статьи включают переводоведческие и лингвистические термины, терминологические словосочетания и понятия, связанные с традиционным «ручным» и машинным переводом).

Ведущей тенденцией современной лексикографии начала XXI века является увеличение числа СЛТ интенсивного типа, а также словарей терминов смежных, стыковых дисциплин (литературоведения, стилистики, журналистики, культурологии, методики преподавания, архивоведения и документоведения, психологии, связей с общественностью, рекламы, и др.). Дополнение тезауруса метаязыка лингвистики за счет словарей смежных дисциплин – это отдельная тема, заслуживающая самостоятельной статьи.

1.3. Иноязычно-русско-иноязычные СЛТ: англо-русский и русско-английский [56–60], русско-туркменский [61] немецко-русский и русско-немецкий [62–63], нидерландско-русский [64], рус-

ско-английско-испанско-французско-китайский [65], русско-башкирский [66], русско-белорусский [67], русско-казахский [68], китайско-казахско-русский [69], русско-каракалпакский [70], русско-осетинский и осетинско-русский [71], русско-уйгурский [72], русско-молдавский и молдавско-русский [73], удмуртско-русский и русско-удмуртский [74], французско-русский [75].

Здесь же следовало бы рассмотреть подробно словари иностранных слов и этимологические словари в качестве источников информации о путях заимствования тех или иных терминов из разных языков в разное время.

2. По способу **организации** словарного материала

2.1. Лексиконы – алфавитные и/или тематические словари терминов.

2.2. Тезаурусы – словари, в которых фиксируются семантические отношения между терминами. Элементы тезаурусного способа организации терминологической лексики присутствуют и в обычных СЛТ в виде указаний на дескрипторы, синонимы и антонимы, корреляты, область употребления, смежные к языкознанию дисциплины и т.п.

Нам известны пока только два тезауруса собственно лингвистических терминов: 1) Вадима Борисовича Смирнского «Тезаурус информационно-поисковый по языкознанию» [76], в компьютерной версии 2007 года которого около 3000 терминов, отражающих различные аспекты современного состояния языкознания. Тезаурус включает 4 раздела: алфавитный лексико-семантический, систематический и пермутационный указатель лингвистических терминов и указатель языков мира; в приложении дана таблица соответствий предметных рубрик ББК и индексов рубрик систематического указателя. 2) Серафимы Евгеньевны Никитиной «Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике: Автоматическая обработка текста (ок. 1000 словарных статей)» [77], в котором рассмотрены: – методика построения тезауруса; – предмет, задачи и принципы исследования; – выбор и ограничение материала; – отбор словарных единиц; – лексическое наполнение словарных статей; – методика составления перечня словарных связей (функций); – типы связей (функций); – варианты словарной статьи; – термин или дескриптор? – словарная статья как средство различения омонимии; – типы словарной информации и система обозначений; – некоторые итоги и перспективы; – ТЕЗАУРУС (Схема словарной статьи. Морфология. Примечания. Синтаксис, семантика, проблемы автоматизации. Примечания. Материалы, использованные при составлении тезауруса).

Отдельно необходимо отметить информационно-поисковый тезаурус (ИПТ) [78]. Этот ИПТ предназначен для индексирования нормализованными ключевыми словами терминов и информационных запросов по обеспечению сохранности (сохранению) документов и смежной тематике. Тезаурус может использоваться в автоматизированных и традиционных информационных системах как специализированный двуязычный англо-русский словарь, как терминологический словарь-справочник, а также при обучении специалистов работе по сохранению документов (далее – ОСД). В данной редакции дескрипторного словаря представлены следующие материалы: 1) алфавитный лексико-семантический указатель основных ключевых слов и дескрипторов. В эту часть ИПТ включена наиболее характерная для данной области русская и английская терминология, отражающая основные направления ОСД; 2) иерархический указатель к тезаурусу, где логические (родо-видовые) связи дескрипторами описываются в виде «дерева» (до 10 уровней иерархии) или схем соподчиненности терминов, графически отображаемой отступом вправо; 3) указатель идентификаторов, т.е. лексических единиц, называющих единичные понятия. Такие слова и словосочетания выделены из основного состава тезауруса для удобства работы и сокращения объема основной его части, что является общепринятой практикой составления дескрипторных слов.

3. По степени **информативности** словарной статьи объяснительным (экспланаторным) СЛТ противопоставляются номенклатурные словники (индексы, списки терминов, не сопровождаемые какой-либо подробной информацией) и глоссарии (списки минимально аннотированных терминов). Информативность словника достигается использованием тезаурусного приема – группировки терминов по темам с учетом родо-видовых связей.

Объяснительные СЛТ по способу толкования: а) энциклопедические (содержащие такие сведения о понятии, термине, как его история, одно или несколько толкований, иллюстрации, библиографию), б) толковые (объясняющие термины посредством дефиниции и нескольких примеров).

Объяснительные СЛТ, как правило, одноязычны (иногда заглавное слово снабжается иноязычными эквивалентами); номенклатурные словари, напротив, дву- и многоязычны, т.е. их цель – сопоставление лингвистической терминологии. СЛТ в минимальной степени присуща нормативность, поскольку основной целью всех СЛТ является воспроизведение уже сложившегося терминопотребления.

В качестве самостоятельных источников лингвистической терминологии для тезауруса метаязыка лингвистики, разумеется, необходимо использовать теоретический журнал по общему и сравнительному языкознанию «Вопросы языкознания» (1952-2011, 366 вып., ок. 6000 статей), сборники «Новое в лингвистике» (7 вып., 1960-1970); «Новое в зарубежной лингвистике» (1978-1989, 18 вып.); Интернет-энциклопедию Википедия (как источник о источниках), а также избранные труды классиков языкознания.

В заключение сформулируем краткий алгоритм моделирования тезауруса метаязыка лингвистики на основе рассмотренных СЛТ:

1) Создание словарных статей тезауруса и лексико-систематических (тематические, категориальные, смешанные), пермутационных, иерархических и др. указателей и списков специальных категорий лексических единиц (общие категории: названия дисциплин и отраслей деятельности; предметы, материалы; методы, процессы, операции, явления; свойства, величины, параметры, характеристики; отношения, структуры, модели, законы, правила, абстрактные понятия).

2) Автоматизация процессов построения тезауруса: частотный, статистический анализ, коррекция статей, сортировка словников, проверка взаимности и непротиворечивости ссылок, составление указателей, конвертация в требуемые форматы и кодировки.

3) Ввод в научный оборот и технологическое внедрение.

Особенностью конструируемого тезауруса является то, что сама его структура даёт возможность пользователю осуществлять поиск не только по отдельным ключевым словам, но и по смысловым полям, разделам лингвистики и терминологическим парадигмам.

Суть моделируемого гипертекстового ИПТ метаязыка лингвистики заключается в расширении возможностей современных поисковых систем для обеспечения запросов пользователей. Используя тезаурус, можно с достаточной степенью эффективности получать результаты поиска, соответствующие информационной потребности пользователя, уместности и состоятельности результатов, релевантности и пертинентности. Пользователь может получить не только информацию о ресурсах, узואльно и/или окказионально содержащих введенные ключевые слова, но и семантически связанные с ними термины, соответствующие дескрипторы, дефиниции, иллюстрации, интерпретации, леммы, объяснения, определения, понятия, разъяснения, толкования, трактовки, формулировки, экскурсы и эксцерпции. Программно сконструировав гиперссылки, на базе такого тезауруса можно также подсказать пользователю, по каким еще вокабулам (лексемам, лексико-грамматическим и/или лексико-семантическим вариантам, леммам, словоупотреблениям, словоформам, текстоформам) целесообразно продолжить поиск.

Для экономии объема настоящей работы именно здесь подробную библиографию не приводим, однако при необходимости вы можете её получить, напр., по электронной почте serg@lsw.ru, gowor@online.ru, lsw@mail.ru или на сайте <http://lsw.ru>, <http://ЛСВ.РФ>.

Библиографический список

- Ахманова, О.С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики. ВЯ, 1961. – № 5.
- Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – М., 1975.
- Потиха, З.А., Розенталь Д.Э. Лингвистические словари и работа с ними в школе: пособие для учителя. – М., 1987.
- Козырев, В.А., Черняк В.Д. Слово в системе словарей русского языка: уч. пособие к спецкурсу. – Л., 1989.
- Баранов, А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов с английскими эквивалентами. – М., 1993. – Т. 1.
- Протченко, И.Ф. Словари русского языка: краткий очерк. – М., 1996.
- Лесников, С.В. Словарь русских словарей. – М., 2002.
- Соображения педагогического совета Минской гимназии об установлении общей грамматической терминологии и единства в грамматических определениях при преподавании языков: отечественного, древних и новых: цирк. Виленск. уч. окр., 1871. – № 11. – Отд. II.
- Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов (СЛТ). – М., 1966.
- Стариченко, В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов н/Д, 2008.
- Нечаев, Г.А. Краткий лингвистический словарь / отв. ред. М.К. Милых. – Ростов н/Д, 1976.
- Потапов, В.В. Краткий лингвистический справочник. Языки и письменность / под общ. ред. Р.К. Потаповой. – М., 1997.
- Васильева, Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий СЛТ. – М., 1995.
- Виногорова, Л.М. Краткий СЛТ: справочный материал: в помощь старшеклассникам и абитуриентам. – М., 2008.
- Шор, Р.О. Краткий словарь лингвистических и стилистических терминов // Шор Р. Язык и общество. – М., 1926.
- Шаймиев, В.А. Краткий словарь современных лингвистических терминов в цитатах. – СПб., 1999.
- Варпахович, Л.В. Краткий терминологический словарь. – Минск, 2003.
- Жирков, Л.И. Лингвистический словарь. – М., 1945.
- Вахек, Й. Лингвистический словарь Пражской школы / пер. с франц., нем., англ., чеш. И.А. Мельчука, В.З.Санникова; под ред. А.А. Реформатского. – М., 1964.
- Куликова, И.С., Салмина Д.В. Обучающий СЛТ. – СПб., 2004.
- Матвеева, Т.В. Полный СЛТ. – Ростов н/Д, 2010.
- Хэмп, Э. Словарь американской лингвистической терминологии / пер. с англ. и доп. В.В. Иванова; под ред. В.А. Звегинцева. – М., 1964.
- Потиванов, Е.Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов. – М., 2010.
- Марузо, Ж. СЛТ / пер. с франц. Н.А. Андреева; под ред. А.А. Реформатского; предисл. В.А. Звегинцева. – М., 1960.
- Габис, Р., Барбаре Д., Бергмане А. СЛТ. – Рига, 1963.
- Хусейнов, Х., Шукурова К. СЛТ. – Душанбе, 1983.
- Стецко, П.В., Гулицкий Н.Ф., Антонюк Л.А. СЛТ / под ред. Н.В. Бирилло, П.В. Стецко. – Минск, 1990.
- Жеребило, Т.В. СЛТ. – Матрас, 2003.
- Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – М., 1975.
- Бредихина, В.П., Глазман М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов (для студентов-филологов нац. групп педвузов). – Алма-Ата, 1988.
- Эмирова, А.М. Словарь-справочник лингвистических терминов по курсу «Введение в языкознание». – Симферополь, 1995.
- Монахова, О.А. Терминологический минимум для иностранных студентов-нефилологов: СЛТ. Хабаровск, 2003.
- Брусенская, Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малышева Н.В. Учебный СЛТ. Ростов н/Д., 2005.
- Фролов, Н.К. Учебный СЛТ и понятий: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. – Нижневартовск, 2002.
- Лийвасте, Эне. Школьный СЛТ. – Таллинн, 1989.
- Лемов, А.В. Школьный лингвистический словарь: термины, понятия, комментарии. – М., 2006.
- Соловьёва, Н.Н. Весь русский язык в таблицах: От фонетики до синтаксиса. – М., 2009.
- Москвин, В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов н/Д, 2007.
- Караулов, Ю.Н. Глоссарий. – М., 1999.
- Каменева, С.К. Грамматика РЯ (в таблицах и схемах). – М., 2002
- Новичёнок, И.К. Грамматика РЯ в таблицах и схемах, 2008.
- Дурново, Н.Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). – М., 1924.
- Государственные языки в Российской Федерации: энциклопедический словарь-справочник / гл. ред. В.П. Нерознак. – М., 1995.
- Кубрякова, Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1997.
- Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста. – М., 1978.

46. Немченко, В.Н. Основные понятия лексикологии в терминах: учебный словарь-справочник. – Красноярск, 1985.
47. Михалев, А.Б. Общее языкознание. История языкознания, или Путеводитель по лингвистике: конспект-справочник. – М., 2005.
48. Каде, Т.Х., Факторович А.Л. Русская диалектология. Термины и понятия. Краснодар, 1994.
49. Греймас, А.Ж., Курте Ж. Семиотика: объяснительный словарь теории языка / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983.
50. Монастырский, А.В. Словарь терминов московской концептуальной школы. – М., 1999.
51. Бернштейн, С.И. Словарь фонетических терминов / под ред. и со вступ. ст. А.А. Леонтьева. – М., 1996.
52. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М., 2003.
53. Введение в языкознание: учеб.-метод. комплекс: / под ред. Р.И. Тихоновой. – Самара, 1998.
54. Максимов, В.Я., Одеков Р.В. Учебный словарь-справочник русских грамматических терминов. – СПб., 1998.
55. Цейтлин, С.Н., Погосян В.А., Еливанова М.А., Шапиро Е.И. Язык. Речь. Коммуникация: междисциплинарный словарь: лингвистам, преподавателям иностранных языков, методистам по развитию речи, учителям-словесникам, логопедам и студентам. – СПб., 2006.
56. Баранов, А.Н., Добровольский Д.О. и др. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: ок. 8000 терминов. – М.: Помовский и партнеры, 1996.
57. Бережанская, И.Ю., Сорокина Э.А. Англо-русский и русско-английский словарь консубстанциональных лингвистических терминов. – М., 2006.
58. Хворостин, Д.В. Англо-русский СЛТ. – Челябинск, 2007.
59. Демьянов, В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста: Порождающая грамматика. – М., 1982.
60. Колесникова, И.А., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. – СПб., 2008.
61. Краткий русско-туркменский СЛТ: проект // Материалы ко второму лингвистическому съезду Туркм. ССР. – Ашхабад, 1951.
62. Баранов, А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий СЛТ с английскими эквивалентами. Ок. 5500 немецких и 5500 русских терминов. – М., 2006.
63. Ивлева, Г.Г. Немецко-русский словарь по лексикологии и стилистике: учебное пособие. – М., 2006.
64. Лукьянов, А.В. Нидерландско-русский СЛТ. 2008. <http://tapemark.narod.ru>.
65. Марчук Ю.Н., Яковлева С.А. Русско-английско-испанско-французско-китайский СЛТ. М., 2005.
66. Абуталипова, П.А., Камалетдинова А.В. Русско-башкирский словарь терминов по методике преподавания языков. – Уфа, 2009.
67. Антонюк, Л.А. и др. Русско-белорусский СЛТ / АН БССР, Терминал. комис. и др. – Минск, 1988.
68. Кенеебаев, С., Жанузаков Т. Русско-казахский СЛТ. – Алма-Ата, 1966.
69. Калибек, Т., Шамиль Б. (отв. редакторы) Китайско-казахско-русский СЛТ. 2009.
70. Насыров, Д., Бекберенов А., Жаримбеков А. Русско-каракалпакский СЛТ. Нукус, 1979.
71. Гацалова, Л.Б. Русско-осетинский, осетинско-русский СЛТ. Владикавказ, 2007.
72. Кайдаров, А.Т., Баратов Ш. Русско-уйгурский СЛТ / под ред. Р. Исмаилова. Алма-Ата: Мектеп, 1987.
73. Чепак, Т.Ф. СЛТ (русско-молдавский и молдавско-русский). – Кишинев, 1969.
74. Зверева, Т.Р., Шибанов А.А. Удмуртско-русский и русско-удмуртский СЛТ. Ижевск, 2006.
75. Назарян, А.Г. Французско-русский учебный СЛТ. – М., 2002.
76. Смиренский, В.Б. Тезаурус информационно-поисковый по языкознанию / ред. А.Я. Шайкевич. М., 2007.
77. Никитина, С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике: Автоматическая обработка текста. – М., 1978.
78. Захаров, В.П., Левашова Л.Г., Никитин В.Б., Пименов Е.Н. Информационно-поисковый тезаурус. – СПб., 2006.

Bibliography

1. Akhmanova, O.S. K voprosu ob osnovnykh ponyatiyakh metazyazhka lingvistiki. VYa, 1961. – № 5.
2. Rozentalj, D.Eh., Telenkova M.A. Slovarj-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlya uchitelya. – М., 1975.
3. Potikha, Z.A., Rozentalj D.Eh. Lingvisticheskie slovari i rabota s nimi v shkole: posobie dlya uchitelya. – М., 1987.
4. Kozihrev, V.A., Chernyak V.D. Slovo v sisteme slovarey russkogo yazhka: uch. posobie k speckursu. – Л., 1989.
5. Baranov, A.N., Dobrovolskiy D.O. Nemecko-russkiy i russko-nemeckiy slovarj lingvisticheskikh terminov s angliyskimi ehkvivalentami. – М., 1993. – Т. 1.
6. Protchenko, I.F. Slovari russkogo yazhka: kratkiy ocherk. – М., 1996.
7. Lesnikov, S.V. Slovarj russkikh slovarey. – М., 2002.
8. Soobrazheniya pedagogicheskogo sojeta Minskoy gimnazii ob ustanovlenii obthey grammaticheskoy terminologii i edinstva v grammaticheskikh opredeleniyakh pri prepodavanii yazhkov: otechestvennogo, drevnikh i novikh: cirk. Vilensk. uch. okr., 1871. – № 11. – Otd. II.
9. Akhmanova, O.S. Slovarj lingvisticheskikh terminov (SLT). – М., 1966.
10. Starichenko, V.D. Bolshoy lingvisticheskij slovarj. – Rostov n/D, 2008.
11. Nechaev, G.A. Kratkij lingvisticheskij slovarj / otv. red. M.K. Milikh. – Rostov n/D, 1976.
12. Potapov, V.V. Kratkij lingvisticheskij spravochnik. Yazhki i pisemnostj / pod obth. red. R.K. Potapovoy. – М., 1997.
13. Vasiljeva, N.V., Vinogradov V.A., Shakhnarovich A.M. Kratkij SLT. – М., 1995.
14. Vinogorova, L.M. Kratkij SLT: spravochnij material: v pomothj starsheklassnikam i abiturientam. – М., 2008.
15. Shor, R.O. Kratkij slovarj lingvisticheskikh i stilisticheskikh terminov // Shor R. Yazhki i obthstvo. – М., 1926.
16. Shaymiev, V.A. Kratkij slovarj sovremennikh lingvisticheskikh terminov v citatakh. – SPb., 1999.
17. Varpakhovich, L.V. Kratkij terminologicheskij slovarj. – Minsk, 2003.
18. Zhirkov, L.I. Lingvisticheskij slovarj. – М., 1945.
19. Vakhek, Yj. Lingvisticheskij slovarj Prazhskoy shkolih / per. s franc., nem., angl., chesh. I.A. Meljchuka, V.Z.Sannikova; pod red. A.A. Reformatskogo. – М., 1964.
20. Kulikova, I.S., Salmina D.V. Obuchayutij SLT. – SPb., 2004.
21. Matveeva, T.V. Polnij SLT. – Rostov n/D, 2010.
22. Khehmp, Eh. Slovarj amerikanskoy lingvisticheskoy terminologii / per. s angl. i dop. V.V. Ivanova; pod red. V.A. Zveginceva. – М., 1964.
23. Polivanov, E.D. Slovarj lingvisticheskikh i literaturovedcheskikh terminov. – М., 2010.
24. Maruzo, Zh. SLT / per. s franc. N.A. Andreeva; pod red. A.A. Reformatskogo; predisl. V.A. Zveginceva. – М., 1960.
25. Grabis, R., Barbare D., Bergmane A. SLT. – Riga, 1963.
26. Khuseynov, Kh., Shukurova K. SLT. – Dushanbe, 1983.
27. Stecko, P.V., Gulickiy N.F., Antonyuk L.A. SLT / pod red. N.V. Birillo, P.V. Stecko. – Minsk, 1990.
28. Zhrebilo, T.V. SLT. – Magas, 2003.
29. Rozentalj, D.Eh., Telenkova M.A. Slovarj-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlya uchitelya. – М., 1975.
30. Bredikhina, V.P., Glazman M.A. Slovarj-spravochnik lingvisticheskikh terminov (dlya studentov-filologov nac. grupp pedvuzov). – Alma-Ata, 1988.
31. Ehmirova, A.O. Slovarj-spravochnik lingvisticheskikh terminov po kursu „Vvedenie v yazhkoznanie“. – Simferopolj, 1995.
32. Monakhova, A.M. Terminologicheskij minimum dlya inostrannikh studentov-nefilologov: SLT. Khabarovsk, 2003.
33. Brusenskaya, L.A., Gavrilova G.F., Malihsheva N.V. Uchebniy SLT. Rostov n/D., 2005.
34. Frolov, N.K. Uchebniy SLT i ponyatiy: ucheb. posobie dlya studentov vissh. ped. ucheb. zavedeniy. – Nizhnevartovsk, 2002.
35. Lijvaste, Ehne. Shkolnij SLT. – Tallinn, 1989.
36. Lemov, A.V. Shkolnij lingvisticheskij slovarj: terminih, ponyatiya, kommentarii. – М., 2006.
37. Soloviyova, N.N. Vesj russkij yazhki v tablicakh: Ot fonetiki do sintaksisa. – М., 2009.
38. Moskvina, V.P. Vihrazitelniye sredstva sovremennoj russkoy rechi. Troph i figurih. Terminologicheskij slovarj. – Rostov n/D, 2007.
39. Karaulov, Yu.N. Glossarij. – М., 1999.
40. Kameneva, S.K. Grammatika RYa (v tablicakh i skhemakh). – М., 2002
41. Novichyonok, I.K. Grammatika RYa v tablicakh i skhemakh, 2008.

42. Durnovo, N.N. Grammaticheskiy slovarj (grammaticheskie i lingvisticheskie terminih). – M., 1924.
43. Gosudarstvenniye yazyki v Rossiyskoy Federacii: ehnciklopedicheskiy slovarj-spravochnik / gl. red. V.P. Neroznak. – M., 1995.
44. Kubryakova, E.S., Demjankov V.Z., Pankrac Yu.G., Luzina L.G. Kratkiy slovarj kognitivnykh terminov. – M., 1997.
45. Nikolaeva, T.M. Kratkiy slovarj terminov lingvistiki teksta // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vihp.8. Lingvistika teksta. – M., 1978.
46. Nemchenko, V.N. Osnovniye ponyatiya leksikologii v terminakh: uchebniy slovarj-spravochnik. – Krasnoyarsk, 1985.
47. Mikhalev, A.B. Obthee yazhkoznaniye. Istoriya yazhkoznaniya, ili Putevoditel po lingvistike: konspekt-spravochnik. – M., 2005.
48. Kade, T.Kh., Faktorovich A.L. Russkaya dialektologiya. Terminih i ponyatiya. Krasnodar, 1994.
49. Greyimas, A.Zh., Kurte Zh. Semiotika: objyasnitelnyy slovarj teorii yazyhka / sost., vstup. st. i obth. red. Yu.S. Stepanova. – M.: Raduga, 1983.
50. Monastirskiy, A.V. Slovarj terminov moskovskoy konceptualnoy shkoly. – M., 1999.
51. Bernsheyn, S.I. Slovarj foneticheskikh terminov / pod red. i so vstup. st. A.A. Leontjeva. – M., 1996.
52. Nelyubin, L.L. Tolkoviyy perevodovedcheskiy slovarj. – M., 2003.
53. Vvedenie v yazhkoznaniye: ucheb.-metod. kompleks: / pod red. R.I. Tikhonovoy. – Samara, 1998.
54. Maksimov, V.Ya., Odekov R.V. Uchebniy slovarj-spravochnik russkikh grammaticheskikh terminov. – SPb., 1998.
55. Ceytlin, S.N., Pogossyan V.A., Elivanova M.A., Shapiro E.I. Yazykh. Rechj. Kommunikaciya: mezhdisciplinarniy slovarj: lingvistam, prepodavatelyam inostrannykh yazykhov, metodistam po razvitiyu rechi, uchitelyam-slovesnikam, logopedam i studentam. – SPb., 2006.
56. Baranov, A.N., Dobrovoljskiy D.O. i dr. Anglo-russkiy slovarj po lingvistike i semiotike: ok. 8000 terminov. – M.: Pomovskiy i partnerih, 1996.
57. Berezhanskaya, I.Yu., Sorokina E.A. Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovarj konsubstancionalnykh lingvisticheskikh terminov. – M., 2006.
58. Khvorostin, D.V. Anglo-russkiy SLT. – Chelyabinsk, 2007.
59. Demjankov, V.Z. Anglo-russkie terminih po prikladnoy lingvistike i avtomaticheskoy obrabotke teksta: Porozhdayutaya grammatika. – M., 1982.
60. Kolesnikova, I.A., Dolgina O.A. Anglo-russkiy terminologicheskij spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykhov. – SPb., 2008.
61. Kratkiy russko-turkmenskij SLT: proekt // Materialih ko vtoromu lingvisticheskomu sjhezdu Turkm. SSR. – Ashkhabad, 1951.
62. Baranov, A.N., Dobrovoljskiy D.O. Nemecko-russkiy i russko-nemeckij SLT s angliyskimi ehkivalentami. Ok. 5500 nemeckikh i 5500 russkikh terminov. – M., 2006.
63. Ivleva, G.G. Nemecko-russkiy slovarj po leksikologii i stilistike: uchebnoe posobie. – M., 2006.
64. Lukyanov, A.V. Niderlandsko-russkiy SLT. 2008. <http://tapemark.narod.ru>.
65. Marchuk Yu.N., Yakovleva S.A. Russko-angliysko-ispansko-francuzsko-kitajskij SLT. M., 2005.
66. Abutalipova, P.A., Kamaletdinova A.V. Russko-bashkirskij slovarj terminov po metodike prepodavaniya yazykhov. – Ufa, 2009.
67. Antonyuk, L.A. i dr. Russko-beloruskiy SLT / AN BSSR, Terminol. komis. i dr. – Minsk, 1988.
68. Keneebaev, S., Zhanuzakov T. Russko-kazakhskij SLT. – Alma-Ata, 1966.
69. Kalibek, T., Shamili B. (otv. redaktorih) Kitajsko-kazakhsko-russkiy SLT. 2009.
70. Nasihrov, D., Bekbergenov A., Zharimbekov A. Russko-karakalpakskij SLT. Nukus, 1979.
71. Gacalova, L.B. Russko-osetinskiy, osetinsko-russkiy SLT. Vladikavkaz, 2007.
72. Kaydarov, A.T., Baratov Sh. Russko-uyjgurskiy SLT / pod red. R. Ismailova. Alma-Ata: Mektep, 1987.
73. Chelak, T.F. SLT (russko-moldavskij i moldavsko-russkiy). – Kishinev, 1969.
74. Zvereva, T.R., Shibanov A.A. Udmurtsko-russkiy i russko-udmurtskij SLT. Izhevsk, 2006.
75. Nazaryan, A.G. Francuzsko-russkiy uchebniy SLT. – M., 2002.
76. Smirenskiy, V.B. Tezaurus informacionno-poiskovih po yazhkoznaniyu / red. A.Ya. Shaykevich. M., 2007.
77. Nikitina, S.E. Tezaurus po teoreticheskoy i prikladnoy lingvistike: Avtomaticheskaya obrabotka teksta. – M., 1978.
78. Zakharov, V.P., Levashova L.G., Nikitin V.B., Pimenov E.N. Informacionno-poiskovihy tezaurus. – SPb., 2006.

Статья поступила в редакцию 30.11.11

УДК 811.11-112

Komleva E.V. SPEECH STEREOTYPE OF GERMAN APPELLATIVE TEXT. The concept of speech stereotype treated as structurally-semantic invariance and speech standart is considered in the article. The speech stereotype represents actualization of social stereotypes. Stereotypes mediate human relations, being means of organization of typical speech interaction in which communicants act as carriers of certain social functions.

Key words: speech genre, text class, structural-semantic variant, variability, speech stereotype, functional-semantic category, appealing.

Е.В. Комлева, докторант РГПУ им. А.И.Герцена, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков ОГПУ, г.Оренбург, E-mail: ab@herzen.spb.ru

РЕЧЕВАЯ СТЕРЕОТИПНОСТЬ НЕМЕЦКОГО АПЕЛЛЯТИВНОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается понятие речевой стереотипности, которое трактуется как структурно-смысловая инвариантность, стандартизованность речи. Речевой стереотип представляет собой актуализацию социальных стереотипов. Стереотипы опосредуют отношения между людьми, являются средствами организации шаблонной речевой интеракции, в которой коммуниканты выступают носителями определенных социальных функций.

Ключевые слова: речевой жанр, класс текстов, структурно-семантический вариант, вариативность, речевой стереотип, функционально-семантическая категория, апеллативность.

Стереотип — это, как известно, устойчивый образ определенного явления, складывающийся в условиях дефицита информации. В результате обобщения личного опыта, к которому присоединяются сведения, почерпнутые из различных культурных источников, возникает стереотипизация. В большинстве работ, так или иначе касающихся феномена стереотипа, последний рассматривается в контексте социального взаимодействия, как некая «модель» действия, поведения, связанная с определенным социально детерминированным выбором той или иной тактики и стратегии поведения в некоторой ситуации, обусловленным определенным набором потребностей и мотивов [1, с. 231]. Социальный стереотип, таким образом, — это устойчивое представление, сформированное на основе предшествующего опыта социальной группы, неосознанно и однозначно понимаемое большин-

ством ее членов [2, с. 101]. При таком понимании стереотипа он является «моделью», «каноном». Но стереотип как представление может выступать в двух ипостасях: как некий сценарий ситуации (модель) и как собственно представление, т.е. не только как канон, но и как эталон [1, с. 231]. Стереотип, таким образом, имеет две разновидности. Первая группа стереотипов представлена стереотипами поведения, хранящимися в сознании в виде штампов и выступающими в роли канона; они представляют собой инварианты деятельности, определяют модель коммуникативного поведения в той или иной ситуации. Иначе говоря, они, диктуя определенное поведение, выполняют прескриптивную функцию. Вторую группу стереотипов составляют стереотипы-представления, хранящиеся в виде клише и функционирующие как эталон; такие стереотипы связаны с речевым поведением в конкретной

ситуации, ее характеризую и в ней проявляясь. То есть они диктуют не столько само поведение, сколько набор ассоциаций и определяют выбор определенной языковой формы с проекцией на данную ситуацию.

Социальный стереотип выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению окружающей действительности, сложившемуся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. Знакомство человека с социальными стереотипами происходит в процессе социализации личности. Социализация представляет собой процесс усвоения индивидом социальных норм и ролей. Роль, которую исполняет человек, может быть обусловлена его постоянными социальными характеристиками (социальным статусом, профессией, возрастом, полом, положением в семье) и переменными характеристиками, которые детерминируются свойствами ситуации: роль покупателя, пассажира, клиента, подчиненного, руководящего работника и т.д. Регулярное выполнение индивидом определенной социальной роли предполагает привычные для данной роли стабильные стереотипы поведения, в том числе, и речевые. Процесс выработки типичных способов поведения происходит двумя путями: путем подражания и путем прямого или опосредованного обучения. Выполняя определенную роль, человек автоматически выбирает такую линию поведения, которую он неоднократно наблюдал в опыте предшествующих поколений и реализовывал сам в результате многократного повторения в аналогичных ситуациях. Поскольку взаимодействие людей в различных видах деятельности осуществляется и в речевой форме, то бесспорен факт отражения человеком данного взаимодействия в речи различными лингвистическими единицами наряду с речевыми стереотипами. Изучению речевой стереотипности (клишированности, стандартизации) посвящен ряд работ, где данное явление исследуется в рамках текстов научного стиля [3; 4; 5].

Материалом для данной статьи послужили аппеллятивные тексты, что предполагает ответ на вопрос о причинах формирования стереотипной компоненты аппеллятивного текста. Аппеллятивные тексты (цитируемые аппеллятивные тексты находятся в личном архиве автора статьи) отличаются четко определенной аппеллятивной функцией, т.е. функцией побуждения адресата к совершению речевого или посткоммуникативного действия (тексты с доминантой «обращение/требование», *dominant auffordernde Texte*). В основе появления и функционирования аппеллятивных текстов заложена функционально-семантическая категория аппеллятивности, которая является не только фактором образования таких текстов, но и их инвариантным стереотипным признаком. Использование термина «функционально-семантическая категория аппеллятивности» находит известное основание в том, что критерием для выделения рассматриваемой категории служит общность семантической функции взаимодействующих языковых элементов – побуждение к действию, ориентированное на разные типы адресата. В структурном отношении функционально-семантическая категория аппеллятивности представляет собой поле. Основу для определения аппеллятивности как функционально-семантического поля дает общность семантики (наличие семантического инварианта побуждения к действию) и взаимодействие входящих в него языковых средств (их сочетаемость/несочетаемость в тексте, возможность замены одного средства другим в определенных условиях). В роли компонентов функционально-семантического поля аппеллятивности выступают различные конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, обращения, вопросительные предложения.

К аппеллятивным текстам относятся тексты военной и политической пропаганды (листовки, плакаты, агитационные выступления политиков), военные и гражданские приказы, распоряжения, религиозные проповеди (принадлежащие к текстовым группировкам с неспецифической книжностью, к массовой коммуникации), деловые письма (различные письма-просьбы, рекламации), заявления о приеме на работу, обиходно-деловые письма. Продуцирование данных текстов подвергает сильным ограничениям коммуникативную деятельность адресанта. Будучи адресованными конкретному адресату, обозначенному в начале текста при помощи обращения, аппеллятивные тексты обладают значимостью для узкого круга читателей. В аппеллятивных текстах обращение имеет сильную текстовую валентность, обуславливает использование речевых стратегий и тактик с ориентацией на указанных адресатов. Аппеллятивные тексты принадлежат к разным сферам употребления, функциональным стилям, но все они характеризуются наличием доминирующей аппеллятивной функ-

ции – побуждения адресата к действию, реализации которой колеблется от одноактного выражения до синаспектного, представленного в единстве названия адресата через обращение, описания положения дел, обуславливающего необходимость реализации побуждения, речевых стратегий и тактик, способствующих эффективности побуждения, самого побуждения к действию, выраженного одним из конституентов микрополя побудительности. Присутствие указанных неотъемлемых компонентов в аппеллятивных текстах, их актуализация, как на поверхностном уровне, так и в смысловой структуре, составляет отличительную особенность аппеллятивных текстов. Для актуализации данных компонентов в течение длительного времени происходила выработка приемов и способов организации речи, велся отбор наилучших вариантов для тех или иных коммуникативных ситуаций, в результате чего исторически сложились стандартизованные, стереотипные речевые формулы. Адресант аппеллятивного текста, выступая носителем определенной социальной функции, использует устойчивые речевые комплексы в повторяющихся ситуациях аппеллятивного общения, опирается, таким образом, на обобщенный опыт традиционного употребления языковых единиц – речевой стереотип.

Речевой стереотип определяется как готовая речевая формула, быстро передающая общезначимое и общепонятное содержание в типичных ситуациях общения (здесь и далее подчеркито нами, Е.К.), выбирая данную формулу, автор формирует положительное, нейтральное или отрицательное отношение у читателей к речевому событию [6, с. 137]. Известно, что «готовая речевая форма», имеющая общезначимое, понятное содержание, обладающая устойчивостью, является признаком жанра. Само определение жанра и его роли в речевом общении предполагает этот признак. По теории М.М. Бахтина, речевые жанры – это «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [7, с. 241-242]; «для говорящего они имеют нормативное значение, не создаются им, даны ему» [7, с. 260]; это «типовые модели построения речевого целого» [7, с. 307]. Вместе с тем: «мы говорим только определенными речевыми жанрами» [7, с. 257]; «Если бы речевых жанров не существовало, и мы не владели ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе речи, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно» [7, с. 258].

Подобная устойчивость, наличие в запасе у говорящих готовых высказываний предполагает стереотипность речи. М.П. Кожина справедливо замечает, что стереотипность в разной степени выступает в различных сферах общения [8, с. 54]. В разговорной речи наряду с известными этикетными высказываниями много и других готовых формул. Для художественной речи они нежелательны, помимо случаев отражения разговорных диалогов. Научная и особенно официально-деловая речь, как известно, не только не обходится без стереотипов, но последние составляют весьма характерную стилевую черту научных и деловых текстов, что вызвано особенностями общения: повторяемостью описываемых ситуаций, учетом принципов восприятия и понимания речи и т.д. Речевые стереотипы, таким образом, обусловили существование жанров, как типовых моделей построения текстов.

Стереотипность как один из признаков речевого жанра, исследуется нами на материале текстов аппеллятивного жанра. Не останавливаясь подробно в рамках статьи на дискуссионном вопросе о классификации жанров, отметим лишь некоторые, важные для дальнейшего изложения аспекты. Обобщая определения, сформулированные в классических работах по теории жанра [9; 10; 11], и, рассматривая коммуникативную цель (функцию) в качестве основного параметра при классификации жанров, предлагаем считать аппеллятивным жанром типовую модель речевого взаимодействия субъектов коммуникации, осуществляемого с целью побуждения адресата к совершению действия. Необходимо сделать оговорку относительно функции как главного критерия для классификации жанров. Любое общение представляет собой сочетание различных функций, среди которых есть доминирующая. Выделение аппеллятивного жанра основано на признании наличия доминирующей аппеллятивной речевой функции.

Речевой жанр, таким образом, предстает как форма, вербально-знаковое оформление типичной ситуации социального взаимодействия. В этой связи М.М. Бахтин замечает о жанрах, что они «... являются формой высказываний, но не самими высказываниями. Типическими для речевых жанров являются: коммуникативная ситуация, экспрессия (выразительность) и эксп-

рессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого), концепция адресата и над адресата» [12, с. 149]. Апеллятивный жанр оформляет ситуации просьбы, приказа, рекомендации, совета – ситуации, характеризующиеся очевидным спонтанным неподготовленным характером побуждения, которое вызвано различными факторами (физическое состояние адресата, его интерес к происходящему, улучшение условий общения и т.д.) в дружеском, повседневном общении. Такая реализация побуждения тяготеет к одноактным способам выражения, что, очевидно, связано со спонтанностью побуждения и способствует привлечению привычных стереотипных способов выражения, типа «Gib mir bitte ein Handtuch!», не требующих дополнительных усилий и времени на обдумывание. Помимо одноактного выражения побуждения можно говорить о более сложных способах, требующих навыков коммуникативной компетенции, когда используются речевые стратегии и тактики, поясняющие причину реализации побуждения, способствующие ее эффективности, как, например, в деловых военных и гражданских документах. Типы ситуаций побуждения, противопоставленные по признаку подготовленности – спонтанности, как побуждение в деловом документе и в бытовой беседе, соответствуют первичным (неподготовленным) и вторичным (подготовленным) речевым жанрам в классификации М.М. Бахтина [7, с. 192].

Апеллятивные жанры неразрывно связаны с социальным регламентом общения, объемом и структурой передаваемой адресату информации. Социальные нормы довольно жестко регламентированы по таким параметрам, как участники общения и тип коммуникативной ситуации, что приводит к необходимости разграничения ситуаций передачи информации между абсолютно равными по статусу коммуникантами – это симметричная коммуникация, характеризующая бытовую сферу обмена информацией, и ситуаций, свойственных профессиональной деятельности, научной, общественно-политической, когда передача информации осуществляется неравному по социальному статусу партнеру – это комплиментарная коммуникация, характеризующая различные сферы человеческой деятельности. Параметр учета адресата реализуется при презентации информации. Социальный стереотип функционирует как эталон, поскольку он «прикладывается» субъектом познания (адресантом) к познаваемой личности (адресату), что позволяет соотнести адресата с каким-либо социумом или группой.

Само понятие «апеллятивный жанр» выступает гиперонимом по отношению к типам текстов, объединенных доминирующей целью побуждения к действию, таких как деловое письмо, военный приказ, дипломатическая нота и т.д. Мы предлагаем иерархию, ранжированную по степени убывания абстрактности: апеллятивный жанр – класс апеллятивных текстов – тип текста – экземпляр текста. Жанр является средством формализации коммуникации, «жанры – это не коммуникация, а только ее формы» [7, с. 192]. Следует оговориться, что имеется в виду форма речевая. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт, стереотип, способствуют обмену более точными смыслами [13, с. 53]. Речевой жанр обуславливает существование класса текстов, созданных по определенной модели, в соответствии с которой автор строит, а адресат воспринимает речь. Класс текстов определяется как наличие множества текстов с общими функционально-ситуативными признаками. Тип текста, сохраняя данные функционально-ситуативные признаки, характеризуется набором обязательных языковых, структурных, стилистических, тематических, экстралингвистических особенностей (например, социальных характеристик субъектов общения) и предполагает их регулярную повторяемость при текстопроизводстве. В этом смысле тип текста тождественен понятию инвариантной модели [14, с. 31].

Как указывалось выше, общим признаком рассматриваемого класса апеллятивных текстов, является функционально-семантическая категория апеллативности, представляющая собой в структурном отношении поле. Функционально-семантические поля – это, как известно, семантические категории, рассматриваемые в единстве с системой средств ее выражения [15, с. 16]. Поскольку идея функциональной грамматики основана на принципе «от значения (от семантики) к форме», описание семантических категорий является важной задачей. Однако отсутствие строгой методики означает, что исследователь, применяющий подход «от значения к форме» никогда не сможет создать окончательной версии своей концепции, найти всех убеждающий способ определения семантических категорий, т.к. подобная концепция всегда имеет динамический, развивающийся характер. Это –

недостаток подхода «от значения к форме», с которым приходится считаться. По справедливому замечанию А.Мустайоки, объективных, однозначных способов определения и описания семантических категорий нет, но есть некоторые процессуальные приемы, облегчающие их уточнение [16, с. 34; 17, с. 27]. К одному из таких приемов, относится использование семантических структур.

Семантические структуры рассматриваются как эквиваленты высказываний. Основа семантической структуры – ядро, которое состоит из глубинного предиката и связанных с ним актантов [16, с. 203-249]. К ядерным элементам семантической структуры относятся предикат (V) и актанты (N, N1, N2...). Кроме ядра семантические структуры содержат так называемые модификаторы (M) и спецификаторы (S). Обязательными, стереотипными модификаторами, которые присутствуют в каждой семантической структуре, являются речевые функции (F) (сообщение, вопрос, побуждение). Модификаторы относятся ко всему ядру семантической структуры, спецификаторы определяют и уточняют отдельные ее элементы. Основные спецификаторы, а именно отрицание (D), темпоральность (T), актуальность (Aspekt), относятся, прежде всего, к предикату. Дополнительные спецификаторы – определенность (i), количество и место (L), спецификатор образа и способа действия (W). Для компонентов семантической структуры, не имеющих традиционных аббревиатур в лингвистической традиции, мы заимствовали аббревиатуры математические, T – время, {...} – множество компонентов, i – идентификатор, для обозначения спецификатора определенности, относительно которого следует внести уточнение. Как известно, под определенностью понимается такой признак в значении языковой единицы, который несет информацию о том, что денотат именной группы представлен в сознании говорящего выделенным либо из множества объектов, либо через приписывание объекту «уникальных», одному ему свойственных признаков в данной ситуации [18, с. 38]. Напротив, неопределенность трактуется как такой признак, который несет информацию о том, что денотат именной группы идентифицируется только до уровня члена класса. Объекту не приписываются уникальные свойства, он наделен только качествами, общими для всех членов класса (там же). В условиях апеллативного общения, отличающегося, за исключением бытовой сферы, институциональным статусно-маркированным характером, денотат, для обозначения субъектов такого общения, наделен, согласно данным дефинициям, признаком неопределенности, поскольку имеется в виду идентификация субъектов как членов классов, объединенных по социальному, половому, профессиональному, возрастному и т.д. параметрам. Поэтому, говоря о побуждении к действию определенного адресата, мы имеем в виду его идентификацию по одному из перечисленных параметров, без наделения уникальными признаками, что выражается через уточнение ядерного актанта спецификатором «определенность». Функционально-семантическая категория апеллативности может быть представлена следующей семантической структурой: $ФСКа = \{(N+V+Ni) \times AF\}$.

Таким образом, ядерная семантическая структура предложения «Ich bitte Sie möglichst schnell zu antworten» (отрывок из делового письма) состоит из предиката «bitten» (V) со значением побуждения к действию в виде просьбы, актанта, являющегося адресантом действия «ich» (N), актантом – адресатом действия «Sie» (Ni) и актанта, обозначающего само действие «antworten» (V). Семантическая структура реализуется в виде конкретных смыслов, в данном случае: «Адресант побуждает адресата к совершению действия» и имеет следующую поверхностную структуру: «N + V + N x (Akk)+ zu+V».

Суммируем сказанное: ядерная семантическая структура $ФСКа = \{(N+V+Ni) \times AF\}$; смысл предложения «адресант побуждает адресата к совершению действия»; поверхностная структура $N + V + N x (Akk)+ zu+V$; поверхностное предложение «Ich bitte Sie möglichst schnell zu antworten». Выделенная поверхностная структура относится к стереотипным, наиболее репрезентативным, прототипическим способам реализации побуждения к действию, характеризуется наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков апеллативности), высокой степенью регулярности функционирования в немецком языке в условиях апеллативного общения. Описанная выше семантическая структура, функционирует как эталон – мера для измерения интенсивности побуждения к действию, возможности выразить все, участвующие в побуждении, актанты.

Однако, наряду с наличием стереотипности при реализации побуждения, в апеллативном тексте может появиться и новое, но новое – не только индивидуально-психологическое для адресан-

та и адресата, а новое, создаваемое под напряжением гетерогенной среды: ее психологического аспекта – мнения автора как индивида; гносеологического аспекта – такой позиции субъекта, когда происходит стирание автора-индивида, или акцентирование индивидуальных характеристик адресата при побуждении к действию конкретных личностей; лингвистического аспекта – способности языковой системы быть средством выражения побуждения, реализуемого в динамике нового, но в синтезе со старым, обладающего как преемственностью, так и изменчивостью, что обеспечивает функциональную вариативность. Механизм функциональной вариативности построен по принципу, создания различных конфигураций языковых элементов без увеличения количества смыслов текста, а, напротив, путем детерминации смысла и введения ограничения в семантику высказывания. Так, например, одна и та же ситуация побуждения к действию при помощи просьбы может быть представлена разными комплексами взаимосвязанных компонентов: в одном случае в пропозицию войдут все актанты, формирующие валентность предиката «bitten»: Ich bitte Sie um die Hilfe (Ich bitte – субъектные отношения, Ich bitte Sie – отношения контрагента, Ich bitte Sie um die Hilfe – объектные отношения), в другом случае могут быть введены факультативные компоненты ситуации, связанные обстоятельством отношениями с предикатно-актантной структурой (указание на хронологические параметры), в то время как некоторым семантическим актантам может быть отказано в синтаксической позиции. Такие элементарные семантические отношения, представленные как инварианты, дают представление о том, что в языковой семантике легко сделать шаг от отношений более частотных к отношениям менее частным [19, с. 127-129]. В этой связи необходимо отметить структурно-семантические производные варианты выражения побуждения к действию, отличающиеся невыраженностью некоторых актантов, в частности актантов, соответствующих адресанту (пример 1), а иногда, не только адресанту, но и адресату общения (пример 2). Подобным образом побуждение реализуется во всевозможных вывесках, плакатах, например:

Rauchen Sie nicht! (1)

Nicht rauchen! (2)

Существуют разные возможности истолковать приведенные примеры [ср. 16, с. 47]. Согласно одной трактовке, отсутствующий в поверхностной структуре актант, инкорпорирован в значение глагола «gauchen», который включает в себя того, кто курит. Согласно другой трактовке, рассматриваемый актант опущен, эллиминирован в поверхностной структуре: наличие актантов явствует из контекста. Наконец, возможна трактовка, в соответствии с которой называть рассматриваемый актант нерелевантно с точки зрения адресанта побуждения. Например, несущественно, кому именно запрещено курить, запрет распространяется на всех. Семантическая структура отражает более глубокое представление о семантической категории апеллативности, что подводит нас к рассуждению о выраженности актантов при реализации побуждения к действию, в частности, актантов, обозначающих субъектов общения, и, как следствие к появлению речевой вариативности.

Определение факультативности / нефакультативности актантов занимает одно из центральных мест в теории валентностей [20, с. 51]. Возникает вопрос о необходимости точного отражения ситуации семантической структурой и важности учета сделанных адресантом ограничений, которые проявляются и в поверхностных предложениях. В связи с тем, что семантика изучает смысловую сторону языковых единиц, исходным пунктом при построении семантических структур является обобщенные, схематизированные смыслы – то, что адресант пытается выразить словами. Семантическая структура отражает именно ограниченный адресантом фрагмент ситуации и его точку зрения на нее. Следовательно, мы можем сформулировать вопрос о факультативности / нефакультативности актантов более точно: присутствуют ли в семантической структуре актанты, которые не получают конкретного репрезентанта на поверхностном уровне. Предложения (1) и (2) содержат глагол «gauchen», требующий при себе адресата, который иногда имплицитно, как в предложении (2). В данном случае, если адресат не выражен эксплицитно, можно утверждать, что им является какой-то человек, подверженный данной вредной привычке. Нужно ли предполагать существование актанта на семантическом уровне, если он не выражен на поверхностном уровне? Очевидно, что этот вопрос следует дать положительный ответ. Здесь уместно сослаться на критическое замечание А.А. Худякова, который пишет: «Знаковая, а значит и семантическая, невыраженность понятийной категории вовсе не

свидетельствует о том, что ее существование в сознании менее реально, чем в том случае, когда она находит свое выражение в языковом знаке» [21, с. 26].

Интерпретируемое как активное, осознанное человеком побуждение к действию получает свое регулярное воплощение в предложениях, построенных по глагольной модели, в которых субъект состояния занимает грамматически независимую синтаксическую позицию самостоятельно действующего лица – агенса, распространяющего свою активность на внешние объекты (Ich befahle euch die Brückenwache zu übernehmen – их военного приказа). Однако помимо этих регулярных языковых средств выражения семантических категорий в речи используются и другие, вариативные, контекстуальные, позволяющие уменьшить или увеличить семантику активности осуществления действия и сформировать, таким образом, у адресата желаемую модель психологической ситуации (Jeden Schirmspringer beschossen! – из военного приказа).

Язык предоставляет на выбор говорящего целый арсенал инструментов категоризации, позволяющих репрезентировать один и тот же объект по-разному, в зависимости от выбранной точки зрения. В процессе реализации своего речевого замысла мы всякий раз делаем такой выбор. Прибегая к использованию определенного комплекса языковых средств, реализующих в своей семантике некую когнитивную категорию, мы тем самым акцентируем внимание на какой-то одной, существенной с нашей точки зрения, стороне предмета, и затемняем все прочие аспекты нашего опыта, неактуальные в свете конкретного речевого замысла. Так легко «маскируется» способность субъекта к самостоятельному активному действию, грамматически представляя его как пассивного участника ситуации, объекта воздействия некой субстанции (другого человека, предмета, внешней силы и др.). Выбирая определенный способ семантической категоризации, говорящий сохраняет за собой право изменить ракурс изображения ситуации. Категориальная метаморфоза как раз и представляет собой реализацию этого права в пределах определенного высказывания, текстового фрагмента.

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с речевыми стереотипами, присущими классу апеллативных текстов, следует отметить, что стереотипные высказывания являются элементами речевой системы, которая имеет сложную структуру, проецирует возникновение новых оттенков речевых смыслов у языковых элементов под влиянием экстралингвистических факторов. Социально-культурный контекст имеет во многом определяющую роль в направлении выбора стереотипных высказываний, из тех или иных сфер деятельности человека и их закрепление за коммуникативной сферой общения. Стереотипные высказывания – единицы речевого поведения. Они относятся к уровню регуляции речевой деятельности, опирающейся на прошлый опыт общения с установкой на регулятивный и интеракционный характер. Как интерактивные единицы стереотипные высказывания составляют функционально-коммуникативную микросистему, привязанную к шаблонным ситуациям речевого поведения, которые требуют следования за жанром. Жанры являются источником типичных пресуппозиций, презумпций, фоновых знаний, актуализируемых в ситуации общения, типовой моделью построения текста. Жанр функционирует при этом как сценарий, предстает как стереотип-канон, диктующий количественно-структурную модель, которая, будучи выразителем определенных социально-культурных показателей, интерпретируется как принцип создания известного множества апеллативных текстов. Адресант, действуя в рамках канона, двигается от своего замысла, предварительных условий общения, конкретных особенностей реализации побуждения отдельно взятой коммуникативной ситуации, к способам его языкового воплощения, отталкиваясь от имеющегося эталона (семантической структуры), служащего мерой для установления интенсивности побуждения, необходимости выражения всех участвующих актантов, что приводит к возникновению речевой стереотипности. За счет стереотипных речевых средств, уже ставших конвенциональными, жанр придает речи большую организованность, системность.

Нерешенным остается вопрос об источнике речевой вариативности. Любое высказывание соотносено, как известно, с набором возможных экстралингвистических смыслов уже в силу своей предназначенности для использования в речи. Явление вариативности, очевидно, проистекает из явления переакцентуализации и вторичных речевых жанров, развивающихся в опосредованных сферах культуры. Точно определить отношения между вторичными речевыми жанрами и стереотипностью / ва-

риативностью довольно сложно. Вариативность реализации побуждения к действию, описанная выше, возникает в ситуациях общения, имеющих непрямой характер и проявляется в стремлении не к межличностному (непосредственному), а публично-общению с коллективным адресатом. Стереотипная модель

побуждения адресата к действию реализуются в виде структурно-семантических вариантов в различных типах класса апеллятивных текстов, что обусловлено, очевидно, особым характером адресата в той или иной сфере общения и другими экстралингвистическими факторами.

Библиографический список

1. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
2. Прохоров, Ю.Е. Национально-культурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996.
3. Разинкина, Н.М. О понятии стереотипа в языке научной литературы (к постановке вопроса) // Научная литература: язык, стиль, жанры. – М., 1985.
4. Матвеева, Т.В. Лексико-грамматические группы русских глаголов. – Свердловск, 1988.
5. Которова, М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста: функционально-стилистический аспект. – Красноярск, 1988.
6. Одарюк, И.В. К вопросу о стереотипах поведения // Личность, речь и юридическая практика. – Ростов-на-Дону, 2000.
7. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров. Собрание сочинений в семи томах. – М., 1996. – Т.5.
8. Кожина, М.Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество. – Пермь, 1999.
9. Бахтин, М.М. Проблема текста. Опыт философского анализа // Вопросы литературы. – 1976. – № 10.
10. Swales, J.M. Genre Analyses: English in Academic and Research Settings. – Cambridge UK, 1993.
11. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М., 2007.
12. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
13. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров. – М., 2010.
14. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста. – М., 2005.
15. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978.
16. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. – М., 2006.
17. Кирвесмяки, А. Выражение обобщенного значения в русском языке. – Хельсенки, 2010.
18. Сулейманова, О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы весь / целый и all / whole: дис. ...канд. филол. наук. – М., 1985.
19. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – М., 1974.
20. Мартемьянов, Ю.С. Метафора «валентность»: место в метаязыках // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36.
21. Худяков, А.А. Понятийные категории как объект лингвистического исследования // Аспекты лингвистических методологических исследований. – Архангельск, 1999.

Bibliography

1. Krasnikh, V.V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili realnost? – M., 2003.
2. Prokhorov, Yu.E. Nacionalno-kulturniye stereotipy rechevogo obsheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazhku inostrancev. – M., 1996.
3. Razinkina, N.M. O ponyatii stereotipa v yazhke nauchnoy literatury (k postanovke voprosa) // Nauchnaya literatura: yazhik, stil', zhanri. – M., 1985.
4. Matveeva, T.V. Leksiko-grammaticheskie gruppi russkikh glagolov. – Sverdlovsk, 1988.
5. Kotyurova, M.P. Ob ehkstralingvisticheskikh osnovaniyakh smihslvoy strukturi nauchnogo teksta: funktsionalno-stilisticheskij aspekt. – Krasnoyarsk, 1988.
6. Odaryuk, I.V. K voprosu o stereotipakh povedeniya // Lichnost', rech' i yuridicheskaya praktika. – Rostov-na-Donu, 2000.
7. Bakhtin, M.M. Problema rechevikh zhanrov. Sbornik sochineniy v semi tomakh. – M., 1996. – T.5.
8. Kozhina, M.N. Nekotorige aspektih izucheniya rechevikh zhanrov v nekhudozhestvennikh tekstakh // Stereotipnost' i tvorchestvo. – Perm', 1999.
9. Bakhtin, M.M. Problema teksta. Opiht filosofskogo analiza // Voprosih literatury. – 1976. – № 10.
10. Swales, J.M. Genre Analyses: English in Academic and Research Settings. – Cambridge UK, 1993.
11. Antologiya rechevikh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya. – M., 2007.
12. Bakhtin, M.M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. – M., 1986.
13. Dementjev, V.V. Teoriya rechevikh zhanrov. – M., 2010.
14. Chernyavskaya, V.E. Interpretatsiya nauchnogo teksta. – M., 2005.
15. Bondarko, A.V. Grammaticheskoe znachenie i smihsl. – L., 1978.
16. Mustajoki, A. Teoriya funktsionalnogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazhkovim sredstvam. – M., 2006.
17. Kirvesmyaki, A. Vihrazhenie obobshennogo znacheniya v russkom yazhke. – Kheljsenki, 2010.
18. Suleymanova, O.A. Nekotorige semanticheskije tipih substantivov i ikh aktualizatorih ves' / celihy i all / whole: dis. ...kand. filol. nauk. – M., 1985.
19. Apresyan, Yu.D. Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazhka. – M., 1974.
20. Martemyanov, Yu.S. Metafora «valentnost'»: mesto v metayazhikhakh // Semiotika i informatika. – 1998. – Vihp. 36.
21. Khudyakov, A.A. Ponyatiyniye kategorii kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya // Aspektih lingvisticheskikh metodologicheskikh issledovaniy. – Arkhangelsk, 1999.

Статья поступила в редакцию 18.11.11

УДК 811. 161.1. – 39

Kechina E.A. «MAN» IN THE SYSTEM OF VALUABLE ORIENTATIONS OF REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN AND ARABIAN CULTURE. The article is devoted to the research of the national-cultural specificity of valuable orientations of representatives of the Russian and Arabian culture on the basis of comparative analysis of image «Man».

Key words: values, valuable orientations, language consciousness, image of consciousness, association test, semantic gestalt, semantic zones.

Э.А. Кечина, соискатель сектора психолингвистики Института языкознания РАН, г. Рязань,
E-mail: kechina172@inbox.ru

«ЧЕЛОВЕК» В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И АРАБСКОЙ КУЛЬТУР

Статья посвящена исследованию национально-культурной специфики ценностных ориентаций представителей русской и арабской культур на основе анализа образа «Человек».

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, языковое сознание, образ сознания, ассоциативный эксперимент, семантический гештальт, семантические зоны.

*Для человека мысль – венец всего живого,
а чистота души есть бытия основа.*
Энеери Али Аухадеддин

*При мысли великой, что я человек,
всегда возвышаюсь душою.*
В.А. Жуковский

С развитием народонаселения Земли и учащением контактов начинается работа сравнения, в ходе которой формируется как образ других народов, так и свой собственный, поскольку национальное самосознание неотделимо от работы познания других народов [1]. Если мы ставим перед собой задачу как можно лучше, полнее понять этническое своеобразие, специфические черты и культурные особенности того или иного народа, видимо, наиболее правильным будет для нас начать «процесс открытия», уяснив его основные наиболее важные принципы и способы понимания действительности, его мировоззрение и базовые жизненные ценности [2].

Человеком всегда предпринимались попытки осознать, оценить и осмыслить окружающую действительность, самого себя и других, поэтому проблема изучения ценностного мира людей, принадлежащих к определенной культуре, по-прежнему остаётся эпицентром философских споров и дискуссий, а многочисленные вопросы, составляющие их смысловое ядро, тесно связаны между собой и имеют один общий знаменатель – понятие «ценность», наиболее употребляемое в сфере гуманитарного знания [3].

Осваивая в процессе субъектогенеза ценности окружающего мира, человек опирается на устоявшиеся в его культуре традиции, нормы и обычаи. При этом постепенно происходит формирование системы основополагающих и общепринятых ценностных ориентаций, которые наделяют все элементы пространства человеческой жизни аксиологической значимостью и выступают связующим звеном между человеком, его внутренним миром и окружающей действительностью [4]. В этой связи закономерно возникают вопросы: является ли ценностью сам человек, как центр бытия и субъект общественно-исторического процесса, и каким предстаёт образ человека в сознании представителей различных национальных культур. Мы попытаемся рассмотреть поставленные вопросы в контексте анализа национально-культурной специфики языкового сознания носителей двух культур: русской и арабской.

Как известно, единицей анализа языкового сознания, согласно концептуальному подходу, сформированному в отечественной психолингвистике, признаётся образ языкового сознания, а в качестве одного из наиболее эффективных способов применяется метод ассоциативного эксперимента. Процедура эксперимента направлена на выявление ассоциативных связей, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. Ассоциативные связи являются отражением процессов, происходящих в глубинных слоях человеческой психики, и репрезентируют неосознаваемые слои образов нашего сознания. Объектами анализа в этом случае становятся ассоциативно-вербальные сети, полученные на слова-псевдозэквиваленты, которые приближают нас к пониманию особенностей видения мира и его оценки национальным языковым сознанием [5].

В нашем исследовании мы опирались на результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди русских и арабских студентов в Рязанском государственном медицинском университете им. акад. И.П. Павлова. Количество респондентов: 150 – русских и 205 арабских. Полученные ассоциаты на слово-стимул «Человек» дифференцировались нами на основе метода семантического гештальта, с помощью которого были выявлены следующие общие семантические зоны: «Человек как существо биологическое», «Специфические черты, свойственные человеку и выделяющие его из природного мира» и «Качества человека». Кроме того, нами были выделены специфическая семантическая зона «Статус и значимость человека» у русских респондентов и специфическая семантическая зона, которую мы условно назвали «Человек как творение Божье», – у арабских. В статье реакции респондентов на слово-стимул «Человек» выделены курсивом, рядом в скобках указана частотность каждой из реакций.

Ядро семантической зоны «Человек как существо биологическое» у арабских студентов представлено ассоциатом *животное* (19), характеризующим человека как часть животного, при-

родного мира. Как живому *существо* (7) человеку свойственно *жить* (6), потому что он неотделим от процесса *жизни* (8), являющейся онтологической основой окружающего мира. Кроме того, образ человека как вида рода «люди» в арабском языковом сознании ассоциируется с *мужчиной* (5) и передаёт идею мужского начала. В идентичной семантической зоне у русских студентов реакция *животное* (1), напротив, занимает периферийное положение. Ядро семантической зоны «Человек как существо биологическое» сформировано ассоциатом *существо* (7), а также реакцией *homo sapiens*, которую можно рассматривать как указание на биологическую принадлежность всех людей к одному и тому же виду, стоящему наверху иерархической лестницы в составе животного мира.

Следующая общая семантическая зона «Специфические черты, свойственные человеку и выделяющие его из природного мира» содержит у обеих групп респондентов наибольшее суммарное количество ассоциатов, благодаря которым мы можем выделить две специфические доминирующие характеристики человека, качественно отличающие его от любых других живых существ, а именно: *социальность* (его социальную природу) и *наличие сознания* (мышления).

Как часть природного мира, человек обнаруживает в себе сочетание природных и социальных качеств, которые находятся в диалектическом взаимодействии, корректируя друг друга. Однако решающим фактором очеловечивания нашего древнего животного предка являются не природные явления, а процессы социального плана. Как часть общества, человек в процессе социализации осваивает и принимает выработанные в социуме нормы и правила поведения, социальные функции и роли, учится строить отношения с другими людьми. Таким образом, в процессе освоения человеком родовой, общественной сущности у него происходит формирование необходимых социальных качеств, благодаря которым он становится *Личностью*. Именно так определили человека как существо социальное как русские, так и арабские студенты.

Вместе с тем русскими студентами осознаётся ценность человеческой *индивидуальности* (1), которая представляет собой единство неповторимых личностных свойств конкретного человека. Вероятно, поэтому рассматривается и другая форма бытия человека, которой соответствует и определённый тип самосознания, а именно, человек является не только *частью общества* (1) и его *гражданином* (1), а существует как *индивидум* (3), то есть единственный и уникальный представитель вида «homo sapiens».

В сознании представителей арабской культуры человек не существует *на земле* автономно, а является частью органического целого – *человечества* (2), *цивилизации* (1), *мира* (1) и *вселенной* (1). Он интегрирован в общество как его *гражданин* (1), который должен иметь свои *права* (1), и судьба которого неотделима от своего *народа* (1) и, что немаловажно, от его *поколений* (1). Именно отношения поколений пронизывают все другие общественные связи, неизбежно вплетаются в них и в силу своей биолого-социально-духовной природы ближе всего и по происхождению и по перспективам к истинно человеческой сущности [6], поскольку «человек, прежде всего и больше всего, – наследник, а осознать себя наследником — значит обрести *историческое сознание*» [7, с. 482].

Безусловно, человек как часть природы находится в тесной взаимосвязи с природным миром. И в то же время он качественно отличается от всех других живых существ, потому что человек – единственное в мире живое существо, которому присуще сознание и дар рефлексивного мышления. Отражать явления окружающего мира и их закономерные связи способен только человеческий мозг, поэтому человек не просто биосоциальное, но и рефлексизирующее существо [8]. Согласно ответам русских студентов человек наделён *разумом* (1), важным атрибутивным качеством, свойственным человеку и выделяющим его из природного мира, основным свойством которого является способность познавать сущее, как оно есть. Человек – существо *разумное* (8), наделённое *умом* (6), способное *думать* (2) и *говорить* (1).

Если у русских студентов вырисовывается образ человека умного и думающего, то у арабских студентов человек предстаёт как существо *думающее* (1), *умное* и *мыслящее*. «Мышление – это королевский бриллиант среди когнитивных процессов: его блеском поражают нас особо одарённые люди, но это способность впечатляет даже у самого обычного человека» [9]. Благо-

даря мышлению, «разуму в действии» [10], человеком осуществляется познавательная деятельность, результатом которой является аккумуляция новых *знаний* (1). На основе приобретённых знаний человек как *исследователь* (1), *мыслитель* (1) и *учёный* (1) имеет возможность продуцировать *идеи* (1), выступать инициатором различных *новшеств* (1). Совокупность накопленных знаний придаёт человеку статус *компетентности* (1).

Человек единственное в мире существо, одаренное сознательным отношением к жизни, которое проявляется в осознании её смысла и цели. Стремление человека найти и реализовать смысл своей жизни выступает в качестве ведущей движущей силы и задаёт определённый вектор жизнедеятельности, а отсутствие смысла порождает у человека «состояние экзистенциального вакуума» [11, с. 30]. Смысл жизни – это осознаваемые ценности, которым человек подчиняет свою жизнь, ради чего ставит или осуществляет жизненные цели. Это есть элемент ценностно-мотивационной сферы духовной жизни человека. Как специфически человеческое качество духовность характеризует позицию ценностного сознания, поскольку направленность и содержание духовности представляет собой ту или иную систему ценностей. Помещённый в центр мироздания и погружённый в мир напряжённой нравственно-психологической мотивации, человек соотносит свои поступки с идеалом, с абсолютным, при этом обнаруживая уникальность и суверенность личности в её ценностных предпочтениях [12].

Так, анализируя содержание общей семантической зоны «*Специфические черты, свойственные человеку и выделяющие его из природного мира*», мы обнаружили группу ассоциатов в ответах арабских студентов, указывающих на приоритеты в ценностно-смысловых ориентациях человека. Они выделяют *любовь* (2), как ценность межличностных отношений, *работу* (1), как ценность профессиональной самореализации человека. Однако на первом месте находятся *свобода* (5) и один из фундаментальных элементов в системе ценностей ислама – *братство* (3).

Помимо ассоциаций, связанных с ценностно-смысловой сферой человека, нами были выделены реакции в ответах арабских информантов, относящиеся к сфере эмоций и чувств человека. Если рефлексия – это ядро сознания, то эмоции составляют ядро личности, отмечал Зинченко В.П. [13], поэтому человек – существо *чувствительное* (1), он испытывает *боль* (1), *огорчение* (1), ему свойственно иметь *желания* (1) и *надежду* (1). Таким образом, с точки зрения русских и арабских респондентов, человек является носителем природных и социальных качеств, обладает специфическими чертами, выделяющими его из природного мира, что позволяет рассматривать его как сложную социоприродную целостность, как существо многомерное и уникальное.

Следующая общая семантическая зона «*Качества человека*» включает как общие, так и специфические характеристики, которые в понимании носителей сравниваемых культур присущи человеку. Так, по мнению русских респондентов, человек обладает как положительными чертами характера, отражающими нравственную сущность человека, так и отрицательными. Он может быть *добрым* (4) и *злым* (1), *справедливым* (1) и *честным* (1). Отметим, что самую высокую частотность в анализируемой семантической зоне у русских респондентов имеет ассоциат *хороший* (8), эксплицирующий общую, нейтральную оценку качеств человека. Как отмечает Уфимцева Н.В., «почти во всех социологических этнопсихологических работах, в которых исследовались самопредставления русских, в число самых типичных черт характера входила доброта, и по данным Русского ассоциативного словаря человек – прежде всего, *хороший* и *добрый*» [14, с. 135].

Также как и русские респонденты, арабские студенты выделяют среди человеческих качеств *доброту* (2) и *честность* (2). Кроме того, они называют ряд качеств, которые играют немаловажную роль для коммуникативных отношений. К этим качествам относятся *честность* (2), *любезность* (1), *почтительность* (1). Такая черта характера человека как *скромность* (1), отражающая отношение человека к себе, а также волевое качество *смелость* (1), равно как и *честность* (2), названные арабскими студентами, входят в число человеческих достоинств, на важность обладания которыми обращается внимание в Коране. По-разному определяются отрицательные человеческие качества. Если у русских студентов это *злость*, у арабских – способность человека на *предательство* (1), *обман* (1) и *ложь* (1).

Перейдём к рассмотрению специфических семантических зон, выявленных в ходе анализа полученных экспериментальных

данных. Так, группа ассоциатов, вошедших у русских студентов в семантическую зону «*Статус и значимость человека*», позволяет нам говорить о том, что человек в их сознании репрезентируется как центральная фигура всего происходящего и главное действующее лицо. Акцентируя внимание на высоком статусе и значимости человека, русские респонденты используют крылатые выражения о человеке М. Горького: «Человек – значит с *большой буквы* (1), человек – это звучит *гордо* (1) ». Человек – *создатель* (1) и *светило* (1). Человек подобен *Богу* (1): он обладает *силой* (3), *властью* (1) и *могуществом* (1). Человек – это *гений* (2), подобно идеалу итальянского Ренессанса, яркому примеру homo universalis *Леонардо да Винчи* (1).

В отличие от русских респондентов в ассоциативно-вербальной сети стимула «*Человек*» семантическая зона «*Статус и значимость человека*» у арабских студентов не выявлена. Вместе с тем, нами была выделена как отдельная семантическая группа ассоциатов, которую мы условно назвали «*Человек как творение Божье*». Безусловно, комментируя определённые результаты исследования, мы не можем не обратиться к истокам культурных традиций, которые лежат в основе мировосприятия представителей конкретной культуры. Как известно, факторами распространения культуры выступают её различные трансляторы. Однако ориентация культуры по отношению к Богу, человечеству, природе, вселенной, вопросам жизни и смерти и прочим проблемам, влияющим на восприятия мира, разделяемая членами культурной группы, определяется совокупностью философско-религиозных воззрений [15]. «Вынате христианство из истории Европы или буддизм из Азии, – замечал известный российский философ А.С.Хомяков, – и вы ничего не поймёте ни в Европе, ни в Азии» [16, с. 19].

Состав ядра семантической зоны «*Человек как творение Божье*» у арабских студентов представлен реакциями *Адам* (6) и *сын Адама* (4). Образ первочеловека Адама воплощает в себе идею общего изначального происхождения, идею единого человечества и его единого корня [17]. Если изначальное происхождение от Адама, от которого ведёт свой род каждый человек, то источником происхождения, безусловно, является Бог. Человек – *изобретение Бога* (1), его *творение* (5) и *величие* (1). Но по сравнению с творцом и создателем мира сего человек *слаб* (1), он – только *раб божий* (2). «Если задать себе вопрос, какова наиболее типичная характеристика человека в культуре ислама, то ответом будет слово «*раб*». В этой связке – человек как *раб*, Бог как *господин* – и осмысливается в исламе человек и его положение». Однако понятие «*раб*» по причинам исторического и социального плана лишено привычной для нас негативной коннотации, а ассоциируется в арабском (исламском) сознании не с «несвободой», а с поклонением [18]. Человек верит в Бога, он – *верующий* (2), он – *мусульманин* (1). Человек обладает *душой* (4) и *сердцем* (2). Он – творение избранное, но именно как творение человек зависим от Бога, прежде всего, в силу двойной слабости своей природы: нравственной – человек грешен и онтологической – человек *смертен* (4). Арабские респонденты акцентируют своё внимание на конечности жизненного пути человека, осознавая конечность его бытия и *пленность* (4) человека.

Таким образом, обобщая результаты анализа образа «*Человек*» на основе метода семантического гештальта, мы можем констатировать следующее. В сознании русских респондентов человек представлен как *биосоциальное, рефлексизирующее существо, личность и индивид, значимая фигура, обладающая высоким аксиологическим статусом*. Кроме того, согласно данным Ассоциативного тезауруса современного русского языка, человек занимает центральное место в ядре языкового сознания русских [19].

Антропологический образ с точки зрения представителей арабской культуры аккумулирует характеристики, отражающие *биосоциальную* и *духовную* природу человека, и не рассматривается с точки зрения индивидуальности, а скорее является существом *коллективным*. «Коллективизм следует выделить среди характерных черт арабского сознания, поэтому человек воспринимается не как свободная личность и индивид, а как член определённого набора общностей» [20, с. 143]. Границы рефлексивного осмысления человека в сознании арабских респондентов обусловлены пониманием человека как «раба Бога» в традициях ислама. В исламе *человек – только человек*. Он действует в том мироздании, порядки которого установлены Богом, и которые он сам не может изменить. Действие человека не меняет ничего в этом мире, но, тем не менее, оно является *ответственным* действием, которое прямо соединяет человека с Божьей волей [21].

Итак, реконструируя образ человека, отражённого в языковом сознании представителей русской и арабской культур, мы можем сделать следующие выводы. Несмотря на наличие общих семантических зон в ассоциативно-вербальной сети стимула «Человек» наблюдаются определённые расхождения во взглядах респондентов на природу человека, обусловлен-

ные национально-культурными особенностями, ценностными ориентациями и установками, а также религиозным контекстом мировосприятия. Основные различия касаются вопроса, на решение которого и был направлен проведённый нами свободный ассоциативный эксперимент с участием носителей двух культур.

Библиографический список

1. Гачев, Г. Национальные образы мира. – М., 1995.
2. Шагаль, В.Э. Арабские страны: язык и общество. – М., 1998.
3. Котлярова, В.В. Экзистенциальные ценности как эксплицирующий принцип социального бытия человека // Аналитика культурологии. – 2009. – Вып. 2 (14).
4. Здравомыслов, А.Г. Потребности, интересы, ценности. – М., 1986.
5. Караулов, Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000.
6. Миронов, А.В. Социология. Курс лекций / А.В. Миронов, В.В. Панферова, В.М. Утенков. – М., 1996.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. – М., 1991.
8. Франкл, В. Воля к смыслу. – М., 2000.
9. Солсо, Р. Когнитивная психология. – СПб., 2006.
10. Кравченко, А.И. Общая психология. – М., 2010.
11. Леонтьев, Д.А. Виктор Франкл в борьбе за смысл / вступит. стат. к книге В. Франкл. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
12. Гуревич, П.С. Философия человека. – М., 1999-2001.
13. Зинченко, В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. – 1991. – № 2.
14. Уфимцева, Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998.
15. Begley, P.A. Communication with Egyptians // Intercultural Communication. A Reader / L.A. Samovar, R.E. Porter(eds.). 9th ed. Belmont, C.A.: Wardsworth Publishing Company, International Thomson Publishing Company, 2000.
16. Ирхин, Ю.В. Социология культуры. – М., 2006.
17. Гуревич, П.С. Философия человека. – М., 1999-2001.
18. Смирнов, А.В. Нравственная природа человека: арабо-мусульманская традиция / Этическая мысль: ежегодник. – М., 2000.
19. Уфимцева, Н.В. Русские: Опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
20. Богучарский, Е.М. Мусульманский этикет. – М., 2010.
21. Смирнов, А.В. Нравственная природа человека: арабо-мусульманская традиция / Этическая мысль: ежегодник. – М., 2000.

Bibliography

1. Gachev, G. Nacionalnihe obrazih mira. – M., 1995.
2. Shagalj, V.Eh. Arabskie strani: yazikh i obthstvo. – M., 1998.
3. Kotlyarova, V.V. Ehkzistencialnihe cennosti kak ehkspliciruyuthiy princip socialjnogo bihtiya cheloveka // Analitika kuljturologii. – 2009. – Vihp. 2 (14).
4. Zdravomihsllov, A.G. Potrebnosti, interesih, cennosti. – M., 1986.
5. Karaulov, Yu.N. Pokazateli nacionaljnogo mentaliteta v associativno-verbaljnoy seti // Yazihkovoe soznanie i obraz mira / отв. red. N.V. Ufimceva. – M., 2000.
6. Mironov, A.V. Sociologiya. Kurs lekciy / A.V. Mironov, V.V. Panferova, V.M. Utenkov. – M., 1996.
7. Ortega-i-Gasset, X. Vosstanie mass // Ehstetika. Filosofiya kuljturih. – M., 1991.
8. Frankl, V. Volya k smihslu. – M., 2000.
9. Solso, R. Kognitivnaya psikhologiya. – SPb., 2006.
10. Kravchenko, A.I. Obthaya psikhologiya. – M., 2010.
11. Leontjev, D.A. Viktor Frankl v borjbe za smihsl / vstupit. stat. k knige V. Frankl. Chelovek v poiskakh smihsla. – M., 1990.
12. Gurevich, P.S. Filosofiya cheloveka. – M., 1999-2001.
13. Zinchenko, V.P. Mirih soznaniya i struktura soznaniya // Voprosih psikhologii. – 1991. – № 2.
14. Ufimceva, N.V. Ehtnicheskij kharakter, obraz sebya i yazihkovoe soznanie russkikh // Yazihkovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie: sb. st. / отв. red. N.V. Ufimceva. – M., 1998.
15. Begley, P.A. Communication with Egyptians // Intercultural Communication. A Reader / L.A. Samovar, R.E. Porter(eds.). 9th ed. Belmont, C.A.: Wardsworth Publishing Company, International Thomson Publishing Company, 2000.
16. Irkhin, Yu.V. Sociologiya kuljturih. – M., 2006.
17. Gurevich, P.S. Filosofiya cheloveka. – M., 1999-2001.
18. Smirnov, A.V. Nravstvennaya priroda cheloveka: arabo-musuljanskaya tradiciya / Ehticheskaya mihsli: ezhegodnik. – M., 2000.
19. Ufimceva, N.V. Russkie: Opiht ethyo odnogo samopoznaniya // Ehtnokuljturnaya specifika yazihkovogo soznaniya. – M., 1996.
20. Bogucharskiy, E.M. Musuljanskiy ehhtiket. – M., 2010.
21. Smirnov, A.V. Nravstvennaya priroda cheloveka: arabo-musuljanskaya tradiciya / Ehticheskaya mihsli: ezhegodnik. – M., 2000.

Статья поступила в редакцию 23.11.11

УДК 420 (077.3)

Korotkich E.G. THE CORRELATIVE THEMATIC LEXICAL GROUPS «FINANCIAL AND COMMERCIAL ACTIVITY» IN THE RUSSIAN AND THE ENGLISH LANGUAGES. The article aims at the comparative analysis of the Russian the English thematic lexical groups «Financial and Commercial Activity». The presented analysis states that etymology, structure and semantic features of the words included into the groups in Russian and English differ greatly. The massive influx of the English loan-words into the Russian lexical group is the result of quite definite extra linguistic and linguistic factors.

Key words: correlative words, thematic lexical group, loan word, lexical lacuna, the influx of borrowings, extra linguistic factor.

Е.Г. Коротких, канд. филол. наук, доц., зав. каф. ин. яз. Новосибирского гос. аграрного ун-та, г. Новосибирск, E-mail: ifmip@nsru.net

КОРРЕЛИРУЮЩИЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИКИ «ФИНАНСОВАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются структурно-семантические и этимологические особенности терминологии «Финансовая и коммерческая деятельность» русского и английского языков. Переполненность русской терминологии англоязычными заимствованиями объясняется наличием в ней темпоральных этнокультурных лагун, одним из основных признаков которых является возможность элиминации в определенных экстралингвистических условиях.

Ключевые слова: тематическая группа лексики, коррелирующая лексика, заимствования, лексические лагуны, приток заимствований, экстралингвистические факторы.

Не вызывает сомнений тот факт, что современный русский язык, обслуживающий сферу коммерческой и финансовой деятельности, переполнен заимствованиями из английского языка. Составляющие терминологии (ТГ) «Финансы и коммерческая деятельность» включают как общеупотребительные (благодаря средствам массовой коммуникации) заимствования (например: *дилер, брокер, депозит, сейл, дистрибьютор, сток, грант, инвестиция, лизинг, прайс, кэш*), так и группу узкоспециальных терминов, используемых только в ситуациях профессионального общения (например: *акцепт, авизо, адденум, декувер, дебитор, деливери, хедж, онкольный кредит, спот-промпт*). Возникает вопрос, является ли данное состояние дел закономерным и естественным, или это искусственное «засорение» исконной ТГ инородными элементами? Если предположить, что явление закономерно, тогда какие экстралингвистические и лингвистические процессы стали объективными предпосылками изобилия англицизмов в рассматриваемой ТГ? Ответ на этот вопрос может быть найден, если рассмотреть коррелирующие группы лексики английского и русского языков в аспекте лагунарности.

Термин «лагуна» и «лексическая лагуна» в частности, как показал анализ теоретической литературы, трактуется разными отраслями лингвистики и культурологии с использованием различных понятийных единиц. В лингвистике и психолингвистике под «лагунами» понимаются **базовые элементы национальной специфики лингвокультурной общности, затрудняющие понимание некоторых фрагментов текстов инокультурными реципиентами** [1, с. 95-96]. Термин «лагуна» был введен в отечественную лингвистику Ю.С. Степановым, который назвал их «пробелами», «белыми пятнами на семантической карте языка» [2, с. 120]. Существуют и другие термины для обозначения понятия «лагуна» (в англоязычной литературе называемой *gap*): «случайные пробелы в речевых моделях» («random notes in speech patterns»), этноэидемы, лингвокультураны, этнолингвокультураны. Например, согласно точке зрения, представленной в монографии Г.А. Антипова, О.А. Донских и др. «Текст как явление культуры» [3], лагуны могут быть **языковыми** (лексическими, грамматическими, стилистическими) и **культурологическими** (этнографическими, психологическими, поведенческими, кинестическими и др.). Кроме того, лагуны могут быть не только интеркультурными или интерязыковыми (возникающими в процессе межкультурного общения), но и интракультурными (интраязыковыми) [3, с. 97].

Для целей нашего исследования в качестве рабочего определения, видимо, следует выбрать межкультурную трактовку явления, т. е. трактовку, применяемую в теории перевода. С точки зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, лагуна – это отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом. Авторы подчеркивают, что «главной особенностью лагун является то, что они возникают в процессе общения, в ситуации контакта двух культур» [4, с. 19-20]. В работе Л.С. Бархударова «Язык и перевод», ставшей классикой отечественного переводоведения, находим следующее определение: «Лагуны – это те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка» [5, с. 95].

Таким образом, экстралингвистическая «ситуация контакта двух культур» делает очевидным тот факт, что лингвистическое явление заимствования лексики связано с наличием этнографических (культурологических, интеркультурных) лагун. Этнографические лагуны иногда вызваны отсутствием в одной культуре тех реалий, которые имеются в другой. Так, в английском языке наряду со словом *lawyer* «юрист, адвокат», есть еще несколько слов для обозначения разновидности адвокатской профессии, кото-

рым в русском языке нет соответствующего односложного эквивалента: *barrister* (имеющий право выступать в судах), *solicitor* (подготавливает дела для барристера), *counsel* (консультирует клиентов), *counsellor* (советник по разным юридическим вопросам), *advocate* (адвокат высшей квалификации). В других случаях лагуна в языке образуется потому, что в данной культуре не столь часто приходится проводить различие между тем, что в другой культуре различается постоянно [6, с. 2].

Этнографические лагуны, с нашей точки зрения, можно разделить на **константные** (постоянные) и **темпоральные** (временные). Константные этнографические лагуны практически никогда не заполняются заимствованиями, они статично существуют как неотъемлемая часть той или иной языковой картины мира, придавая ей определенную специфику. Так, примерами константных лагун для английского языка являются русские слова *именинник, сумки, деvuшка, пожарище*, для русского: *fortnight, toddler, grandparents, floorer*.

Темпоральные этнографические лагуны – это явление динамическое, связанное лишь с определенными этапами языкового развития. Темпоральные лагуны могут быть в любой момент заполнены (элиминированы) заимствованиями. Подобные лагуны обладают **следующими свойствами** (выявленными на базе сопоставления английского и русского языкового материала):

- 1) денотативная основа лагуны связана с определенной сферой экономики, техники, политики, культуры;
- 2) одна из сопоставляемых лингвокультур имеет недостаточный, по сравнению с другой, опыт в данной сфере деятельности, но вектор развития направлен в сторону преодоления таковой;
- 3) одна из сопоставляемых лингвокультур ощущает лагуну, как препятствие в коммуникативной деятельности;
- 4) темпоральная лагуна может быть элиминирована под воздействием экстралингвистических факторов.

Отметим, что процесс элиминации лагун привлекает внимание исследователей и определяется, в частности, как компенсация временно безэквивалентных терминов. Элиминация лагун в текстах, адресованных инокультурному реципиенту, может осуществляться, как показывает анализ литературы, двумя способами: заполнением (перевод при помощи аналога) и компенсацией.

Наиболее частотным приемом компенсации лагун в сфере финансовой и коммерческой деятельности является **транскрипция** (передача на уровне фонем) и **транслитерация** (передача на уровне графем). В свою очередь, ассимилированный и постоянно используемый перевод на уровне графем и фонем становится заимствованием.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. ТГ «Финансы и коммерческая деятельность» в русском языке стала, по ряду политико-экономических причин, на определенном историческом этапе (90-е г. XX в.) неспособной обслуживать процессы, в которые активно включились носители русского языка (экстралингвистический фактор).

2. ТГ «Финансы и коммерческая деятельность» при сопоставлении с коррелирующей группой английского языка изобилует этнокультурными темпоральными лагунами (лингвистический фактор).

3. Темпоральные лагуны русской ТГ начали активно элиминироваться, заполняясь заимствованиями, возникшими на основе фонетического перевода.

Определив, таким образом, суть культурологических и собственно лингвистических процессов, приведших к «перегрузке» русской ТГ иноязычными элементами, поставим перед собой следующий **блок вопросов**.

1. Какими этимологическими, семантическими и структурными особенностями обладает английская ТГ «Финансы и коммерческая деятельность»?

2. Какие факторы делают данную английскую ТГ столь востребованным «донором» номинаций в сфере международной бизнес-коммуникации?

3. Почему темпоральные лакуны русской аналоговой ТГ активно заполняются материалом английского языка?

Становление и развитие ТГ «Финансы и коммерческая деятельность» в английском языке тесно связано с историей развития вида деятельности, основным инструментарием которого она является. При выделении периодов развития английской ТГ правомерно опираться на классификацию развития биржевой торговли, предложенную Л.Н. Добрыниной [7], в основе которой находится изменение видов биржевого товара. Автор выделяет пять этапов развития биржевой деятельности:

1) XVI в. – биржа как место оптовой торговли импортируемыми товарами;

2) XVII-XIX вв. – биржа как организация крупных торговцев, проводящая главные публичные торги товарами, ценными бумагами и валютой;

3) 2-я половина XIX в. – 1-я половина XX в. – биржа как организация, проводящая гласную публичную торговлю ценными бумагами и фьючерсными контрактами;

4) 70-80 гг. XX в. – биржа как организация, проводящая гласные, публичные и электронные торги ценными бумагами и фьючерсными контрактами;

5) начало XXI в. – биржа как организация, осуществляющая электронные торги ценными бумагами и фьючерсными контрактами [7, с. 17].

На всех этапах своего развития английская ТГ формировалась в значительной степени на основе переосмысления (семантического переноса) лексических значений исконных слов или очень старых и полностью ассимилированных заимствований из латинского и французского языков. В лондонских кофейнях, в которых располагались первые биржи, стал складываться биржевой жаргон, использующийся до настоящего времени. В этот период путем заимствования из общелитературного языка образуются такие термины, как: *puts and refusals* – предложения и отказы; *bulls* – «быки», т. е. игроки на повышение (это название связано со стремлением таких игроков поднять цены «на рога»); *bears* – «медведи», т. е. участники торговли, играющие на понижение (это прозвище отражает тот факт, что они «заваливают цены» вниз, «давят их»); *lamb* – «овца», т. е. спекулянт, ведущий на бирже игру вслепую; *jobbers* – «джобберы», т. е. посыльные на лондонской фондовой бирже, (XVIII-XIX вв.).

Отметим, что наиболее активным способом пополнения английской ТГ становится метафоризация, т. е. перенос значения с одной лексической единицы на другую, основой которого является какое-либо сходство. Этим способом образовано 62% всех единичных терминов. В биржевой терминологии выделяют 9 групп метафорически переосмысленных терминов (переосмысление

зоонимов, наименований растений и фруктов, частей жилища, предметов и явлений повседневной жизни) [8, с. 84-86].

Вторично номинированные единичные термины могут являться ядерными для создания многокомпонентных технологических сочетаний (ТС), что дает основание считать данные ТС производными единичных терминов. Например, наиболее продуктивными ядерными биржевыми терминами являются следующие: *bond* – 188 ТС, *stock* – 134 ТС, *security* – 93 ТС, *share* – 88 ТС, *exchange* – 47 ТС, *option* – 16 ТС, *spread* – 15 ТС, *list* – 14 ТС, *paper* – 11 ТС.

В структурном плане исследуемые номинации представлены простыми терминами, сложными терминами, терминологическими сочетаниями, сокращениями:

1) простые – *share, broker, dumping, introduction, delivery, placement, delisting, dishonour, subscriber* и др. (33% от общего количества терминов);

2) сложные – *shareowner, fundholder, nifty-fifty, eurobonds, teleregister, giveup, by-bidder* и др. (3%);

3) терминологические сочетания (ТС) – *air pocket stock, electronic direct fund transfer system, share at premium, dilution of capital, after date bill* и др.;

4) сокращения – *ASEF, GS, deb, stk, ELEKTRA, STAGS, LIMEAN* и др. [8, с. 68].

Представленный краткий анализ особенностей английской ТГ «Финансы и коммерческая деятельность» позволяет сформулировать ее основные лингвистические признаки: исконность, емкость и образность семантики, компактность. Два последних из вышеперечисленных признаков (семантическая емкость и структурная компактность) делают английскую ТГ максимально привлекательной в качестве источника заимствований, в частности, для русского языка. Для того чтобы показать удобство использования иноязычных номинаций, сопоставим английский термин и его заимствованный русский вариант с единственно возможными переводческими пояснительными аналогами.

Например, *addendum* – аддендум – дополнение к договору, согласованное обеими сторонами;

annuity – аннуитет – срочный государственный заем с ежегодным погашением долга и уплатой процентов;

hedge – хедж – срочная сделка, заключенная для страхования от возможного падения цены;

delivery – деливери – письменное распоряжение о выдаче товара;

jobber – джоббер – фирма, скупающая крупные партии товара для быстрой перепродажи (современное значение) (Англо-русский коммерческий словарь-справочник / Сост. И. Г. Анохина. М., 1992).

Таким образом, прагматический подход, принцип экономии языковых усилий и ситуация межнациональной коммуникации способствуют естественному процессу заполнения русских темпоральных этнокультурных лакун англоязычными заимствованиями.

Библиографический список

1. Белянин, В.П. Введение в психоллингвистику. – М., 2000.
2. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка. – М., 1985.
3. Антипов, Г.А. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. – Новосибирск, 1989.
4. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2003.
5. Бархударов, Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.
6. Виноградова, Е.В. Этнокультурная специфика устной межкультурной бизнес-коммуникации. – Пятигорск, 2006.
7. Добрынина, Л.Н. Фондовый рынок и биржевая торговля. – М., 2005.
8. Ткачева, Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. – М., 1987.

Bibliography

1. Belyanin, V.P. Vvedenie v psikholingvistiku. – M., 2000.
2. Stepanov, Yu.S. V trekhmernom prostranstve yazhka. – M., 1985.
3. Antipov, G.A. Tekst kak yavlenie kul'turi / G.A. Antipov, O.A. Donskikh, I.Yu. Markovina, Yu.A. Sorokin. – Novosibirsk, 1989.
4. Popova, Z.D. Yazhik i nacional'naya kartina mira / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – Voronezh, 2003.
5. Barkhudarov, L.S. Yazhik i perevod. – M., 1975.
6. Vinogradova, E.V. Ehtnokul'turnaya specifika ustnoy mezhkul'turnoy biznes-kommunikacii. – Pyatigorsk, 2006.
7. Dobryhnina, L.N. Fondovihy rihnok i birzhavaya trgovlya. – M., 2005.
8. Tkacheva, L.B. Osnovnihe zakonomernosti angliyskoy terminologii. – M., 1987.

Статья поступила в редакцию 23.11.11

УДК 82-992

Shastina T.P. THE MOUNTAINS OF ALTAY IN TRAVELS THAT HAVE BEEN WRITTEN BY G.I. SPASSKY («THE SIBERIAN VESTNIK»). The three travels of G.I. Spassky in the mountains of Altay (in 1806, 1809 and 1813 years), that had been published in the journal "The Siberian vestnic", considered how the first example of description of this geographical space in the Russian literature. The attention is accented on the appearance of metageographical "the parallel space" (The Altay – The Alps).

Key words: the Siberian text, travelogue, The Altay – The Alps, mountain landscape, metageography.

Т.П. Шастина, канд. филол. наук, доц. ГАГУ, г. Горно-Алтайск, E-mail: tshliteratura@mail.ru

АЛТАЙСКИЕ ГОРЫ В ОПИСАНИИ ПУТЕШЕСТВИЙ Г.И. СПАССКОГО («СИБИРСКИЙ ВЕСТНИК»)

Три путешествия Г.И. Спасского в Алтайские горы (1806, 1809 1813 гг.), опубликованные в журнале «Сибирский Вестник», рассматриваются как первый образец описания этого географического пространства в русской литературе. Акцентируется внимание на появлении метеогеографического «параллельного пространства» (Алтай – Альпы).

Ключевые слова: сибирский текст, травелог, Алтай – Альпы, горный пейзаж, метеогеография.

Журнал Г.И. Спасского «Сибирский Вестник» (Санкт-Петербург, 1818-1824, далее при цитировании СВ) сделал «возможным уверенное вхождение сибирской темы в словесность XIX в.» [1, с. 154]. С него практически начинается «сибирский текст» русской культуры, ставший ныне предметом значительного числа филологических, культурологических и междисциплинарных исследований. Этот термин вошел в научный оборот, закрепив специфический комплекс мифологем сибирской литературы, перечень классических текстов, в которых они были явлены, ревизовав весь корпус региональных текстов от Урала до Дальнего Востока, в которых наличествуют словесные образы сибирского ландшафта и его локальных составляющих. Сибирский текст – «...это не только текст литературный, но и публицистический, идеологический и даже научный, отражающий экономическую и культурную жизнь края, формирование и развитие регионального самосознания» [2, с. 50].

Территориальная огромность и географическое многообразие репрезентируемых сибирским текстом пространств успешно описываются-анализируются-интерпретируются в значительном числе работ, посвященных региональной и областной литературе [3, с. 33-42, 70-286]. Для его рассмотрения с успехом применяется методика метеогеографических исследований, занятых «проблематикой закономерностей и особенностей ментального дистанцирования по отношению к конкретным опытам восприятия и воображения земного пространства <...> метеогеография предполагает существование ментальных схем, карт и образов «параллельных» пространств, сопутствующих социологически доминирующим в определенную эпоху образам реальности» [4, с. 10]. Подобные образы пространств наличествуют в трудах Спасского, опубликованных в «Сибирском вестнике».

Мы обратимся к рецепции и ретрансляции Спасским Алтайских гор (высокогорья) как одного из специфических сибирских пространств. Пребывание в пределах этого пространства было осмыслено издателем-путешественником не только рационально, но и, в отличие от всех других пространств, пережито и описано эмоционально. Непосредственным посылом к вычленению данного предмета исследования послужили наблюдения и выводы А.С. Янушкевича. В эпоху романтизма, отмечает он, страна «равнинная и степная, по преимуществу озерно-речная, Россия и её словесная культура формировали свою горную и морскую философию, где «чужое» и «свое» корреспондировали друг с другом как внешнее и внутреннее, физическое и духовное, натурфилософское и этико-религиозное, горизонтальное и вертикальное» [5, с. 133]. Путешествия Г.И. Спасского по Алтайским горам, совершенные в первые десятилетия XIX века, хронологически совпадают с периодом, когда в русской литературе формируется «горная философия». Хотя имя В.А. Жуковского и не называется в числе знакомств Г.И. Спасского [6], можно допустить, что энциклопедист В.А. Жуковский мог обращаться к «Сибирскому вестнику», так как обязательные экземпляры журнала поступали в крупнейшие библиотеки, о чем в соответствии с требованиями сообщается в тексте цензурного разрешения, и находились в известной библиотеке для чтения В. Плавильщикова (через кото-

рую в том числе велась подписка на журнал Спасского). В библиотеке Жуковского числится более поздняя работа Г.И. Спасского – подаренный наследнику именной экземпляр «Горного словаря» [7, № 370]. Прежде создания горной философии Россия должна была в прямом, а не в метафорическом смысле (как это делал в одическом творчестве М.В. Ломоносов, известную цитату которого из оды 1747 г. Г. Спасский помещает на титульный лист «Горного словаря» [8]) открыть свои горы, описать их как форму земной поверхности, противоположную привычным равнинам, по мнению Н. Бердяева, вошедшим в психологию русского народа [9].

Горы являют собою совершенно иной тип пространства, создающего разного рода оптические иллюзии (они скрадывают расстояния, в зависимости от точки обзора меняют конфигурацию, представляют целостным объект расчлененный, состоящий из нескольких разной высоты и формы гор; при взгляде снизу ограничивают сектор обзора, а при взгляде с вершины безгранично раздвигают таковой), следовательно, и при непосредственном наблюдении, и при художественной рецепции житель равнин воспринимает их как «другое» пространство (примером описания гор до Спасского могут служить Альпы в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина – см. письма «Берн, 28 августа», «Тунское озеро, 5 часов утра», «Пастушьи хижины в Альпийских горах, в 9 часов утра», «Гриндельвальд, 7 часов утра», «Гора Шейдек, 10 часов утра», «Долина Гасли» и др.).

В неопозитической речи слово «горный» до появления кавказского и сибирского текстов чаще всего употреблялось в значении «принадлежащий к рудному или рудокопному делу» [10, с. 376]: «В техническом производстве под названием горы разумеется и самый рудник, на пр. знать гору – значит иметь практические сведения о положении руд и о производстве работ; идти в гору – опускаться во внутренность рудника и т.д.» [8, с. 94].

Формирование представления о горах и горных ландшафтах в русской литературе и живописи начинается в первом десятилетии XIX века, и Алтайским горам в этом процессе принадлежит значительная роль. Научными экспедициями XVIII века были описаны и нанесены на карты основные маркеры сибирских пространств – реки, озера, береговая линия морей. Словцов П.А. во Введении к «Историческому обозрению Сибири» писал: «...благодаря академикам и другим ученым мужам, преимущественно же мановению и мудрости Монархов России, ученая история Сибири, со времени второго путешествия Берингова, сделала большие шаги на путях человеческого ведения. Миллер, Гмелин, Штетлер, Крашенинников, Делиль де ла Кройер, Красильников, геодезисты и флотские офицеры, более или менее искусные, первые открывают на необъятном пространстве страны некоторый таинственный праздник, в тихом созерцании природы, во славу неизреченного Зиждителя» [11, с. XX-XXI]. Одним из таких маркеров были горы.

Словцов отмечал: «Огромность Алтая, распространяющегося внутри Сибири, очень сбивчиво была понимаема не только в IV периоде (т.е. с 1742 по 1823 гг. – Т.Ш.), но и гораздо позднее» [11, с. 183-184]. Алтай как горная система был еще практически

не изучен, путешественники проходили в основном от Бухтармы к Колывани и далее до Телецкого озера по самой её границе (о чем свидетельствуют данные М.Ф. Розена [12] и опубликованные Алтайской краевой универсальной научной библиотекой им. В.Я. Шишкова материалы [13]), с небольшой долей точности нанося на географические карты территорию, оказавшуюся в три раза больше Швейцарии (а Швейцария уже в XVIII веке «становится местом литературного паломничества» [14, с. 627]). С этой поры на основе географического сходства горных пейзажей (в чем убеждает не-географа словарь Брокгауза и Эфрона [15]) за Алтаем закрепляется устойчивое сравнение «Альпы». «Путешествия, — пишет Замятин, — идеальный случай, когда реальность сразу может репрезентироваться и интерпретироваться как образ. Путешественник движется в своего рода «диком пространстве», wild space; «обнаженное» восприятие путешественника вынуждено сразу проводить аккультурацию преодолеваемого географического пространства» [16, с. 156]. Альпы, таким образом, становятся «параллельным» пространством алтайского высокогорья — дикого, практически необитаемого, что не только на образном, но и позже на терминологическом уровне закрепляется — названия «Чуйские Альпы», «Катунские Альпы» с тех пор встречаются в специальных работах [17, с. 62-71].

Спасский, открывший «Сибирь для русской просвещенной публики» [18, с. 164], создал в «Сибирском вестнике» довольно ясное литературное представление о горах и высокогорье. Совершив путешествие по самой кромке алтайских гор со стороны Бухтармы и Колывани, он публикует описания своих путешествий, располагая материалы так, что в первом столичном журнале, посвященном Сибири, они образуют своеобразное композиционное кольцо — первая часть издания практически начинается, а последняя заканчивается описанием Алтайских гор как одного из «достопримечательнейших мест Южной Сибири». Это наводит на мысль, что впечатления, полученные в горах Алтая, оказались самыми яркими из впечатлений сибирского периода жизни Спасского (замечим, что оценка потенциала среднегорных и высокогорных ландшафтов одного из таких мест — Тигирекского хребта, сделанная Г.И. Спасским, оказалась пророческой — в 1999 г. был создан Тигирекский заповедник [19, с. 19-26]).

Материалы о путешествиях в горы Спасский помещает в следующих выпусках «Сибирского Вестника»: 1818, часть 1, 1819, часть 8 — «Путешествие на Тигирекские белки или горы вечным снегом покрытые» (1813 г.); 1818, часть 3, 4 — «Путешествия по южным Алтайским горам» (1809); 1823, часть 3, 4 — «Путешествие к Алтайским калмыкам» (1806). Как видим, описания расположены в обратном хронологическом порядке. Скорее всего, первоначально для журнала были обработаны самые свежие в памяти впечатления, а затем восстановлены более ранние.

Особенное отношение автора-издателя журнала к этой местности передает «Краткое обозрение статей, помещенных в Сибирском Вестнике с 1818 по 1825 год». Завершая издание, подводя итог «по части Путешествий», он дает абрис описанных в журнале сибирских пространств: «Ознакомив читателя с частью собственных моих путешествий по Южной Сибири, я сопровождаю их на Север сей обширной страны, по следам Адамса, Геденштрёма и Кибера, доставивших важные и любопытные сведения об осмотренных ими местах; потом через Забайкальский край напутствовал их в пределы Китая». «Сведениям» других путешественников он противопоставляет свои «чувствования и мысли» — «Желая передать вполне чувствования и мысли, возбуждаемые великолепием Алтайских белков и простотою обитателей тамошнего края, сохранивших первобытный образ жизни (Спасским описаны каменщики-Т.Ш.), я представил извлечения из моих путевых записок, почти без всяких поправок, не заботясь о будущем их жребии (подчеркнуто мной — Т.Ш.)» [СВ, 1824 (1825), ч. 4, с. 120]. Подчеркнутый мною пассаж через Карамзина отсылает к основателю альпийского текста европейской литературы А. Галлеру (Albrecht von Haller 1708-1777), к его традиции воспеваания красоты Альп, пасторального быта их обитателей, начатой поэмой «Die Alpen», опубликованной в 1732 г. (см. оригинальную трактовку восприятия Галлером известий о Сибири и восприятия Альп русскими писателями в работе М. Шишкина «Как сделан рай?» [20]).

Специальное этимологическое пояснение Спасского помогает просвещенному читателю воспринять Алтайские горы через известные образы Альп: белками «...именуются в Сибири все горы, в летнее время снегом покрытые. По значению слов, кажется, что от сей же самой причины и Альпы, и горы Ливанские

Альпы — от лат. albus (белый), Ливан — от евр. libanon (белые горы) — Т.Ш.] получили свое название. Белки как видом, так и положением своим от прочих гор отличны. Они лежат не увалами или отдельными сопками, как многие другие горы, но представляют как бы пирамиды до верху коих надобно восходить чрез многие горы, подобно порогам, постепенно одна другую превышающим» [СВ, 1818, ч. 1, с. 51]. Данное описание одной из характерных особенностей высокогорья передает непосредственное впечатление путешественника-наблюдателя и служит образцом его стиля.

В период издания «Сибирского Вестника» путешествие как жанр, по мнению А. Шёнле, с трудом поддается определению, представляя пестрое разнообразие форм, тем и установок: «...среди авторов путешествий соседствуют записные литераторы, офицеры и моряки. Мы видим здесь и отчеты в Императорскую Академию наук, и донесения дипломатов, и рассказы (вперемежку с легендами) купцов и паломников, не говоря уже о дневниках и письмах частных лиц. Естественно, темы и предназначение этих текстов в каждом случае разные <...> современники видели в них скорее общность, чем различие, и они воспринимались как принадлежащие к той нераздельной и слабо структурированной области, которую называли тогда «словесностью» [21, с. 10]. В русском чтении литература путешествий по востребованности стояла на втором месте (после литературы исторической) [22, с. 36-50].

В первой четверти XIX века описания путешествий Спасского — яркий пример развития этого жанра в, в котором соединены естественнонаучные, философские и художественные начала, см., например, вступление, предвещающее помещенное первым в «Сибирском Вестнике» описание путешествия на Тигирекские белки: «Не знаю, обыкновенное ли стремление человека снискать благополучие, побуждает его к открытию всякого рода совершенств, как единственных способов для достижения оного и содействует приятными все великие предметы Естества, созерцание коих, расширяя область душевных его способностей, придает более силы и возвышенности его разуму или что сии великие предметы сами по себе производят продолжительное и приятное ощущение. — Не знаю, то или другое; но всегда возрождало во мне нетерпеливое желание видеть Природу во всей, так сказать сущности, обозреть красоту ея и всевидимую пользу. — И теперь, положив страннический посох, с восхищением привожу на память те сладостные минуты жизни, когда получил возможность предаться сей любимой склонности моей, когда увидел себя в отдаленнейшем краю Отечества — среди Сибири» [СВ, 1818, ч. 1, с. 39-40].

Из разнообразнейших типов сибирских пространств Спасский предпочитает описывать Алтайские горы, привлекающие его потенциальной возможностью первооткрытия: «Места сии, равно как обозранные мною в Путешествии к Алтайским Калмыкам и в прочих Сибирских путешествиях, которые в последствии будут изданы, не были посещаемы ни Гмелином, ни Палласом, ни другими известными Путешественниками» [СВ, 1823, ч. 3, с. 1]. В отличие от Швейцарии, литературные описания которой «населены» добродетельными поселениями, в прекрасных межгорных долинах Алтая «никогда еще не блистали ни серп жнеца, ни горбуша сенокосца». Там путешественник оказывается один на один с нетронутой природой. В распоряжении Спасского не было ни научных, ни собственно литературных образцов, ни местного фольклора, в которых уже сложились бы устойчивые пред-образы (формулы описания данной местности), пожалуй, за исключением рукописного «Дневника путешествия 1786 г.» П.И. Шангина, часть маршрута которого Спасский повторил в 1806 г. Следовательно, создавая свои описания Алтайских гор, Спасский вводит эти пространства в обиход культуры, потенциально все последующие ему путешественники могут узнавать эти ландшафты, в соответствии со сформировавшейся культурной традицией, по его текстам — «Развалины замка, улицы незнакомого нам города становятся фактами культуры, если существуют документы, освещающие их историю, связанные с ними предания, их место в развитии цивилизации. Горы, реки, природа как таковая получают принадлежность к миру Культуры, если описаны в стихах, — поэт делает с пейзажем то же, что земледелец с полем и садом. Обрабатывая его, он делает его частью культуры» [23, с. 572] (замечим, если для Путешественника Карамзина, «Письма...» которого привели Ю.М. Лотмана к этому выводу, вся Европа была «обширным сборником цитат», если у Жуковского, несколько позднее путешествовавшего по Саксонской Швейцарии, были популярные путеводи-

тели [24], то Алтайские горы и до нашего времени во многом остаются terra incognita, привлекаая ученых и путешественников всего мира («Алтай – Золотые горы» – один объектов мирового природного наследия ЮНЕСКО).

Первая (хронологически) запись Спасского ничем не отличается от известного типа описаний ученых путешествий, она изобилует естественнонаучными сведениями: «Сентября 1 (1806 г. – Т.Ш.) приехал я в Тулатинский редут, лежащий на Колыванской линии при речке Тулате, впадающей за 15 отсюда верст в реку Чарыш. Оной обнесен полисадом, снабжен пушками и содержится козаками. Все селение состоит из 20 домов. Высота оного от моря по барометрическому измерению 1038 Парижских фунтов.

Сие место окружено беслесными горами и долинами, придающими оному не малую приятность. Главная порода гор есть синеватый роговой сланец, перерезываемый иногда кварцевыми прожилками. Здесь встречается также и гранит; но грубый, крупнозернистый. В косогорах и в долинах растут лиственница (*pinus larix*), пихта (*pinus picea*) и сосна (*pinus sylvestris*); а горы покрыты множеством трав <...> по замечанию П. И. Шангина, сообщившего мне многие ботанические сведения для сего путешествия» [СВ, 1823, ч. 3, с. 1-3]. Как видим, перед поездкой Спасский получает научные сведения, так сказать, из первых уст, поэтому дает в сноске справку об информаторе-сибиряке: «Петр Иванович Шангин, Берграт 5 класса (т.е. Горный Советник – Т.Ш.), Св. Владимира 4 степени Кавалер, Императорской Академии Наук Корреспондент и разных Ученых Обществ Член; родился в Сибири в 1742, умер там же в 1816 году. Он оказал многие незабвенные услуги Горной службе и Ученому свету. Желательно, чтобы кто-либо из уважающих память сего почтенного мужа, принял на себя похвальный труд передать потомству его жизнеописание» (такой труд был создан Е.Ф. Бурштейном [25]).

Бесстрастное научное описание маршрута, содержащее чисто геологическую информацию, профессионально интересную Спасскому, ботаническую и зоологическую – интересную ему как всякому ученому-путешественнику того времени, следует до одной знаковой встречи. «В нескольких верстах от переправы нашей через Чарыш, увидели мы на левой стороне реки людей: зрительная трубка открыла мне, что это был В.П. Петров со спутниками своими, ездивший в Алтайские горы для снятия видов. Желание познакомиться более с дикими красотами Алтайских гор, изображенными искусною кистью сего художника, понудило меня пуститься к нему через Чарыш, не взирая на быстрину и неизвестность брода. Отважность моя была вознаграждена. Прелестные, ужасные виды Алтайские меня восхитили. Это соперники видов Швейцарских; никогда не забуду тебя, Телецкое озеро с твоими сопками, теряющимися в облаках, или одетыми в бледную небесную лазурь – ни тебя, грозный Чортов проход <...>, самой соименный тебе Швейцарский мост есть только лишь близкое твое подобие. Представьте себе высочайшие пирамиды, наклоненные одна на другую над бездною, огулаемой шумом вод, падающих с утеса на утес, с громады на громаду – и вы будете иметь некоторое понятие о Чортовом проходе, прекрасно изображенном г. Петровым» [СВ, 1823, ч. 3, с. 8-9]. Эту знаковую реалию альпийского ландшафта на уровне мимовно-образной генетики русского романтизма интерпретировал А.С. Янушкевич [5, с. 149].

В восприятии Спасским горного ландшафта происходит ментальный сдвиг, объясняемый наложением на визуально наблюдаемые картины природы живописных образов. Василий Петров (1770-1810), получивший звание академика живописи как раз за алтайский «Вид Бухтарминского рудника» [26], был собственно *видописцем*, так в истории русской живописи принято называть «ряд художников, хотя и живших в XIX веке, но являющихся несомненными преемниками пейзажных традиций XVIII в. И эти все художники не были пейзажистами в нашем понимании. Их почти не интересовала природа, её настроение, её краски; и они были типичными несколько узкими видописцами-портретистами известных мест» [27, с. 29]. Но это был «первый профессиональный художник, посетивший Горный Алтай, рисовавший горные хребты и долины этого края с натуры» [28, с. 23]. Работы Петрова служат прекрасной иллюстрацией к алтайским путешествиям Г. Спасского, который четыре его гравюры «опубликовал <...> в приложении к первому тому «Сибирского вестника» за 1818 г. без ссылки на автора оригинала» [28, с. 24].

Эмоциональное описание Спасским алтайских горных видов, созданных художником Петровым, по образности и тональности совпадает с их словесным описанием, сделанным самим В.П. Петровым в письме к меценату А.С. Строганову от 7 ноября 1802 г.: «...все нынешнее лето до самой поздней осени препроводил я в странствиях по белкам хребтов Алтайских, коих большую часть успел объездить даже до китайских границ. Должен признаться, что места преобладающие наивеличественнейшими картинами, так что могу сказать, что виды алтайские едва ли в чем уступят альпийским или швейцарским, а дикостью и ужасной странностью свою превзойдут оные, а наипаче на самых вершинах и в обозрении с них превосходные и необозримые <...> Кажется, что местами показывает природа бесподобную картину свою для того, чтобы человека удивить и пленить, а скрывает её немедленно для того, что в глупости своих рисунков, в поразительности слияния красок и оттенков своих сама себя чувствует неподражаемую для кисти искусства, и чтоб сие чем совершеннее само, тем более постигало свою слабость перед нею. Колико сей веренный мне вояж не лестен, но столько же он с другой стороны страшен» [26, с. 130-131]. Видописец перечисляет преодоленные им трудности путешествия по высокогорью: даже летом нестерпимый холод от вечных снегов, непрестанные туманы на горных вершинах, отсутствие дорог, пропасти, бурные реки (все то, что станет своеобразным бэкграундом горного пейзажа русского романтизма).

Спасский же в описании своего первого алтайского путешествия в горы не акцентирует внимание на трудностях пути, пионера интересует только то, с чем ранее встречаться не приходилось: неизвестный вид растений или необычный выход горной породы, впервые услышанный осенний рев марала, детали охотничьего быта сопровождавших его в поездке казаков. Не преминет он сообщить и о мерах для отпугивания медведей (без медведей Сибирь не Сибирь!) и змей, что само по себе подчеркивало дикую экзотику мест, где не ступала нога человека.

Описание путешествия по южным Алтайским горам в 1809 году свидетельствует о литературной обработке путевых заметок. В нем появляется метагеографическое вступление, определяющее объект описания – горы и предмет описания – горы Алтайские, фиксирующее наличие «параллельного» пространства (помимо Альп, им становится географическая карта): «Без сомнения, высокие горы из числа самых поразительнейших зрелищ в природе. Хребты их обнаженные, или льдом и вечным снегом покрытые, поучительны для естествоиспытателя. Здесь познает он великие эпохи обитаемой нами планеты и научается благоговевать перед могуществом Творца.

Досель горы Альпийские обращали все внимание наблюдателей. Они описаны до самомаallestших подробностей; множество видов их украшают дома любителей художеств и издания путешественников. Но Сибирские горы, сколько по пространству, на каком они рассеяны столько по отдаленности и неудобствам для путешествий, остаются почти в первобытной неизвестности, не исключая и самих Алтайских гор» [СВ, 1818, ч. 3, с. 28].

Всё же непосредственное переживание горных пейзажей оказывается эмоционально ярче, чем предварительное знакомство со всеми известными произведениями искусства, им посвященными («никакая кисть и никакое перо в точности изобразить не может»), оно захватывает в свою сферу и ум, и сердце наблюдателя, сливающегося в этот момент с природой, дух его в полной свободе воспаряет в горах над земным пространством. «Что может быть поразительнее для ума и сердца сих высот, воздвигнутых силою времени – сих памятников обитаемого мира? Здесь дух наш мгновенно переходит из одного состояния в другое; он оставляет плотские узы, имея одну только природу своим путеводителем. Утесистая крутизна гор; вершины их, увенчанные то острыми сопками и пирамидами, то зрелищами и безобразными кабинами (т.е. отдельными глыбами неправильной формы – Т.Ш.); покатоcти и междугория, убранные снегом и представляющие царство зимы – среди лета: все сие приводит нас в некоторый ужас и недоумение. Напротив того прелесть долин, покрытых коврами зелени, озлащаемых солнцем и попеременно закрываемых движущимися тенями облаков, ручьи, извивающиеся как ленты, как линии географической карты, и холмы, то украшенные деревьями, то гладкие и круглые – наполняют душу таким удовольствием, которого напрасно будут искать во всех подражательных произведениях искусства» [СВ, 1818, ч. 3, с. 61-62].

На первое место в описании горных пейзажей выходит индивидуальность воспринимающего, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить эмоциональные впечатления Спасского и французского путешественника Патрина (Patrin, у Спасского *Патрень* [29]), письмо которого к Палласу при отправке небольшого гербария от 10 февраля 1782 года перепечатано в последней книжке «Сибирского Вестника»). Патрин описывает высокогорье в метафорах конца мира: «Ежели бы кто в месте сем внезапно пробудился, то подумал бы верно, что он один пережил похороны целого мира. Я пробыл четверо суток между сими разрушениями и вечными снегами, облегающими их в местах закрытых от полуденных лучей солнца» [СВ, 1824, ч. 4, с. 258-259]; «Мореплаватели, проезжавшие пролив Магелланов, назвали земли с ним смежные разрушением юга, и так Алтайский кряж можно по сущей справедливости назвать разрушением севера» [СВ, 1824, ч. 4, с. 268]; его «параллельное пространство» – фантазмагорические маски смеховой культуры – «странное зрелище, особливо при закате солнца: ибо ежели тогда дать волю своему воображению, то покажется множество предметов или печальных, или смешных, смотря по расположению духа. Более всего можно в них найти забавность итальянских шуточных игрищ; ибо со всех сторон кажутся нелепые лица с бородами и носами, коим не видно конца» [СВ, 1824, ч. 4, с. 281]; Природа, размышляет Патрин, обнажила здесь свой костяк, по которому можно изучать её геологическое строение, т.е. все процессы развития завершены, она мертва – «анатомическое пособие». Впечатления европейца от Алтайских гор не оправдывают ожиданий, вот как он пишет о пребывании в пещерах, которые «составляют собою лабиринты, почти похожие на то, когда червяк выедаёт змейками дерево под корою <...> я довольно худо заплачен; ибо во всех сих подземельях заметил токмо то, что нет ничего легче, как сломать себе шею» [СВ, 1824, ч. 4, с. 280].

Хаос, холод и мрак высокогорья – образы амбивалентные, соотносимые с шеллингианским «мотивом природы как *causa sui*, как действительно становящейся в процессе развития» [30, с. 11]. Ср.: у Карамзина вечные снега горы Шейдек вызывают двойственное впечатление – это и «запасная хранилища Натуры», и «концы земного творения, где нет никаких следов жизни» [31, с. 136]. Спасскому же важнее подчеркнуть именно процесс развития природы: «В самом деле не много таких мест, где б были явственные следы тех достопамятных физических перемен, какие переживал некогда мир, нами обитаемый» [СВ, 1818, ч. 1, с. 43].

Запас впечатлений, полученных в Алтайских горах, немало способствовал формированию патриотической позиции Спасского: «*Нигде путешественник, хотя объехал он горы Аппенинские, взбирался на ледяные высоты Швейцарии; или бы прошел толкосты Бельгии и ужасные утесы Шотландии и Скандинавии – нигде не увидит он тех редких предметов в новости, как в Сибири: ибо в чуждых оных землях касался уже и взор, и рука до всего сущего от времен давних, а здесь юная Натура во всей целостности своей и совершенстве*» [СВ, 1818, ч. 1, с. 40]. Следовательно, сибирские пространства исследователь изначально воспринимает как *свои*, противопоставленные «чуждым» – см. девиз «Сибирского Вестника» – «*Norse patream postea viator eris*» (Познай Отечество, потом сделаешься путешественником).

Ныне мы смело утверждаем, что журнал достиг цели, сформулированной следующим образом: «Желал бы я, чтоб предлагаемые мною опыты путешествий по Сибири, привлекли внимание соотечественников и послужили бы поводом к точнейшим разысканиям законов и богатства Природы в сей стране по местоположению своему отдаленной; но по многим отношениям близкой к сердцу всякого русского» [СВ, 1818, ч. 1, с. 41]. Сибиреведение превратилось в самостоятельную отрасль науки. «Своим журналом Спасский сделал сибирскую тему специальной и самодостаточной, придал ей масштаб не только историко-этнографический, но и эстетический» [32, с. 230]. Сегментируя сибирское пространство, Спасский заложил основания для формирования комплекса мотивов, актуальных для рецепции и ретрансляции гор, в частности, Алтайского высокогорья (Горного Алтая): Алтай – Альпы (Алтай – Швейцария), Алтай – страна первооткрывателей, Алтай – страна свободы духа, Алтай – карта с белыми пятнами. Им названы все три знаковых природных объекта Горного Алтая: Телецкое озеро, Катунь, Белуха.

Следующим этапом развития этого комплекса стали работы Н.М. Ядринцева, привлёкшие к Горному Алтаю внимание исследователей и художников во второй половине XIX века. И как видописец В.И. Петров в свое время перевернул восприятие горного пейзажа Спасским, так и первый профессиональный художник-алтаец Г.И. Чорос-Гуркин дополнил труды областников о Горном Алтае мифопоэтическими смыслами, восходящими к древнейшим эпическим сказаниям коренных этносов этой земли.

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект 11-14-04001 а/Т

Библиографический список

- Анисимов, К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной традиции: дис. ...д-ра филол. наук. – Томск, 2005.
- Доманский, В.А. Структурные уровни сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре. – Томск, 2007. – Вып. 2.
- Серебрянников, Н.В. Опыт формирования областнической литературы. – Томск, 2004.
- Замятин, Д.Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. – Красноярск, 2010.
- Янушкевич, А.С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В. А. Жуковский – М. Ю. Лермонтов – Ф. И. Тютчев) // Жуковский и время. – Томск, 2007.
- Смирнов, Б. Григорий Иванович Спасский // Сибирские огни. – 1927. – № 1.
- Библиотека В.А. Жуковского (описание) / сост. В.В. Лобанов. – Томск, 1981.
- Горный словарь, составленный Григорием Спасским: часть первая. – М., 1841.
- Бердяев, Н.А. О власти пространств над русской душой / Русская идея. Судьба России. – М., 2000.
- Даль, В.В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. 1.
- Словцов, П.А. Историческое обозрение Сибири: период 1-4. – СПб., 1886.
- Розен, М.Ф. Очерки и библиография исследователей природы Алтая // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. – Барнаул, 1970. – Вып. 12.
- Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – XIX вв. – Барнаул, 2007. – Т. 1-2.
- Лотман, Ю.М. Примечания // Н.М. Карамзин Письма русского путешественника. – Л., 1984.
- Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского. – СПб., 1890; Т. 1 А (Алтай – Арагвай). – СПб., 1894.
- Замятин, Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. – М., 2004.
- Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1929. – Т. 1.
- Янушкевич, А.С. Письма Г.И. Спасского к Карамзину // Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 года. – М., 1992.
- Красная книга Алтайского края. Особо охраняемые природные территории. – Барнаул, 2002.
- Шишкин, М. Как сделан рай? / пер. с нем. О. Козонковой // ИЛ. – 2008. – № 7.
- Шёнле, А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. – СПб., 2004.
- Рейтблат, А.И. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. – М., 2001.
- Лотман, Ю.М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л., 1984.
- Аннелоре Энгель. Саксонская Швейцария эпохи романтизма: русский, немецкий, французский образы / пер. О.Б. Лебедевой // Евро-азиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. – Томск, 2007.
- Бурштейн, Е.Ф. Шангины – исследователи Южной Сибири и Казахских степей. – М., 2003.
- Степанская, А.Г. Письмо из Барнаула графу А.С. Строганову: к 200-летию приезда видописца В.П. Петрова на Алтай // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 2002. – Вып. 4.
- Бенуа, А.Н. Русская школа живописи. – М., 1997.
- Степанская, Т.М. «Желая быть в художниках истинных...» (к 240-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти русского видописца В.П. Петрова) // Вестник алтайской науки. – 2009. – № 4.

29. Русский биографический словарь. Павел, преподобный – Петр (Илейка) / под ред. А.А. Половцова. – СПб., 1902.
30. Каменский, З.А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. – М., 1980.
31. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника. – Л., 1984.
32. Янушкевич, А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. – Иркутск, 2004.

Bibliography

1. Anisimov, K.V. Problemih poehtiki literaturih Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regionalnoy tradicii: dis. ...d-ra filol. nauk. – Tomsk, 2005.
2. Domanskiy, V.A. Strukturniye urovni sibirskogo teksta // Sibirskiy tekst v russkoy kulture. – Tomsk, 2007. – Vihp. 2.
3. Serebrennikov, N.V. Opiht formirovaniya oblastnicheskoy literaturih. – Tomsk, 2004.
4. Zamyatin, D.N. Strela i shar: vvedenie v metageografiyu Zauraliya // Sibirskiy tekst v nacionalnom syuzhetnom prostranstve. – Krasnoyarsk, 2010.
5. Yanushkevich, A.S. «Gornaya filosofiya» v prostranstve russkogo romantizma (V. A. Zhukovskiy – M. Yu. Lermontov – F. I. Tyutchev) // Zhukovskiy i vremya. – Tomsk, 2007.
6. Smirnov, B. Grigoriy Ivanovich Spasskiy // Sibirskie ogni. – 1927. – № 1.
7. Biblioteka V.A. Zhukovskogo (opisanie) / sost. V.V. Lobanov. – Tomsk, 1981.
8. Gorniy slovarj, sostavleniy Grigoriem Spasskim: chastj pervaya. – M., 1841.
9. Berdyayev, N.A. O vlasti prostranstv nad russkoy dushoy / Russkaya ideya. Sudjba Rossii. – M., 2000.
10. Dalj, V.V. Tolkoviy slovarj zhivogo velikorusskogo yazihka. – M., 1955. – T. 1.
11. Slovcov, P.A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri: period 1-4. – SPb., 1886.
12. Rozen, M.F. Ocherki i bibliografiya issledovatelej prirodnih Altaya // Izvestiya Altajskogo otdela Geograficheskogo obshchestva Soyuz SSR. – Barnaul, 1970. – Vihp. 12.
13. Altaj v trudakh uchenikh i puteshestvennikov XVIII – XIX vv. – Barnaul, 2007. – T. 1-2.
14. Lotman, Yu.M. Primechaniya // N.M. Karazin Pisjma russkogo puteshestvennika. – L., 1984.
15. Ehnciklopedicheskij slovarj / pod red. I.E. Andreevskogo. – SPb., 1890; T. 1 A (Altaj – Aravay). – SPb., 1894.
16. Zamyatin, D.N. Metageografiya: prostranstvo obrazov i obrazih prostranstva. – M., 2004.
17. Sibirskaya sovetskaya ehnciklopediya. – Novosibirsk, 1929. – T. 1.
18. Yanushkevich, A.S. Pisjma G.I. Spasskogo k Karazinu // Nikolay Mikhajlovich Karazin. Yubiley 1991 goda. – M., 1992.
19. Krasnaya kniga Altajskogo kraja. Osobo okhranyaemiye prirodniye territorii. – Barnaul, 2002.
20. Shishkin, M. Kak sdelan ray? / per. s nem. O. Kozonkovoy // IL. – 2008. – №7.
21. Shyonle, A. Podlinnostj i vihmihsel v avtorskom samosoznanii russkoy literaturih puteshestviy 1790-1840 / per. s angl. D. Solovjeva. – SPb., 2004.
22. Reytblat, A.I. Kak Pushkin vihshel v genii: istoriko-sociologicheskie ocherki o knizhnoj kulture Pushkinskoy ehpkhi. – M., 2001.
23. Lotman, Yu.M. «Pisjma russkogo puteshestvennika» Karazina i ikh mesto v razvitii russkoy kulturih / Yu.M. Lotman, B.A. Uspenskiy // Karazin N.M. Pisjma russkogo puteshestvennika. – L., 1984.
24. Annelore Ehngelj. Saksonskaya Shveytariya ehpkhi romantizma: russkiy, nemeckiy, francuzskiy obrazih / per. O.B. Lebedevoy // Evroaziatskiy mezhkulturniy dialog: «svoy» i «chuzhoe» v nacionalnom samosoznanii kulturih. – Tomsk, 2007.
25. Burshteyn, E.F. Shanginih – issledovately Yuzhnoj Sibiri i Kazakhskikh stepey. – M., 2003.
26. Stepanskaya, A.G. Pisjmo iz Barnaula grafu A.S. Stroganovu: k 200-letiyu priezda vidopisca V.P. Petrova na Altaj // Kulturnoe nasledie Sibiri. – Barnaul, 2002. – Vihp. 4.
27. Benua, A.N. Russkaya shkola zhivopisi. – M., 1997.
28. Stepanskaya, T.M. «Zhelaya bihtj v khudozhnikakh istinnikh...» (k 240-letiyu so dnya rozhdeniya i 200-letiyu so dnya smerti russkogo vidopisca V.P. Petrova) // Vestnik altajskoy nauki. – 2009. – № 4.
29. Russkiy biograficheskij slovarj. Pavel, prepodobniy – Petr (Ileyka) / pod red. A.A. Polovcova. – SPb., 1902.
30. Kamenskiy, Z.A. Russkaya filosofiya nachala XIX veka i Shelling. – M., 1980.
31. Karazin, N.M. Pisjma russkogo puteshestvennika. – L., 1984.
32. Yanushkevich, A.S. Sibirskiy tekst: vzglyad izvne i iznutri // Sibirj: vzglyad izvne i iznutri. Duhovnoe izmerenie prostranstva. – Irkutsk, 2004.

Статья поступила в редакцию 30.11.11

УДК 80

Klevachkina O.A. TRADITIONS OF PUSHKINS “VILLAGE” IN THE POEM OF N. A. KLYUEV. This article presents perusal of the concept of N. A. Klyuev's poem “Village”. This perusal based on the analysis of the text in the aspect of Pushkins literary tradition.

Key words: Klyuev, Pushkin, village, poem, Pushkins tradition, image of Russia, two-segment composition, image of village, literary tradition.

O.A. Клевачкина, аспирант АГПИ им. А.П. Гайдара, г. Арзамас, E-mail: lelich-88@mail.ru

ТРАДИЦИИ ПУШКИНСКОЙ «ДЕРЕВНИ» В ОДНОИМЕННОЙ ПОЭМЕ Н.А. КЛЮЕВА

В статье предпринимается попытка осмысления авторского замысла поэмы Ключева «Деревня» на основе анализа текста этого произведения в аспекте пушкинской литературной традиции.

Ключевые слова: Ключев, Пушкин, деревня, поэма, пушкинская традиция, образ России, двухчастная композиция, образ деревни, литературная традиция.

Наследование Н.А. Ключевым пушкинских этико-художественных ценностей отмечается в его поэме «Деревня» (1926 г.). Данная преемственность открывается при сопоставлении поэмы Ключева с одноименным стихотворением Пушкина преимущественно на композиционно-тематическом уровне сочинения поэта.

Тексты произведений Ключева и Пушкина имеют ярко выраженную двухчастную структуру. Первая часть посвящена писанию крестьянского быта и представляет собой идиллическую картину деревенской жизни. Вторая – выстраивается на контрасте с первой, тем самым разрушая первоначальное представление об идилличности деревенского мира. В то же время, несмотря

на то, что образ деревни у обоих поэтов имеет акцентируемую неразрывную связь с образом России, воспринимается и художественно воссоздается он поэтами все же в значительной степени по-разному.

В первой композиционной части ключевской поэмы «Деревня» внимание фокусируется на воспроизведении идеального мира крестьянской России, каким он видится в мечтах лирического героя Ключева. Поэт с упоением воспроизводит перед читателем красочные детали устройства этого фантастического мира, в центре которого находится излюбленный поэтом образ «Избы с матицей пузатой, / С лежанкой-единогрозом, / В углу с урожайным Богом» [1, с. 663].

По-иному выстраивается пушкинское описание деревни. Для поэта деревня – это, прежде всего, природа. Поэтому и при воспроизведении Пушкиным образа деревни в стихотворении акцент делается на описании картин красоты родной природы:

*Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят* [2, с. 351].

Клюевский образ деревни так же, как и пушкинский, немислим вне связи с образом «родимого края». Природа и человек в мирообразе деревни Клюева взаимосвязаны, их сосуществование естественно и гармонично:

*Нам любы Бухары, Алтай –
Не тесно в родимом крае <...>
По Волге, по ясной Оби,
На всяком лазе, сугробе
Рубили мы избы, детинцы,
Чтоб ели внуки гостинцы* [1, с. 663].

Пушкинское восприятие деревни разительно отличается от видения ее Клюевым. Для него это не столько русский мир, отраженный в микрокосме, сколько «приют спокойствия, трудов и вдохновения». Деревня для Пушкина – место, где он способен отгородиться от столичной суеты, восстановить душевное равновесие и предаться творчеству:

*Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной
<...>
Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величаю
Слышнее ваш отрадный глас.*

*Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине* [2, с. 351].

Лирический герой пушкинского стихотворения в большей степени созерцатель деревенской жизни, чем ее непосредственный участник: он наблюдает деревенские картины как бы со стороны, наслаждаясь и проникаясь их идиллической простотой и красотой. И сама деревня для него, скорее, лишь часть общей картины умиротворенного пейзажа:

*Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Везде следы довольства и труда...* [2, с. 351].

Как и у Пушкина, в поэме Клюева описание сельских красот обрывается безрадостными размышлениями о дальнейшей судьбе русской деревни, о ее будущем. Именно с этого момента происходит резкая смена настроения и начинается вторая часть обоих произведений поэтов, которая, как нами уже было отмечено, строится на контрасте по отношению к первой.

В поэме Клюева идиллическая картина первой композиционной части сменяется мрачной панорамой деревни и крестьянской России в целом, гибнущей под натиском «железной» цивилизации города. Умиротворенное, радостное настроение сменяется скорбью и тоской. Идентичная смена настроения происходит и в пушкинском стихотворении, где безмятежное созерцание и любовование деревенскими красотоми сменяется грустной думой о рабстве и беззакониях, творящихся «среди цветущих нив и гор», и будущем российской деревни. Сравним:

Пушкин А.С., «Деревня»	Клюев Н.А., «Деревня»
<i>Но мысль ужасная здесь душу омрачает: Среди цветущих нив и гор Друг человечества печально замечает Везде нежестства убийственный Позор</i> [2, с. 352].	<i>Маета как змея одолела, Голову бы под топор <...> Знаем, бешеной самогонкой Не насытить волчьей тоски!</i> [1, с. 665].

Картину гибнущей деревни в поэме Клюева дополняет тревожный образ вьюги, соотнесенный с надвигающейся неминуемой катастрофой:

*И Сибирь, и земля Карела
Чутко слушают вьюжный хор.
А вьюга скрипит заслонкой,
Чернит сажей горшки* [1, с. 665].

Вполне закономерно и появление в поэме зловещих, inferнальных образов. Один из них – это «железный конь», – появившийся в деревне первый трактор. Для Клюева «Железо» – это, безусловно, своеобразная квинтэссенция зла, так как оно враждебно «Земле», природе, всему «избяному космосу». Как справедливо отметил исследователь Д.А. Савельев, «особую “группу” клюевского демонария составляют демоны Железа – механистические порождения города, попирающие “избяной мир”» [3, с. 16]. Человек сам призвал их на свою землю и тем самым навлек на себя несчастья. В конце поэмы Клюев воспроизводит образ обреченного на страдания крестьянства под натиском «железной цивилизации» города:

*Мы не знаем ныне покою, –
Маета-змея одолела
Без сохи, без милого дела,
Без сусальной в углу Пирогощей...* [1, с. 667].

Если в пушкинской «Деревне» источником бедствий и скорби крестьянства становится «Барство дикое» и «Рабство», то в сочинении Клюева корень всех зол – в разрушении многовекового уклада жизни русской деревни, в утрате гармонии ее мира, что неминуемо, по мнению поэта, влечет за собой разлад уже космического масштаба, крушение вселенских размеров.

Библиографический список

1. Клюев, Н.А. Сердце единорога: стихотворения и поэмы. – СПб., 1999.
2. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М.; Л., 1949. – Т. I.
3. Савельев, Д.А. Духовные искания Николая Клюева и его творческое наследие 1910 – 1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.

Bibliography

1. Klyuev, N.A. Serdce edinoroga: stikhotvoreniya i poehmi. – SPb., 1999.
2. Pushkin, A.S. Polnoe sobranie sochineniy v desyati tomakh. – M.; L., 1949. – T. I.
3. Saveljev, D.A. Dukhovnihe iskaniya Nikolaya Klyueva i ego tvorcheskoe nasledie 1910 – 1930-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1999.

Статья поступила в редакцию 02.12.11

УДК 82. 09 (092)

Kozubovskaya G.P. N.V. GOGOLS ENTOMOLOGY. In the article, dealing with the uninvestigated entomological motive in N.V. Gogols prose, the semantics of insects in the world-text and the role of a motive in the organization of the whole are revealed. The possibilities of mythopoetical approach showing the deep layers of the text ("the memory of culture") are lightened, the article demonstrates how ambivalent imagery represented in the play of the text and implication forms the authors conception.

Key words: myth, mythopoetics, archetypes, code, entomology, text, implication.

Г.П. Козубовская, д-р филол. наук, проф. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: galina_mifo@mail.ru

ЭНТОМОЛОГИЯ Н.В. ГОГОЛЯ¹

В статье, обращенной к неисследованному в прозе Н.В. Гоголя энтомологическому мотиву, выявляется семантика насекомых в мире-тексте и роль мотива в организации целого. Продемонстрированы возможности мифопоэтического подхода, выявляющего глубинные слои текста («память культуры»), показано, как амбивалентная образность, репрезентируемая в игре текста с подтекстом, формирует авторскую концепцию.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, архетипы, код, энтомология, текст, подтекст.

В письме к одному из своих адресатов – Н.И. Дмитриеву – Н.В. Гоголь искренне признается в любви к природе: «*Может быть, нет в мире другого, влюбленного с таким исступлением в природу, как я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю все движения ее, и чем далее, тем более открываю в ней неуловимых прелестей*» [1, X, с. 243]².

В двоящемся мире-тексте «Вечеров на хуторе близ Диканьки» насекомые семантически полярны. Напр., в повести «Сорочинская ярмарка», открывающей цикл и задающей его основную проблематику и тональность, они часть пантеистически осмысленного мира: «*Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба stanno располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости...*» [1, I, с. 112]. Сравнение насекомых с драгоценными камнями выражает романтическое мироощущение Гоголя, открывающего для себя мир, в который органично вписаны насекомые как божьи твари. Эпитет «эфирные» указывает на связь с высшим, небесным миром. С другой стороны, в развернутой грандиозной картине Днепра («Страшная месь»)³ умаление человека, оказавшегося во власти водной стихии, также передано через сравнение с насекомыми – мухами: «*...Кто из казаков осмелился гулять в челне в то время, когда рассердился старый Днепр? Видно, ему не ведомо, что он глотает, как мух, людей*» [1, I, с. 269]³.

¹ В отечественном литературоведении подобной постановки проблемы не было. К гоголевским мухам обращался А. Хансен-Леве в статье «Мухи – русские, литературные». См. раздел «Муха вторая – гоголевская: куча Плюшкина» // Studia Litteraria Polono-Slavica, № 4; Utopia czystosci i gory s'mieci. Утопия чистоты и горы мусора. Warszawa, 1999. С. 95-132.

² Желание вырваться из Петербурга связано с ностальгией по Украине. Зазывание друзей на лето в Васильевку сопровождается соблазнительными живописными картинками: «*Наши нежинцы почти все потянулись на это лето в Малороссию..., а в июле месяце, если бы тебе вздумалось заглянуть в Малороссию, то застал бы и меня, лениво возвращающегося с поля от косарей, или беззаботно лежащего под широкою яблоней без сюртука, на ковре, возле ведра холодной воды со льдом и проч. Приезжай!*» [1, X, с. 234-235].

³ Днепру, глотающему людей, как мух, зеркальные ситуации-перевертыши, описанные в «Повести о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем»: «*Иван Иванович очень сердится, если ему попадет в борщ муха: он тогда выходит из себя – и тарелку кинет, и хозяину достанется*» [1, II, с. 227]; «*Один канцелярист, в фризском подобию полуфрака, взял в губы перо; другой проглотил муху*» [1, II, с. 265]. См. ироничное обыгрывание метаморфоз человек/муха в «Мертвых душах»: «*В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем делается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожилась в песчинку!*» [1, VI, с. 50].

В зеркальной композиции сборника⁴ насекомые обретают другую семантику (напр., в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», где отчетлива редукция природы⁵). Насекомые появляются в «бытовом сюжете», где вместо «стройного хора» – музыкальной формулы целесообразного и гармоничного мира – другой мир, молчаливый и вредоносный.

Укрупнение насекомых в сюжете имеет определенный смысл. С одной стороны, насекомые на бытовом уровне – знак нечистоты. Так, возвращающийся в имение Иван Федорович слышит угрозы одного из постояльцев двора: «*...но если хоть один клоп укусит меня в твоей хате, то пришибу, ей-богу, пришибу, старая колдунья!*» [1, I, с. 289].

«Насекомые в мифопоэтической традиции – указывает А.В. Гура – хтонические существа, воспринимаемые как нечисть (кроме пчелы и божьей коровки) и поэтому подвергаемые ритуальному изгнанию» [2]. Укус насекомого имеет различные послед-

⁴ Межтекстовые связи на уровне разных сборников обнажают двумерность гоголевской прозы: Вий – начальник гномов в одноименной повести – предстает в персонифицированном облике, как и зримая Хомой Брутом нечисть; насекомые здесь отсутствуют. Современный земной мир, в котором существуют мухи, обретает онтологическую глубину в соседстве с «Вием»: упоминание мух отсылает к Вельзевулу – верховному вождю адских сил, повелителю мух, имплицитно присутствующему в тексте.

⁵ Повесть, в которой мир представлен в прозаической ипостаси как погрязший в хозяйственных заботах, почти лишена пейзажных зарисовок. Только дважды возникает пейзаж, причем оба раза увиденный взором Ивана Федоровича. Первый раз – это ностальгически окрашенная картина в момент приближения его к Дому: «*Тут почувствовал он, что сердце в нем сильно забилося, когда выглянула, махая крыльями, ветряная мельница... Живо и ярко блеснул сквозь них пруд и дышал свежестью;... те же самые яблони и черешни, по которым он когда-то украдкой лазил*» [1, I, с. 292]. Движущаяся точка фиксирует смену планов, приоткрывая доступное взору. Вербы, яблони и черешни – узнаваемы и окрашены лирически: многоточие здесь как знак невыразимого волнения, охватившего душу. Второй пейзаж, хотя и связанный с хозяйственной деятельностью персонажа, также раскрывает его душу: «*Единодушный взмах десятка и более блестящих кос; шум падающей стройными рядами травы... спокойный, чистый вечер, и что за вечер! как волен и свеж воздух! как тогда оживлено все: степь краснеет, синееет и горит цветами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насекомых, и от них свист, жужжание, треск, крик и вдруг стройный хор; и все не молчит ни на минуту... Трудно рассказать, что делалось тогда с Иваном Федоровичем. Он забывал, присоединяясь к косарям, отведавать их галушек, которые очень любил, и стоял недвижимо на одном месте, следя глазами пропадавшую в небе чайку или считая копы нажитого хлеба, унизили поле*» [1, I, с. 294]. В этих фрагментах Шпонька ощущает себя частью природного мира, чувствуя себя причастным к нему, сливаясь с ним и обретая, таким образом, духовность, утраченную современным человеком. «Стройный хор» насекомых – отзвуки пантеизма первой повести.

ствия: от физической боли до болезни и даже изменения человеческой природы в целом. В этом эпизоде отражение подсознательного страха человека от возможного соприкосновения с хтоническим миром, обнажение метафизической глубины земного мира.

Нечистота постоянных дворов очевидна естественно вызывает омерзение Сторченко: «...я имею обыкновение затыкать на ночь уши с того проклятого случая, когда в одной русской корчме залез мне в левое ухо таракан. Проклятые кацапы, как я после узнал, едят даже щи с тараканами⁶. Невозможно описать, что происходило со мною: в ухе так и щекочет, так и щекочет... ну, хоть на стену!» [1, I, с. 291]. «Затыкание ушей» – неоднозначный жест. На бытовом уровне этот жест оберега. Но у него есть и другой, метафизический смысл: глухота – как закрытость от мира, отгороженность от него, неспособность расслышать зов иного мира⁷. Заползший в ухо таракан становится, таким образом, символическим воплощением зла мира. Так, обозначается его иная функция.

Сторченко в привычной болтливой манере тут же сообщает Шпоньке и средство излечения: «Мне помогла уже в наших местах простая старуха. И чем бы вы думали? Просто зашептыванием...» [1, I, с. 291], при этом ругая морочащих человека лекарей. Старуха, вылечившая зашептыванием, – колдунья, подобие хозяйки постоянного двора. Всеобщая недоверчивость, подозрительность – черта современного человека, увязнувшего в «тине мелочей». Так, таракан приобретает еще одну функцию – пластического выражения души: это своего рода «внешняя душа» современного человека – пустого, мелкого, погрязшего в грехе.

В ситуации, связанной с неудачной попыткой Шпоньки вернуть когда-то дарованные ему и присвоенные Сторченко земли, «тараканий мотив» приобретает функцию отвлекающего жеста, контрастного выражению лица: «Трудно изобразить, какую неприятную мину сделало при этих словах обширное лицо Григория Григорьевича. – Ей-богу, ничего не слышу! – отвечал он. – Надобно вам сказать, что у меня в левом ухе сидел таракан. В русских избах проклятые кацапы везде поразводили тараканов. Невозможно описать никаким пером, что за мучение было. Так вот и щекочет, так и щекочет...» [1, I, с. 297]. Сосед, пытаясь увести Шпоньку в сторону от неприятного ему разговора об участке земли, сам, подобно старухе-колдунье, «зашептывает» собеседника историей о таракане, повторяя ее. Эпизод имеет символический смысл: таракан, залезший в ухо, меняет сущность человека: как будто таракан, оставшись в голове, «нашептывает» человеку, как нужно изворачиваться, вести себя в той или иной ситуации. Метаморфоза реализуется в метафоре, базирующейся на развертывании известного фразеологизма «у каждого свои тараканы в голове». «Тараканы в голове» – определение человека как странного, чудака⁸.

Продолжение тараканьего мотива в «Мертвых душах»: именно в поэме мотив обнаруживает свою семантическую неоднозначность. Так, напр., тараканы своеобразно опозитизированы в натюрморте-интерьере первой главы: «Покой был известного рода; ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату

с тараканами, выглядывающими, как черносливы, из всех углов...» [1, VI, с. 18].

Еще один эпизод повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» отмечен энтомологическим мотивом. Оставшись наедине с барышней, которую тетушка предназначила Шпоньке в невесты, он ведет оригинальный разговор: «Наконец Иван Федорович собрался духом. – Летом очень много мух, сударыня! – произнес он полудрожащим голосом. – Чрезвычайно много! – отвечала барышня. – Братец нарочно сделал хлопнушку из старого маменькиного башмака; но все еще очень много.

Тут разговор опять прекратился. И Иван Федорович никаким образом уже не находил речи» [1, I: 305].

Муха – метафора, в которой материализуется неспособность персонажей к вербальному общению, в своем роде заместитель пустого слова⁹. В этом смысле важно указание на генезис мух: по украинскому поверью, мошки, комары, мухи завелись из пепла¹⁰. Эпизоды зарифмованы смыслом фразеологизмов «тараканы в голове» и «мухи в голове»: Шпонька поддается забалтыванию соседа и впадает в оцепенение при попытке разговора с барышней. Так и таракан, и муха – укрупненная деталь – является важным звеном в повести, указывающей на изменения человеческой природы.

Муха в эпизоде с барышней – энтомологический двойник и Шпоньки, и барышни. А.В. Гура подчеркивает: «У всех славян распространены представления о Насекомых как образе души: в виде мухи, бабочки, муравья, жучка душа покидает тело человека во время сна, особенно ведьмы, в виде мухи или бабочки она вылетает из умирающего и посещает родной дом после смерти, светлячков воспринимали как души людей, с душами живых членов семьи отождествляют зимующих в доме мух» [2]¹¹. Так, муха становится заместительницей человеческих душ¹², выражением его омертвевшей души – сути современного человека. В одном из ранних писем к Г.И. Высоцкому 1827 года Гоголь констатировал «падение» жителей Нежина: «Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существами я должен пресмыкаться...» [1, X, с. 99]. А. Хансен-Леве, обозначая символику мухи, в качестве общего знаменателя называет смерть: «Как дионисийский символ муха связана со смертью: метафорически – как мотив разложения и превращения тела в труп, а метонимически – как

⁹ См. у Л.А. Софроновой о специфике коммуникации в ранней прозе Гоголя: «Их слово пустое, и не ассоциативное, за ним ничего не стоит, информация, которой они будто делятся друг с другом, на самом деле нулевая» [4, с. 23]. И далее: «Носитель такого фатического, неинформативного слова – Иван Иванович («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»), о котором сказано, что «это был один из числа тех людей, которые с величайшим удовольствием любят позаниматься улаждающим душу разговором. И будут говорить обо всем, о чем только можно говорить» (1, 198). Он лишь устанавливает и поддерживает речевой контакт, даже не пытаясь нечто сообщить» [4, с. 24]. Обратим внимание на то, что ситуация свидания Шпоньки с «невестой» содержит в свернутом виде некоторые из указанных В.Н. Топоровым сюжеты, не развернутые в повести: превращения сказочного героя в муху для облегчения выполнения задач, муха летает над головой, служит приметой при узнавании невесты; происхождение мухи в результате соития брата и сестры и т.п. – [5, II, с. 188]. Значимость последнего важна в связи с именами персонажей, входящими в название цветка – Иван-да-Марья, выросшего на могиле влюбленных, нарушивших запрет.

¹⁰ См.: «Согласно южнославянским легендам, блохи, мухи и комары произошли из искр от змеиного удара хвостом по углям, блохи – из горсти земли, из праха или пепла змеи, вши – из пыли, пепла, из крови змеи» – отмечает А.В. Гура [2].

¹¹ См. также: Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1991. С. 416-526; Терновская О.А. К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 139-159; Терновская О.А. Ведовство у славян. П. Бзык (мухи в голове) // Славянский и балканский фольклор. М., 1984. С. 118-130 и др.

¹² См. у А. Хансен-Леве: «Мифопоэтический характер мух, как раз наоборот, связан с дионисийским принципом дезорганизации, разложения и метаморфозиса в обратном направлении: душевно-духовное материализуется и материальное превращается в призрачное, мнимое, в сферу миражей и пустых идолов» [9, с. 96]. См. точное замечание Хансен-Леве: «Мухи живут в подвалах культуры, в периферии и в подсознании, в подполье уничтоженного, или, по крайней мере, униженного человека и в анархических кружках и коммунах, где старые апокалиптические вопросы и угрозы (Пора! Пора!) превращаются в утопические или идиотические ответы мечтателей или простых чудаков» [6, с. 99].

⁶ См. аналогичное в «Мертвых душах»: «Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке. “Еще покойница делала”, продолжал Плюшкин: “мошенница-ключница совсем было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козьявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькой я вам налью рюмочку”» [1, VI: 125].

⁷ В этом смысле справедливо утверждение М. Вайскопфа, введшего формулу «метафизическая доминанта»: «Единственное назначение человека – услышать зов и проникнуться влечением к ниспосланной ему цели; важно также, чтобы зов не стал губительным, не оказался бесовским искушением» [3, с. 15].

⁸ Выражение «тараканы в голове» пошло от того, что тараканы, попадая в какие-то устройства и механизмы, нарушали работу этих устройств. Это калка с английского «Every one has his own bugsin the head». Этот фразеологизм имеет архаический славянский прототип: у белорусов и украинцев есть выражения про «муху в голове», означающие глупость или душевнобольного человека. В разных языках он звучит по-разному. Напр., в немецком ему соответствует фразеологизм «einen Vogdzykhas el im Kopf haben» – иметь птичку в голове, а в английском: «a bee in one's bonnet» – пчела под шляпой. И далее: «Пушкину же как-то рассказали, что есть такая побасенка, что тараканы ночью заползают в ухо человеку, когда он спит, и выедают мозг. На что Пушкин ответил, что-то типа “хорошо, я теперь человеку не буду говорить, что он глуп, а буду говорить, что он обижен тараканами”».

индекс или симптом приближающейся смерти, близкого конца, диссоциации живой плоти в прах и землю» [6, с. 95]¹³.

Как ни странно, но на хтоническую сущность самого Шпоньки указала именно его тетушка. Вспоминая свою самую первую встречу с родившимся племянником, она до сих пор содрогается от отвращения: «Я помню, когда приехала самое пущенье, перед филипповкою, и взяла было тебя на руки, то ты чуть не испортил мне всего платья; к счастью, что успела передать тебя мамке Матрене. Такой ты тогда был гадкий!..» [1, I, с. 295]. В эпитете «гадкий» неосознаваемое определение самих себя, своих пустых, измелчавших душ. Тем же эпитетом в повести наделяет черт, точнее, его вербальный двойник; тетушка призывает черта, не в силах отыскать дарственную: «Сам черт, господи прости меня за это гадкое слово, не мог бы понять ее. Куда она дела эту запись – один бог знает» [1, I: 297]¹⁴.

Укрупнение детали¹⁵ получает вполне определенный смысл в отсылке к историко-культурному контексту, в частности, к картинам нидерландских, немецких и итальянских художников середины XV–первых десятилетий XVI века, где на видном месте – изображение мухи в натуральную величину: «Создается впечатление, что это делалось без какого бы то ни было символического значения... Нарисованная муха служит в качестве защитного талисмана против реальных насекомых, которые в противном случае могут сесть и оставить свои грязные следы на живописном воплощении религиозной темы. Было традиционной практикой помещать на изображениях зданий образы нежелательных насекомых, чтобы прогнать прочь реальных» [7]¹⁶. В этом выражается оберегающая функция изображения.

Укрупненная деталь будет определяющей во сне Шпоньки¹⁷. Отзвуки мотивов из разговора с барышней получают во сне Шпоньки символическое воплощение. Упомянутая Марьей Григорьевной мухобойка, которую сделали из старого башмака матери, задает цепочку замещений в хаотичных сюжетах сна. Мать занимает главное положение в семье, замещая мужчину, и Иван Федорович, таким образом, гипотетически меняется местами со своей будущей женой. Так прогнозируется его возможное умаление до подкаблучника (фразеологизм «под башмаком»).

Укрупненная деталь в прозе Гоголя – его эстетический принцип, в котором выражение избыточности есть не что иное, как проявление стихийной мощи природы и человеческого воображения, деформированного словом. «Бытовое», выражаясь в поэзии вранья, вытесняет «человеческое» и вместе с тем человека. Так, гость Сторченко, Иван Иванович, вспоминая о дынях и арбузах, когда-то выращенных покойным отцом Шпоньки, рассказывает руки, «как будто бы хотел обхватить толстое дерево: „ей богу, вот какие!“», хвастается своими необыкновенными индейками: «„Гм, что это за индейки!“ сказал вологоса Иван Иванович с видом пренебрежения, оборотившись к своему соседу. „Такие ли должны быть индейки! Если бы вы увидели у меня индеек! Я вас уверяю, что жиру в одной больше, чем в десятке таких, как эти. Верите ли, государь мой, что даже противно смотреть, кода ходят они у меня по двору, так жирны!“» [1, I, с. 300]: обгаживая чужих индеек, поданных к столу, он, тем не менее, спокойно умирает этих индеек. В этом стремлении поразить масштабами лжи – уход от духовности. Но в то же время в этом отголоски доисторического, легендарного, бытия, когда «преизбыточность» была нормой.

«Замещения» разного рода также органичны поэтике Гоголя. На бытовом уровне в повести о Шпоньке дворовый человек вполне естественно выполняет несколько функций сразу: огородник – сторож – кучер. На мифопоэтическом уровне это замещение об-

ретает метафизический смысл: сторож охраняет вход в потусторонний мир; он же кучер, правящий лошадьми, которые в мифологии – проводники в потусторонний мир; он же огородник, который, взращивая растения, сотворяет, подобно Богу, мир; бречка со времен Адама – означает первозданность и древность. Сама Тетушка, которая стреляла дичь и трусила груши, отстраняющая Шпоньку от ведения хозяйства, замещает Хозяина. Пояснением к возможным замещениям и переворачиваниям являются письма Гоголя¹⁸.

Муhy органично вписаны в поэтический мир старосветских помещиков (повесть «Старосветские помещики», включенная в сборник «Миргород»), двоящийся в сознании рассказчика: с одной стороны, очевидна их вредоносная роль («Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, обпачканная мухами» [1, II, с. 17]); с другой – «поэтическая», даже космологическая: «На стеклах окон звенело страшное множество мух, которых всех покрывал толстый бас шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаниями ос; но как только подавали свечи, вся эта ватага отправлялась на ночлег и покрывала черною тучею весь потолок» [1, II, с. 19]. Во втором случае муhy – отголоски общей гармонии космоса, явленной в Доме. Лиризм смягчает вредоносность, возводя мух в роль устроителей дома-космоса¹⁹. В описании – возвращенная миру музыкальность, об отсутствии которой печалился Гоголь: «Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?» [1, VIII, с. 13]. Естественны метаморфозы серой кошечки – персонифицированной смерти, явившейся за Пульхерией Ивановной.

Эпизод пробуждения Чичикова в идиллическом мире Коробочки пародирует миф о Геракле, которому докучали муhy: «Солнце сквозь окно блистало ему прямо в глаза, и муhy, которые вчера спали спокойно на стенах и на потолке, все обратились к нему: одна села ему на губу, другая на ухо, третья норавлила как бы усесться на самый глаз, ту же, которая имела неосторожность подсесть близко к ноздрю, он потянул впросях в самый нос, что заставило его очень крепко чихнуть – обстоятельство, бывшее причиной его пробуждения» [1, VI, с. 47]. В иллюстрации Марка Шагала «Утро у Коробочки» эта аллюзия очевидна: Чичиков, подобно ребенку, лежит на животе попереки кровати, с обнаженным задом²⁰.

Чиновиный мир в поэме существуют в полярности пчелы/муха. Чиновники в деловой ипостаси уподоблены «трудолюбивым пчелам, рассыпавшимся по сотам, если только соты можно уподобить канцелярским делам» [1, VI, с. 146]. Чиновники в светской ипостаси – мухам: «Черные фракки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носят муhy на белом сияющей рафинаде в пору жаркого июльского лета...» [1, VI, с. 14].

И в дальнейшем амбивалентный энтомологический мотив стягивает полярные смыслы далеких понятий, объединенных признаком черноты: косвенная связь насекомых с чертом (см., фрагмент с описанием бала: «Кричат: „бал, бал, веселосты!“ Просто, дрянный бал, не в русском духе, не в русской натуре, черт знает что такое: взрослый, совершеннолетний вдруг выскочит весь в черном, общипанный, обтянутый, как чертик, и давай месить ногами. Иной даже, стоя в паре, переговаривается с другим об важном деле, а ногами в то же самое время, как козленок, вензеля направо и налево...» [1, VI, с. 174–175]) и с землей («черное» как «земное»: «свеже-разрытые черные полосы, мелькающие по степям» [1, VI, с. 220], орнитологическое-энтомологическое: «вороны, как муhy, и горизонт без конца...» [1, VI, с. 220]).

¹³ И далее: «Как постисторические минус-существа или несущества они не только ничего не дают или не даруют, но и, скорее всего, похищают, высасывают, атомизируют» [6, с. 96]. См. в «Мертвых душах» о хозяйстве Плюшкина: «как муhy мрут».

¹⁴ Страдающий от клопов и тараканов Сторченко этим же эпитетом также наделяет сено постоянного двора: «Тут сено такое гадкое, что того и гляди, как-нибудь попадет сучок» [1, I, с. 292].

¹⁵ См. иллюстрацию В. Фаворского, где в эпизоде свидания Шпоньки с барышней человеческие фигуры несоизмеримы с мухами, изображенными крупно, на первом плане.

¹⁶ И далее: «Это поверие было в одном ряду с гомеопатическим характером средневековой медицины, выражаемом сентенцией «Similia similibus curentur» (лат. – «Подобное излечивается подобным»). В некоторых более поздних примерах назначение муhy – быть просто trompe-l'œil (фр. – «обманка», «обманчивый образ»).

¹⁷ Сон анализируется у И. Золотусского [8], С. А. Гончарова [9].

¹⁸ Напр., приглашение друзей на летний отдых в Васильевку сопровождается шуточными угрозами с опорой на мифологию телесного низа: «...Нет, ты будешь совершенный лошадиный помет, если всё это не подействует на твою вялую душу. Тогда можно будет решительно сказать, что весь мозг из головы твоей перешел в ту неблагоприятную часть тела, которую мы имеем обыкновенно садиться на стуле и даже на судне, а всё содержимое в этой непозволительной и мало употребляемой в разговоре части поднялось в голову...» [1, X, с. 235].

¹⁹ См. скрепляющее эти полюса, промежуточное: «Треугольные столики по углам, четырехугольные перед диваном и зеркалом в тоненьких золотых рамах, выпотенных листьями, которых муhy усеяли черными точками, ковер перед диваном с птицами, похожими на цветы, и цветами, похожими на птиц, – вот все почти убранство невзыскательного домика, где жили мои старики» [1, II, с. 18].

²⁰ Геракл не расправился со своими обидчиками – кекропами, обратившимися в черных трупных мух и мешавших ему, потому что им удалось втянуть его в стихию смеха, и он вместе с ними стал смеяться над собственным обветренным, похожим на щит, задом [9].

Плюшкин и Чичиков зарифмованы паучьим мотивом. В главе о Плюшкине происходит переименование персонажа: реальный паук становится символическим: «На одном столе стоял даже сломанный стул и, рядом с ним, часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину» [1, VII, с. 115] – «Всё тепло живо и совершалось размеренным ходом...; везде, во всё входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал, хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины» [1, VII, с. 118]. Смыкание мухи и паука завершается в авторском комментарии к биографии Чичикова, где так называемые патриоты включены в «мушиный» сюжет: «...они выбегут со всех углов, как пауки, увидевшие, что запуталась в паутину муха, и подымут вдруг крики: "Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом? Ведь это всё, что ни описано здесь, это всё наше, – хорошо ли это? А что скажут иностранцы?"» [1, VII, с. 243].

Мертвые мухи – лейтмотив главы о Плюшкине²¹. Обратим внимание на то, что Гоголь не обнажает механизмов превращения «кучи», в которой присутствуют мертвые насекомые, в «скрытую поэзию» бытия: акт написания Плюшкиным – некое колдовство, он, подобно, Демиургу, творит мир, существующий по законам гармонии: «...но наконец убедился, что никак нельзя; всунул перо в чернильницу с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне и стал писать, выставляя буквы, похожие на музыкальные ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая рассказывалась по всей бумаге, лепя скупую строку на строку, и не без сожаления подумывая о том, что всё еще останется много чистого пробела» [1, VII, с. 127].

Мухи, возникшие из пепла, определяют природу призрачного мира, существующего до тех пор только, пока движется рука. Перевернутость в прочтении самого акта письма: сотворение и есть зачернение, музыка – порождение хтонического начала, письмо есть заполнение пустоты.

Библиографический список

1. Гоголь, Н.В. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.; Л., 1937-1952.
2. Гуря, А.В. Насекомые // Славянская мифология: словарь [Э/р]. – Р/д: <http://pagan.ru/slowar/n/nasekomye8.php>
3. Вайскопф, М. Сюжет Гоголя. – М.: Радикс, 1993.
4. Софронова, Л.А. Мифопоэтика раннего Гоголя. – СПб., 2010.
5. Топоров, В.Н. Муха // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. – М., 1988. – Т. II.
6. Хансен-Леви, А. Мухи – русские, литературные // Studia Litteraria Polono-Slavica, Утопия чистоты и горы мусора. – Warszawa, 1999. – № 4.
7. Энциклопедия символов [Э/р]. – Р/д: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9C%D1%83%D1%85%>
8. Золотусский, И.П. Гоголь. – М., 2009.
9. Грейвс, Р. Мифы Древней Греции [Э/р]. – Р/д: <http://www.greece-about.ru/travel-1600.html136>

Bibliography

1. Gogolj, N.V. Gogolj N.V. Poln. sobr. soch.: v 14 t. – М.; Л., 1937-1952.
2. Gura, A.V. Nasekomihe // Slavyanskaya mifologiya: slovarj [Eh/r]. – R/d: <http://pagan.ru/slowar/n/nasekomye8.php>
3. Vajjskopf, M. Syuzhet Gogolya. – М.: Radiks, 1993.
4. Sofronova, L.A. Mifopoehtika rannego Gogolya. – SPb., 2010.
5. Toporov, V.N. Mukha // Mifi narodov mira: ehnciklopediya: v 2 t. – М., 1988. – Т. II.
6. Khansen-Leve, A. Mukhi – russkie, literaturniye // Studia Litteraria Polono-Slavica, Utopiya chistotih i gorih musora. – Warszawa, 1999. – № 4.
7. Ehnciklopediya simbolov [Eh/r]. – R/d: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9C%D1%83%D1%85%>
8. Zolotusskiy, I.P. Gogolj. – М., 2009.
9. Greyjvs, R. Mifi Drevnej Grecii [Eh/r]. – R/d: <http://www.greece-about.ru/travel-1600.html136>

Статья поступила в редакцию 07.12.11

УДК 811

Akulova N.N. DEBATING POINT OF INTERPRETING THE "CONTRADICTION" IN LINGUISTICS. The article is devoted to the broad and narrow understanding of contradiction in modern linguistics. The problem of its linguistic status in terms of comparison with the notions "contrast" and "paradox" is stated, and the basics of classification of contradictory statements is offered.

Key words: contradiction, principle of the method, contrast, paradox, pseudocontradictory statement.

Н. Н. Акулова, аспирант СФУ, г. Красноярск, E-mail: hippoo@mail.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ТРАКТОВКИ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье говорится о широком и узком понимании противоречия в современной лингвистике, рассматривается проблема его лингвистического статуса в аспекте соотношения с понятиями «контраст» и «парадокс», а также предлагается основание классификации противоречивых высказываний.

Ключевые слова: противоречие, принцип построения приема, контраст, парадокс, псевдопротиворечивое высказывание.

Категория противоречия занимает одно из центральных мест не только в философии, логике, эстетике, психологии, теологии, социологии, но и в лингвистике. Как отмечает Л.А. Новиков, «лингвистическое понимание противоречия основано на совмещении его формально-логического и диалектического (философского) представлений, силлогистики Аристотеля и диалектики Платона» [1, с. 326].

Само понятие противоречия, по мнению Н.Д. Арутюновой, в работах лингвистов неоднородно, так как «под него подводят

несходные между собой явления: 1) недопустимость соприсутствия в тексте как единовременном продукте одного говорящего утверждения и отрицания одной мысли; 2) несовместимость семантических компонентов; 3) несоответствие синтаксических связей семантическим отношениям; 4) разлад между коммуникативными целями говорящего и смыслом или пресуппозициями высказывания; 5) одновременная соотносительность с разными точками отсчета или даже разными точками зрения; 6) эмпирическая невозможность интерпретировать предложение применительно к устройству нашего мира» [2, с. 3]. Этим фактом объясняются высказывания лингвистов о том, что «...само понятие "противоречие" крайне противоречиво» [3, с. 289].

²¹ А. Хансен-Леви в своей работе указывает не все эпизоды.

В лингвистических работах, посвященных изучению противоречия, можно выделить узкое и широкое понимание данного понятия.

В узкой трактовке, противоречие – это отклонение (прагматически мотивированное или немотивированное) от логического закона непротиворечия, одна из формулировок которого гласит о том, что не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении.

Широко рассматривает противоречие Б.Т. Ганеев. В монографии «Противоречие в языке и речи» в понятие «противоречие» он включает не только собственно логическое противоречие, но и «разноречие», или «неполное противоречие», при котором «отрицается только часть элементов противопоставляемой пары (например, в случае метафоры)» [4, с. 125]. Противоречие в таком широком осмыслении он относит к аллофонии как алогичной, аномальной разновидности языка. Признаками аллофонии Б.Т. Ганеев считает многозначность лексемы, наличие в ней эксплицитного или имплицитного противоречия, транспозиции форм, несоответствие содержания формы денотату, переносные значения языкового знака. Поэтому исследователем выделяется большой перечень приемов, рассматриваемых как явление аллофонии: амфиболия, антаногога, антитеза, каламбур, оксюморон, парадокс, синойкиоза, анафора, алогизм, анахронизм, антиметабола, антистрекфон, гистеропротерон, металепис, метатеза, хиазм, контаминация, апофазия, антипофора, литота, отрицательное сравнение, антифразис, загадка, ирония, катахреза, металогия, метафора, метонимия, олицетворение, сарказм, синекдоха, апострофа, перифраза, риторический вопрос, гипербол, гротеск, антанаклаза, остранение, анаколуп, антимерия, гендиадис, зевгма, силлепис, синкриза и зналага.

Под категорию противоречия также подводят высказывания, содержание которых не соответствует нашему представлению об устройстве мира. Так, по мнению Н.Д. Арутюновой, «противоречиво такое высказывание, которое в принципе не может быть истинным в применении к данной нам в опыте (практическом и теоретическом) действительности» [2, с. 6].

Именно различием в трактовке объема понятия противоречия объясняется тот факт, что лингвистами по-разному определяется лингвистический статус этого явления. Так, например, Н.А. Максимова вслед за Л.А. Новиковым противоречие называет тропофигурой. При этом под тропофигурой она понимает синтаксические конструкции, которые содержат художественное превращение смысла и тем самым имеют «переходный характер» между стилистическими фигурами и классическими тропами. Другие исследователи трактуют противоречие как выразительное средство (Л.А. Новиков) или принцип построения паралогического приема, понимая под последним осознанное и целесообразное отступление от «коммуникативной нормы логичности речи» (И.В. Пекарская, О.С. Кожевникова).

Следующий дискуссионный вопрос связан с проблемой классификации приемов (в иной трактовке – фигур) противоречия. О.С. Кожевникова, отмечая недостаточную изученность лингвистического аспекта проявления противоречия, пишет: «Не все приемы, основанные на намеренном нарушении принципа непротиворечия, исследованы, а другие – не в равной степени и не системно. Многие из таких приемов не имеют терминологического обозначения» [5, с. 118]. Л.А. Новиков отмечает, что «вопрос о противоречии как приеме должен быть рассмотрен в поэтике и стилистике в тесной взаимосвязи с другими тропофигурами» [1, с. 334]. Среди приемов противоречия некоторые исследователи выделяют парадокс (Л.А. Новиков), контраст (Т.Г. Бочина). Тем самым решение вопроса о классификации приемов противоречия тесно связано с вопросом о соотношении понятий: противоречие, контраст, парадокс.

Как и в случае с противоречием, лингвистический статус контраста определяется по-разному: семантический прием (М.В. Панкратова), стилистическая фигура (Р.В. Селина), троп (Н. Абрамов, Г.Г. Хазагеров, Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина), поэтический прием (Ю.Н. Блинов), лингвокогнитивный принцип (Т.Г. Бочина), общий принцип организации приемов (Н.Ю. Максимова, О.С. Кожевникова) и т.д. Однако многие исследователи отмечают, что явление контраста связано с противоречием и противопоставлением, которые составляют его логику-философскую основу и поэтому являются более узкими понятиями. В качестве доказательства приведем две цитаты: «Основными стилистическими фигурами контраста являются две их разновидности: 1) противо-

поставление, в котором соотносятся противоположные понятия, образы, смысловые сферы; 2) противоречие, внутри которого несовместимость разных понятий предстает как взаимосвязь, синтез» [6, с. 46]; «Разновидностью лексико-семантического контраста выступает прием противопоставления. На уровне языка противопоставление выражается антитезой – стилистической фигурой, представляющей собой "противопоставление противоположных, контрастных по своему содержанию слов (шире – образов)"» [7, с. 12-13].

Определение контраста как принципа организации приемов ставит вопрос о содержании самого понятия принцип и месте названного принципа в системе других принципов, которые выделяют исследователи.

В современных стилистике и риторике понятие принцип используется в двух значениях: 1) как особенность построения стилистических средств (стилистических приемов: тропов и фигур) (механизм, который создает стилистический прием или группу приемов) (А.А. Кузнецова), особенность в устройстве стилистического средства, определяющую отношение этого средства к действительности (И.В. Пекарская); 2) как исходные положения, правила, определяющие направление в котором осуществляется отклонение от нормы (интенциональный аспект) (А.П. Сквородников).

И.В. Пекарская пишет, что разные ученые, обращаясь к вопросам экспрессивного синтаксиса, пытаются выявить эти принципы: «Г.Н. Акимов останавливает внимание на расчлененности и нерасчлененности экспрессивных конструкций; Э.М. Березовская соотносит так или иначе все явления экспрессивного синтаксиса с принципом симметрии, отмечая, что понятие симметрии сочетается с понятием асимметрии и образует с ним некое единство; А.П. Сквородников описывает ряд фигур в системе (эллипсис, антиэллипсис, усечение, повтор, парцелляцию), исходя из принципов экономии и избыточности в языке» [8, с. 67-68]. Таким образом, заключает исследователь, «существует некий перечень принципов построения экспрессивных синтаксических конструкций – стилистических фигур» [8, с. 68]. И.В. Пекарская предлагает разделить принципы на общие и частные. Общие принципы лежат в основе построения не только экспрессивных, но и неэкспрессивных средств языка, частные же принципы лежат в основе построения лишь экспрессивных средств.

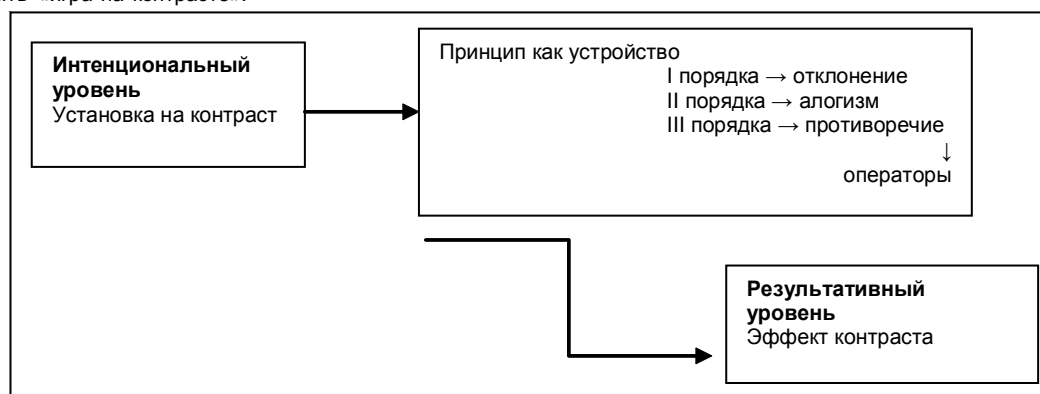
Иное понимание частного принципа представлено в работах Г.А. Копниной, которая, вслед за представителями Льежской школы риторики, частными принципами называет операторы: «...отклонение от нормы можно признать речемыслительной операцией, а способы, при помощи которых она осуществляется, – операторами. Результатом операции является речевой факт, основанный на базовом принципе (отклонение от нормы) и частном принципе (операторе, или операциональном принципе), его реализующем» [9, с. 98].

Исследователи в области теории элокуции общим принципом построения приемов считают отклонение от языковой/речевой нормы (А.П. Сквородников, И.В. Пекарская, А.А. Кузнецова, А.Н. Смолина) или нулевой ступени нормы (термин группы μ), т.е. ее нейтрального варианта (Г.А. Копнина).

Г.А. Копнина при описании приемов исходит из оппозиции «норма – отклонение от нормы или ее нейтрального варианта» [9], в отличие от представителей группы μ , которые рассматривают приемы, исходя из положения – отклонение от нулевой ступени» [10]. По мнению Ж. Дюбуа и др., «норма часто "неуловима"», поэтому авторы используют понятие «"нулевой ступени" литературности», служащее «практическим определением нормы» [10, с. 51]. Г.А. Копнина полагает, что «понятие нормы более предпочтительно по сравнению с понятием "нулевой ступени"», поскольку в рамках нормы выделяются нейтральный и экспрессивный варианты [9, с. 193]. Общие принципы отклонения, выделяемые в соответствии с разными типами норм, реализуются при помощи частных (операциональных) принципов [9, с. 168].

Разное осмысление понятия «частный принцип» построения приема привело к тому, что одни исследователи контраст называют в кругу общих принципов, другие же – в кругу частных принципов, наряду с принципом контаминации и принципом повтора, считая его «частным проявлением общего принципа асимметрии» [8, с. 68]. В первом случае частным принципом контраста исследователи называют противоречие (О.С. Кожевникова, Н.Ю. Степанова). А.А. Кузнецова полагает, что стилистические принципы могут быть синкретичными, и к таковым автор относит принцип контраста, наряду с градацией.

Таким образом, выдвигаемая ранее идея И.В. Пекарской об иерархии принципов как особенностей устройства приема оказывается плодотворной. Принципом первого порядка считаем принцип отклонения от нормы (или ее нейтрального варианта); принципом второго порядка – отклонение от той или иной конкретной нормы, например, от формально-логической нормы (вслед за Г.А. Копниной); принципом третьего порядка может быть разновидность отклонений от конкретной нормы, например в нашем случае – от закона непротиворечия; принципом четвертого порядка, или, лучше сказать, операторами являются те операции, при помощи которых это отклонение совершается. При использовании этих принципов говорящий имеет некие исходные положения, которые определяют направления отклонения, задающие характер речевого воздействия. Таким направлением может быть «игра на контрасте».

Перейдем к соотношению понятий «противоречие» и «парадокс».

При широком понимании парадоксом называют противоречие, трактуемое как несоответствие истинному положению дел. Например, Л.Н. Синельникова парадокс определяет следующим образом: «Парадокс (греч. – *неожиданный, необыкновенный, странный*) – мнение, суждение, резко расходящееся с обычным, противоречащее здравому смыслу: неожиданное явление, не соответствующее обычным представлениям» [3, с. 289]. Н.К. Рябцева о *здравом смысле* пишет следующее: «Здравый смысл воплощается в представлениях типа "Утром солнце встает, а вечером садится", "Время летит или ползет", "Радость переполняет человека, а горе сушит" и т. п. Такие "донаучные" представлений не просто много в обыденном сознании – ими пронизано наше восприятие всех абстрактных сущностей: времени, эмоций, коммуникации, мышления, социальных явлений и мн. др.» [2, с. 163]. В «Большой советской энциклопедии» о парадоксе сказано, что поскольку в науке «нормой» естественно считать истину, то так же естественно характеризовать в качестве парадокса всякое отклонение от истины, т. е. ложь, противоречие. Поэтому в логике парадокс понимается как синоним терминов «антиномия», «противоречие»: так называют любое рассуждение, доказывающее как истинность некоторого высказывания, так и истинность его отрицания. А.Д. Шмелев отмечает, что «высказывание считается истинным, если его пропозициональное содержание соответствует действительности (материальная истинность) и при этом два компонента содержания не противоречат друг другу (формальная истинность)» [2, с. 85].

Отсюда можно сделать вывод, что парадоксальными считают, с одной стороны, высказывания, в содержании которых нарушается онтологическая норма (требование соответствия действительности), с другой стороны, высказывания, основанные на формально-логическом противоречии. В этой связи уместно привести слова Г.А. Копниной, которая пишет: «Чтобы не происходило "размытия" границ между логикой и онтологией, затрудняющего классифицирование речевых фактов как принадлежащих тому или иному приему, целесообразно термин паралогические риторические приемы (алогизмы – в иной терминологии) понимать как целесообразные отступления от законов и правил именно формальной логики, а не от соответствия ситуации реальной действительности («логики вещей»)» [11, с. 89-90]. Именно совмещение в рамках одного понятия «логика» два его разных осмысления («логика вещей» и «формальная логика») приводит, по сути, к тому, что понятие параонтологического приема оказывается синонимичным понятию парадокса.

Исходя из приведенных соображений, **противоречие считаем частным принципом построения речевых приемов, который является одной из разновидностей принципа алогизма как механизма прагматически мотивированного отклонения от того или иного закона/правила логики.** Противоречие приводит к возникновению контраста, но не всякий контраст является результатом отклонения от закона непротиворечия, если контраст понимать как «композиционно-стилистический принцип развертывания речи, заключающийся в динамическом противопоставлении двух содержательно-логических, а также структурно-стилистических планов изложения» [6, с. 48].

Сказанное выше можно изобразить схематически следующим образом:

Более узкое понимание парадокса встречаем в статье Л.А. Новикова, который парадокс определяет как «разновидность фигуры противоречия» [1, с. 333]. Парадокс основан «чаще всего на конкретной лексике, словах, вступающих в тексте в отношения контекстуальной противоположности (оппозиции). Сущность парадокса состоит в неожиданном несовпадении вывода с посылкой, в их противоречии, нередко в *reductio ad absurdum*. Эффект алогизма, "нескладницы" выступает здесь как осязаемое средство нарушения привычного автоматизма отношений и тем самым экспрессивного подчеркивания поэтического образа...» [1, с. 333].

Многие исследователи трактуют парадокс как суждение (мысль), которое, на первый взгляд, противоречит здравому смыслу, но является глубоким по значению (О.Н. Емельянова, О.С. Кожевникова, Л.И. Тимофеев, Г.Г. Хазагеров). Другими словами, противоречие здравому смыслу осуществляется часто только с виду.

Однако, как отмечает Л.Н. Синельникова, «что касается *здравого смысла*, здесь еще больше неясностей (вряд ли кто-нибудь в наше время рискнет дефинировать это понятие)» [3, с. 289]. Очевидно, этим объясняется стремление заменить сочетание «здравый смысл» понятием «общепринятое мнение». В частности О.С. Кожевникова пишет о том, что парадокс – это высказывание, отрицающее общепринятое мнение, на первый взгляд не референтное, но глубокое по значению при его интерпретации. Т.В. Матвеева также под парадоксом понимает мнение, которое идет в разрез с общепринятым, привычным, кажется или является противоречащим логике и здравому смыслу.

О.С. Кожевникова парадокс считает «особым случаем противоречия (неполным в логическом отношении), так как противоречие в данном приеме существует только на уровне поверхностного восприятия и снимается широким контекстом» [5, с. 121].

Анализ речевых фактов позволяет утверждать, что существуют два типа противоречивых высказываний как высказываний, основанных на отклонении от закона непротиворечия:

1) собственно противоречивые высказывания – такие высказывания, противоречие которых не снимается контекстом в его широком осмыслении, например: «*Ученые открыли секрет долголетия ежей. Оказывается, они и живут недолго*» (Анекдот шоу на 102.8 Fm Красноярск: Авторитетное радио 28.08.2011) – в высказывании представлены два противоречащих друг другу утверждения (X живет долго и X живет недолго), что формально выражено использованием противоречивых понятий применительно к одному и тому же объекту, взятому в одно и то же время и в одном и том же отношении;

- *Do you speak English?*
- **Что-то? Не понимаю.**
- *Я спрашиваю, говорите ли вы по-английски?*
- **А-а-а, английским я владею в совершенстве!** (Телесемь

№ 38 12-18 сентября 2011) – противоречие выделенных в тексте анекдота высказываний, выражено при помощи контрарных понятий *не понимаю* и *владею* (владение подразумевает понимание).

2) **высказывания псевдопротиворечивые** – высказывания, противоречие в которых снимается на уровне контекста, например: *«Я один, но это не значит, что я одинок, / Мой магнитофон хрипит о радостях дня, / Я помню, что завтра меня ждет несколько встреч, / И кофе в известном кафе созреет меня...»* (песня В. Цоя «Ночь») – соблюдены все условия закона непротиворечия: понятие одиночества в рамках одного высказывания осмысливается по-разному в зависимости от времени событий.

В рамках псевдопротиворечия О.С. Кожевникова рассматривает парадокс, определяя его как высказывание, отрицающее общепринятое мнение, на первый взгляд нереферентное, но глубокое по значению при его интерпретации. Однако этот исследователь, как и многие другие, не говорит о критериях определения «глубины значения». Таковым критерием мы будем считать (на основе анализа примеров парадокса в словарях и справочниках) выявление некоей онтологической закономерности. Если противоречивое по форме высказывание в результате переосмысления «выводит» на существование определенной закономерности,

то, оно является глубоким по значению, например: *«Как хорошо говорится в старой песне Андрея Макаревича: "Бог нам дал старых друзей и новых старых не будет!"»* (Е. Гришкoveц «Продолжение жизни»).

Итак, парадоксальные высказывания представляют собой разновидность псевдопротиворечивых высказываний, которая в результате переосмысления выявляет некую закономерность. Парадокс существует не для того, чтобы в нем увидели «не-норму как признак особого положения вещей», а как «свойство мира, а не только свойство сознания» [3, с. 291].

Возможно переосмысление парадоксальных высказываний (своего рода «двойное отклонение» – термин «группы μ»). Например, классики говорят: *«Сила женщины – в её слабости»* – данный афоризм в контексте телепередачи «Модный приговор» на 1 канале от 29.09.2011 г. трактуется следующим образом: «женщина, имеющая эстетически правильные привычки в одежде (переносное значение слова *слабости*), способна управлять мужчиной, и в этом её сила».

В дальнейшем предполагается детализировать выделенные нами группы противоречивых высказываний.

Таким образом, существует ряд дискуссионных вопросов, касающихся проблемы трактовки противоречия в современной лингвистике. Решение этих вопросов будет способствовать уточнению статуса противоречивых высказываний в системе риторических приемов и тем самым развитию теории элокуции.

Библиографический список

1. Новиков, Л.А. Противоречие как прием // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). – М., 1995.
2. Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: сб. ст. / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990.
3. Синельникова, Л.Н. Правда и ложь противоречивых высказываний // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2006. – Т. 19. – № 5.
4. Ганеев, Б.Т. Противоречия в языке и речи: монография. – Уфа, 2004.
5. Кожевникова, О.С. О стилистических приемах, организуемых принципом противоречия, в современной российской газете // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. материалов междунар. науч. конф. – Красноярск, 2005.
6. Степанова, Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвистический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010.
7. Панкратова, М.В. Доминантные компоненты идиостиля И. Лиснянской (контраст, повтор, сравнение): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.
8. Пекарская, И.В. Силлепсис, снятие, солецизм, зевгма, анаколуп: беспорядок в упорядоченности или упорядоченность беспорядка? (К проблеме терминологической точности в системе стилистических фигур) // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. – 2000. – Вып. 1.
9. Копнина, Г.А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания: дис. ... д-ра филол. наук. – Красноярск, 2010.
10. Общая риторика: пер. с фр. / общ. ред. А.К. Авеличева. – М., 2006.
11. Копнина, Г.А. О классификации риторических приемов (к постановке проблемы) // Филологические науки. – 2004. – № 2.

Bibliography

1. Novikov, L.A. Protivorechie kak priem // Filologicheskijy sbornik (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V.V. Vinogradova). – M., 1995.
2. Logicheskijy analiz yazhka: Protivorechivost' i anomalnost' teksta: sb. st. / pod red. N.D. Arutyunovoy. – M., 1990.
3. Sinelnikova, L.N. Pravda i lozh' protivorechivikh vihskazihvaniy // Ucheniye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. – 2006. – T. 19. – № 5.
4. Ganeev, B.T. Protivorechiya v yazhke i rechi: monografiya. – Ufa, 2004.
5. Kozhevnikova, O.S. O stilisticheskikh priemakh, organizuemikh principom protivorechiya, v sovremennoy rossiyskoy gazete // Sovremennaya filologiya: aktualniye problemih, teoriya i praktika: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. – Krasnoyarsk, 2005.
6. Stepanova, N.Yu. Kontrast kak sredstvo sozdaniya komicheskogo ehffekta (lingvostilisticheskijy aspekt): dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2010.
7. Pankratova, M.V. Dominantniye komponentih idioshtilya I. Lisnyanskoy (kontrast, povtor, sravneniye): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2009.
8. Pekarskaya, I.V. Sillepsis, snyatie, solecizm, zevgma, anakoluf: besporyadok v uporyadochennosti ili uporyadochennost' besporyadka? (K probleme terminologicheskoy tochnosti v sisteme stilisticheskikh figur) // Rechevye obsheniye: Vestnik Rossiyskoy ritoricheskoy associacii. – 2000. – Vihp. 1.
9. Kopnina, G.A. Ritoricheskie priemih sovremennoy russkoy literaturnoy yazhka: opiht sistemnoy opisaniya: dis. ... d-ra filol. nauk. – Krasnoyarsk, 2010.
10. Obthaya ritorika: per. s fr. / obth. red. A.K. Avelicheva. – M., 2006.
11. Kopnina, G.A. O klassifikacii ritoricheskikh priemov (k postanovke problemih) // Filologicheskie nauki. – 2004. – № 2.

Статья поступила в редакцию 07.12.11

УДК 81.1

Rezinkin A.J. THE COGNITIVE METHODS OF APPROACH TO STUDYING METONYMY. In the work there are described the basic cognitive methods of approach to studying metonymy within the modern scientific paradigm in the cognitive linguistics: from the position of prototypes and idealized cognitive models and from the position of the frame and conceptual semantics. The author draws a conclusion that these methods of approach to studying metonymy from the cognitive point of view do not contradict one another and make one consider metonymy as a mode of conceptualization and categorization of reality, i.e. as a way of cognition and organization of the knowledge about the universe.

Key words: metonymy, metaphor, prototype, idealized cognitive model (ICM), domain, frame, concept, categorization, conceptualization.

А.Ю. Резинкин, аспирант АлмГПА, г. Барнаул, E-mail: aleksei-rezinkin@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕТОНИМИИ

В статье описаны основные когнитивные ракурсы рассмотрения метонимии в рамках современной научной парадигмы в когнитивной лингвистике: с позиции прототипов и идеализированных когнитивных моделей, фрейм-модовой и концептуальной семантики. В заключении делается вывод о том, что данные ракурсы изучения метонимии с когнитивной точки зрения не противоречат друг другу и предписывают рассматривать метонимию как способ концептуализации и категоризации действительности, т. е. как способ познания и организации знаний о мире.

Ключевые слова: метонимия, метафора, прототип, идеализированная когнитивная модель (ИКМ), фрейм, концепт, категоризация, концептуализация.

Метонимия, как одно из фундаментальных языковых явлений, подвергалась всестороннему изучению практически во всех областях лингвистического знания. Она рассматривалась в *стилистике как средство создания художественной речи, как троп* (Аристотель, М.Г. Арапатян, И.В. Арнольд, М.П. Брандес, И.Р. Гальперин, Л.П. Кожевникова, Е.А. Некрасова, Э.Г. Ризель, Н.К. Рябцева, Б.В. Томашевский, В.В. Чхеидзе и др.); в *семасиологии как способ семантической деривации* (Ю.Д. Апресян, А.К. Бирих, В.В. Виноградов, Е.Л. Гинзбург, М.Н. Лапшина, А.Л. Новиков, Е.В. Падучева, Д.Н. Шмелев и др.); в *ономасиологии как средство вторичной номинации* (Ю.Д. Апресян, М.Я. Бич, В.Г. Гак, О.К. Жданов, В.Н. Телия и др.). С позиций психологического подхода метонимия определяется как перенос имени, основанный на *ассоциативных связях* по смежности (Г. Пауль, М.М. Покровский и др.), а с позиций логического подхода как перенос имени, обусловленный *логическими отношениями* между объектами реальной действительности, подлежащими наименованию (В.Г. Гак, А.А. Потебня и др.).

Определение метонимии с точки зрения традиционных ракурсов ее рассмотрения наиболее полно, как нам представляется, отражено Н.Д. Арутюновой в статье «Большого энциклопедического словаря. Языкознание», где метонимия понимается как «троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [1, с. 300]. Смежность, сопредельность и вовлеченность в одну ситуацию предполагают наличие различного рода логических отношений (понятийных, синтагматических, пространственных, временных, событийных, причинно-следственных и др.), которые могут возникать между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т. п. [1, с. 300].

Опыт научного описания метонимии многими поколениями лингвистов стал тем толчком, который открыл горизонты для нового, когнитивного изучения метонимии, являющегося сегодня наиболее актуальным (А. Barcelona, W. Croft, R. Dirven, G. Fauconnier, L. Goossens, M. Johnson, P. Koch, Z. Kovecses, G. Lakoff, L. Lipka, K.-U. Panther, G. Radden, F.J. Ruiz de Mendoza Ibanez, L. Thornburg, M. Turner, B. Warren, Л.В. Архипкина, Е.Я. Бадеева, Е.С. Кубрякова, Е.А. Козлова, М.Н. Лапшина, Е.В. Падучева, Н.В. Рунова, Н.С. Трухановская и др.). С развитием когнитивной лингвистики происходит расширение интерпретации метонимии и отделение языковой метонимии, как семантического механизма развития значения слова, от когнитивной метонимии, как механизма концептуализации и категоризации действительности [2, с. 3]. Метонимия не просто поэтический или риторический прием, подчеркивают в этой связи Дж. Лакофф и М. Джонсон, «...она принадлежит не только языку, но и служит для обеспечения понимания, позволяя сконцентрироваться на определенных сторонах того, что обозначается» [3, с. 62].

Когнитивная лингвистика, представляя метонимию как концептуальное явление и как фундаментальный прием познания и осмысления действительности, как один из механизмов когнитивного моделирования, исследует метонимию с позиций: а) *теории прототипов и идеализированных когнитивных моделей* (Z. Kovecses, G. Lakoff, G. Radden, Н.В. Рунова и др.); б) *фрейм-модовой семантики* (А. Blank, P. Koch, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, И.М. Кобозева, А.А. Меликян и др.); в) *концептуальной семантики* (М. Johnson, G. Lakoff, Е.В. Падучева и др.) и некоторых других позиций.

Рассмотрим сущности основных когнитивных подходов к изучению метонимии в зарубежной и отечественной лингвистике.

Одним из представителей первого подхода является американский лингвист-когнитолог Дж. Лакофф, согласно точке зрения которого, мы организуем наше знание посредством определенных структур – *идеализированных когнитивных моделей* [4, с. 99]. ИКМ есть сложное структурированное целое, гештальт. В формировании ИКМ участвуют четыре универсальные модели когнитивного аппарата: 1) пропозициональные модели, которые вычлениают элементы из ситуации, дают их характеристики и определяют связи между ними; 2) схематические модели образов, т. е. специфические схематические представления образов, таких, как траектории, формы, вместилища и т. д.; 3) метафорические модели, представляющие собой модели перехода от пропозициональных или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой области; 4) метонимические модели, к которым относятся модели первого или нескольких типов, дополненные указанием функций, выполняемых одним элементом по отношению к другому [5, с. 31-32].

Метонимическая модель, в частности, указывает Дж. Лакофф, имеет следующие характеристики:

- существует концепт-«мишень» А, который должен для некоторой цели получить понятную интерпретацию в некотором контексте;

- имеется концептуальная структура, включающая концепт А и некоторый концепт В. В является частью А или тесно ассоциирован с ним в данной концептуальной структуре. В типичном случае выбор В однозначно обуславливает А внутри данной концептуальной структуры;

- в сравнении с А В или легче понимается, легче запоминается, или может быть более непосредственно использован для данной цели в данном контексте.

Таким образом, метонимическая модель – это модель отношения между А и В в концептуальной структуре, содержащая указание на функцию В по отношению к А [4, с. 120].

В случае, когда такая конвенциональная метонимическая модель существует как часть концептуальной системы, то В может использоваться, метонимически, вместо А. Если же А является *категорией*, то результатом будет *метонимическая модель категории*, в которой часть категории замещает категорию в целом, становясь как бы ее лучшим представителем, *прототипом*. Дж. Лакофф рассматривает случай метонимической модели на примере категории-стереотипа «мать-домохозяйка». По мнению Дж. Лакоффа, стереотип матери-домохозяйки образует субкатегорию, которая представляет категорию матери в целом при определении социальных ожиданий, связанных с этой категорией. «Всякий раз, когда субкатегория (или отдельный член категории) используется для категории в целом, она становится потенциальным источником прототипических эффектов. Поэтому метонимические модели играют важную роль в теории прототипов», – пишет Дж. Лакофф [4, с. 120].

Свое развитие понятие ИКМ, как упорядоченной когнитивной репрезентации фрагмента действительности, получило в работах Z. Kovecses, G. Radden, Н.В. Руновой. Касаясь роли метонимии в познании и представлении знания о мире, эти исследователи представляют ее как *когнитивный процесс*, в котором содержательная область концепта-средства обеспечивает ментальный доступ к содержательной области концепта-цели в пределах одного *домена*, или ИКМ [6, с. 8].

Исходным в концепциях второго подхода является понятие *фрейма*, под которым понимается одна из возможных структур

представления знания. Фрейм включает набор данных о стереотипной ситуации, группируемых в слоты, или субфреймы. Фрейм представляет собой лингво-когнитивное понятие и имеет языковой коррелят (М. Минский, Т. ван Дейк и др.). Теория фреймов находит свое применение при описании значения слова. Считается, что в сфере лексической семантики описание значения слов через связанные с ними фреймы и сценарии оказываются в ряде случаев более экономным, и вскрывает некоторые новые факты, которые не обнаруживаются при использовании традиционных и структурных методов [7, с. 239]. Ч. Филлмор утверждает, в частности, что подход к значению с позиций семантики фреймов существенно более энциклопедичен, так как исходит из того, что единицы и категории языка возникли, прежде всего, как средства, служащие целям общения и понимания. Кроме того, «семантика фреймов ориентирована на понимание причин, приведших языковое сообщество к созданию категории, представляемой данным словом, и на объяснение лексического значения на основе этих причин и их экспликации» [8, с. 68].

В рамках фреймовой семантики метонимические преобразования рассматриваются как ментальные операции над одним из фреймов и интерпретируются как операции свертывания фрейма, в результате чего «фрейм сводится к слоту/слотам, подслоту/подслотам, элиминированному слоту/подслоту, введенному нехарактерному слоту/подслоту и т. д.» [9, с. 152]. Многозначность, основанная на метонимии, истолковывается как перенос наименования с одного слота фрейма на другой [10, с. 170].

Подход к метонимии с точки зрения концептуальной семантики отражен в исследованиях Е.В. Падучевой (2003, 2004), где метонимия рассматривается как процесс (сдвиг фокуса внимания), и как результат (концептуальная метонимия, метонимический концепт). Метонимия рассматривается ею в контексте с понятием «денотативная ситуация», под которой понимается подлежащий концептуализации фрагмент действительности. Е.В. Падучева отмечает, что одна и та же денотативная ситуация может быть по-разному концептуализирована в языке. При этом, как подчеркивает Е.В. Падучева, «львиная доля различий между разными концептуализациями одной ситуации приходится на два параметра – оценку и фокус внимания» [11, с. 156]. Утверждая, что основополагающим механизмом процесса метонимизации является смещение фокуса внимания, Е.В. Падучева выстраивает когнитивную теорию метонимии и пишет следующее: «Предлагаемая модель метонимии основана на представлении о метонимии как о сдвиге фокуса внимания, и в этом смысле может быть названа когнитивной» [12, с. 239]. Ссылаясь на Л. Талми, Е.В. Падучева указывает на то, что основанием для метонимических сдвигов служит избирательность человеческого восприятия, которая отражается в языке в виде разнообразных сдвигов фокуса внимания при описании одной и той же внеязыковой ситуации. В процессе концептуализации какого-либо фрагмента действительности происходит то, что одни аспекты реальности акцентируются, актуализируются, другие затушевываются, уходят в фон: происходит как бы схематизация реальной действительности [11, с. 157]. Но аспекты ситуации, затушеванные в данной концептуализации, имплицитно присутствуют в контексте сделанного высказывания. Затушеванные аспекты связаны с актуализированными аспектами смежными отношениями по принципу «часть – целое», «параметр – значение», «причина – следствие» и т. п. «И здесь приходит на ум понятие метонимии», – заключает Е.В. Падучева [11, с. 157].

Е.В. Падучева считает, что возможность изучения метонимических соотношений возникла благодаря обращению лингвистов к связям между высказыванием говорящего и воспринимаемой и осознаваемой им действительностью. Связи по смежности, подчеркивает Е.В. Падучева, существуют не между смыслами, а между объектами действительности. Метонимический сдвиг, «перенос по смежности» в таком случае представляет собой перенос внимания на объект, смежный с данным [12, с. 240]. В качестве примера Е.В. Падучева приводит некоторые типы метонимических переносов, как-то: «материал → изделие», «автор → произведение», «место → учреждение», «часть → целое» и др. Е.В. Падучева замечает, что традиционно выделяемые перечни метонимических переносов, представленные в разного рода учебниках и пособиях, сходны в том, что они всегда не полны. Так, они обычно не включают такие важные типы переносов как «отрезок времени → (занимающее его) событие»; «источник звука → издаваемый звук»; «часть тела → болезнь (этой части тела)» и др. Е.В. Падучева заключает, что «едва ли, вообще, этот перечень можно сделать полным» [11, с. 162].

Метонимия как когнитивный механизм имеет языковое воплощение, поэтому Е.В. Падучева наряду с концептуальной метонимией выделяет словарную метонимию и синтаксическую метонимию. Классическим примером концептуальной метонимии является модель «содержащее – содержимое»: «*Стаканы* пенились и шипели беспрестанно». На самом деле в данной денотативной ситуации шипело и пенилось вино, но стаканы тоже присутствовали как компонент этой ситуации: метонимический сдвиг только перенес их из периферии в центр [11, с. 160].

Словарная метонимия имеет место в том случае, когда метонимический сдвиг связывает два значения слова, зафиксированные в словаре, – если одно значение получается из другого смещением фокуса внимания. Так в слове «рот», как указывает Е.В. Падучева, можно выделить два значения: 1) отверстие между губами, ведущее в полость между челюстями и щеками до глотки, 2) а также сама эта полость. В данном случае метонимия выступает инструментом семантической деривации [11, с. 161]. Как отмечает Е.В. Падучева, отличие первого и второго типов метонимии состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с живой, образной метонимией, а во втором – со стершейся метонимией [11, с. 162].

Синтаксическая метонимия представляет собой перенос внимания с одного участника на другого посредством диатетических сдвигов и расщеплений, например, «пробить дыру в стене» → «пробить стену», «рубить лес» → «рубить дрова». В центр могут попадать то один, то другой из участников обозначаемой глаголом ситуации. С семантической точки зрения соотношение между ними может быть представлено как перенос фокуса внимания с одного участника на другого. Во многих же случаях ситуация такова, что если один из участников выходит на передний план (т. е. в центр, «на свет»), то какой-то другой отступает на задний план (на периферию, «в тень») или вообще уходит за кадр [11, с. 161].

Когнитивный подход к метонимии предписывает ей статус одного из способов формирования знания о мире в виде особых ментальных структур – *метонимических концептов*. Метонимические концепты, позволяющие осмыслить одну сущность в рамках ее связей с другими сущностями, являются составной частью обыденного мышления, способов речи и поведения [3, с. 63]. Основания метонимических концептов более очевидны, чем основания метафорических, так как метонимические отношения коренятся в нашем опыте [3, с. 66]. Метонимия обычно содержит явные указания на физические или причинные ассоциации. Метонимический концепт «часть вместо целого» возникает из нашего знания, полученного опытным путем, о том, как часть может быть связана с целым; метонимический концепт «производитель вместо продукции» основан на причинной (и чаще всего физической) связи между производителем и его продукцией; метонимический концепт «место вместо события» мотивирован нашим опытом, указывающим на связь между событием и местом, где оно произошло и т. д. [3, с. 66].

Обобщая выше сказанное, следует отметить, что, несмотря на то, что в когнитивной лингвистике отмечается наличие разнообразных подходов к описанию когнитивных механизмов метонимии, их нельзя рассматривать как противоречащие друг другу. Очевидно то, что расхождения между отмеченными подходами находятся в большей степени в терминологической сфере, частично они касаются угла зрения и уровня абстракции. Так, денотативная ситуация и фрейм представляются более конкретными, чем домен или соотносимая с ним идеализированная когнитивная модель. Главное то, что объединяющий все три концепции когнитивный подход значительно пересматривает сущность метонимии, представляя ее как *когнитивный процесс* и как *концептуальное явление*, и определяет ее, тем самым, как *способ концептуализации и категоризации действительности*, т. е. как способ познания и организации знаний о мире. В представленных концепциях подчеркивается, что в процессе метонимической концептуализации действительности происходит замена понятий, смежными с ними, либо свертывание концептуализируемого явления, сведение к одному из составляющих его элементов. В результате мы имеем дело с экономичным заместительным (субституциональным) типом познания и мышления. Поэтому, на наш взгляд, логично предположить, что актуализированная метонимия характеризуется выраженной экспланаторностью, вместе с тем способствует компрессии информации и, акцентируя деталь и затушевывая фон, обладает характерологической функцией.

Библиографический список

1. Метонимия / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. Н.Д. Арутюновой, В.А. Виноградова, В.Г. Гака; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 2000.
2. Трухановская, Н.С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации (в сфере предикатов физического воздействия): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 2009.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. А.Н. Баранова. – М., 2008.
4. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – М., 2004.
5. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – Вып. 23.
6. Рунова, Н.В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 2006.
7. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. – М., 2001.
8. Филмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – Вып. 23.
9. Меликян, А.А. Концептуальные модели семантики фразеологических единиц в свете идей когнитивизма (на материале фразеологических единиц библейского происхождения) // Некоторые проблемы синхронного и диахронного описания языков: межвуз. сб. науч. трудов. – Пятигорск, 1998.
10. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: уч. пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
11. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
12. Падучева, Е.В. К когнитивной теории метонимии // Диалог 2003: доклады международной конференции. – М., 2003. – № 1.

Bibliography

1. Metonimiya / N.D. Arutyunova // Bolshoy ehnciklopedicheskiy slovarj. Yazihkoznanie / pod red. N.D. Arutyunovoy, V.A. Vinogradova, V.G. Gaka; gl. red. V.N. Yarceva. – M., 2000.
2. Trukhanovskaya, N.S. Metonimicheskiy sdvig pri konceptualizacii denotativnoy situacii (v sfere predikatov fizicheskogo vozdeystviya): avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. – M., 2009.
3. Lakoff, Dzh. Metaforih, kotorihmi mih zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson; per. A.N. Baranova. – M., 2008.
4. Lakoff, Dzh. Zhentinih, ogonj i opasnihe vethi: chto kategorii yazihka govoryat nam o mihshlenii. – M., 2004.
5. Lakoff, Dzh. Mihshlenie v zerkale klassifikatorov // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnihe aspektih yazihka. – M., 1988. – Vihp. 23.
6. Runova, N.V. Kognitivnihe osnovih obrazovaniya novihkh metonimicheskikh znacheniy suthestvitel'nykh (na materiale angliyskogo yazihka): avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. – M., 2006.
7. Baranov, A.N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku: ucheb. posobie. – M., 2001.
8. Filmor, Ch. Freymih i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnihe aspektih yazihka. – M., 1988. – Vihp. 23.
9. Melikyan, A.A. Konceptualnihe modeli semantiki frazeologicheskikh edinic v svete idey kognitivizma (na materiale frazeologicheskikh edinic bibleyskogo proiskhozhdeniya) // Nekotorihe problemih sinkhronnogo i diakhronnogo opisaniya yazihkov: mezhvuz. sb. nauch. trudov. – Pyatigorsk, 1998.
10. Kobozeva, I.M. Lingvisticheskaya semantika: uch. posobie. – M.: Ehditorial URSS, 2000.
11. Paducheva, E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. – M., 2004.
12. Paducheva, E.V. K kognitivnoy teorii metonimii // Dialog 2003: dokladih mezhdunarodnoy konferencii. – M., 2003. – № 1.

Статья поступила в редакцию 07.12.11

УДК 801.6:7.031

Efimova L.S. ALGYS SAKHA (YAKUTS): FEATURES OF FORMS OF A VERB (IN THE COMPARATIVE PLAN WITH CEREMONIAL POETRY OF ALTAIANS, TUVINIANS). In article forms of verbs algys Sakha in the comparative plan with forms of verbs in ceremonial poetry of the people of Siberia are considered. The inclinations of verbs often used in grammatical forms of a genre, the carrying out of a ceremony caused by practice are revealed. One of feature of forms of a verb in Yakut algys underlines auxiliary verb occurrence *buollun* - in structure of a difficult compound predicate.

Key words: algys, Addressees, the Higher deities, Spirits-patrons, forces of the dark world, spirit-master of fire, cult-ritual poetry, the comparative plan, forms of verbs, grammatical forms.

Л.С. Ефимова, канд. филол. наук, доц. СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, E-mail: Ludmilaxoco@mail.ru

АЛГЫС САХА (ЯКУТОВ): ОСОБЕННОСТИ ФОРМ ГЛАГОЛА (В СРАВНИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ С ОБЯДОВОЙ ПОЭЗИЕЙ АЛТАЙЦЕВ, ТУВИНЦЕВ)

В статье рассмотрены формы глаголов алгыса саха в сравнительном плане с формами глаголов в обрядовой поэзии народов Сибири. Выявлены наклонения глаголов, часто употребляемые в грамматических формах жанра, обусловленные практикой проведения обряда. Одной из особенностью форм глагола в якутском алгысе подчеркнуто вхождение вспомогательного глагола *буоллун* - в состав сложного составного сказуемого.

Ключевые слова: алгыс, адресаты, Высшие божества, Духи-покровители, силы темного мира, дух-хозяин огня, культовая поэзия, сравнительный план, формы глаголов, грамматические формы.

В обрядовой поэзии народов Сибири можно выделить три схемы коммуникативной направленности. Первая схема: АДРЕСАНТ – АДРЕСАТ (Божества и Духи-покровители), вторая:

АДРЕСАНТ – АДРЕСАТ (только Духи-покровители), третья: АДРЕСАНТ – АДРЕСАТ (люди). Адресантом или adeptом выступали, в большинстве случаев, группа людей или один человек.

У древних якутов действовали все три схемы модели, так, адресатами у них являлись Высшие божества (Үрдүк Айыылар), Духи-покровители (Иччилэр), силы темного мира (Адъарай биһиэ), также люди. В роли «сообщения» адепта у якутов выступал алгыс. В отличие от других форм и жанров обрядовой поэзии народов Сибири древние якуты уделяли больше внимания апеллятивной части алгыса. Именно от исполнения первой части, по представлениям древних, зависела судьба просящих. Они старались умиловить культов поклонения длинным, красиво украшенным обращением. Они наделяли адресата пышными эпитетами. Например, *Үүс-аас бэйэлээх, Үрүң чачыр тутуурдаах, Өлбүргэ нуоһай бэргэһэлээх, Үрүң былыт үктэллээх, Үүт таас олбохтоох Үрүң Айыы Тойон* 'Белотеломолочный, Три ветви белой березки держащий, Рысью пушистую шапку носящий, Ногами на белое облако опирающийся, Бело-молочное подножие имеющий Юрюнг Айыы Тойон' [1, с. 364-365]. Так, после перечисления Высших божеств в обращении алгыс обязательно упоминались Духи-покровители. Например, в алгысе ыһаха обращались: *Аһыс иилээх-сабалаах Аан дайды иччитэ, Бу сүүрэн сүңкэ далай эбэ хатын, Тоһус туһумахтар иччилэрэ, Бу сэттэ өтөх иччилэрэ, Бу тоһус тумул иччилэрэ* 'Дух восьмимгранной Матери-вселенной, Господжа-бабушка Этой текучей глубокой воды, Духи девяти вдавшихся мысов, Духи этих семи домовых развалин, Духи этих девяти мысов'. Апеллятивная часть алгыса, по-видимому, служила начальным этапом в установлении коммуникативной связи между адептом и адресатом.

Связь между адептом и адресатом далее развивалась во второй – просительной части алгыса. На первый взгляд, кажется, что она часто передавалась в повелительной форме. Употреблялись в ней глаголы в повелительном наклонении (соруйар киэп) 2 (или 3) лица единственного (или множественного) числа. Например, *Антах көрөн күлүм аллайың, Бэттэх көрөн мичик аллайың!* 'Туда посмотрев, смехом разразитесь, Сюда посмотрев, улыбкой засияйте!'. В данном примере, составные глаголы *күлүм аллайың* – 'смехом разразитесь', *мичик аллайың* – 'улыбкой засияйте' употреблены в повелительном наклонении 2 лица множественного числа. По мнению исследователей [2], повелительное наклонение глагола выражает различные степени модальности побуждения субъекта к действию: приказ, повеление, призыв, просьба, пожелание, совет и т.д. Неотъемлемым признаком этого наклонения является интонация, которая может варьировать от самого грозного приказа до самой тихой просьбы-мольбы.

В текстах алгыса употребляются глаголы в возможном (сэрээр), предположительном (сэрэйэр) и изъявительном (кэпси-ир) наклонениях. Возьмем пример из просительной части алгыса ыһаха: *Бу илин диэкки Алтан айгыр халһаңнын Аһан биэрэр буолаайаһын, Бу соһуруу диэкки Күлэр көмүс сүлүгэскин Төлөрүтэн биэрэр буолаайаһын!* 'Не отворяй же Звенящую дверь На восточной стороне, На юге Не раскрывай Веселого серебряного прясла!' [1, с. 344-345]. Составные сказуемые *аһан биэрэр буолаайаһын*, *төлөрүтэн биэрэр буолаайаһын* употреблены в возможном наклонении (соруйар киэп) 2 лица отрицательной формы. Но переводы глаголов на русский язык даны в повелительном наклонении (*аһан биэрэр буолаайаһын* – 'не отворяй', *төлөрүтэн биэрэр буолаайаһын* – 'не раскрывай'). Настойчивая просьба адепта в алгысе якутов выражена возможным наклонением глагола 2 лица отрицательной формы *аһан биэрэр буолаайаһын*, *төлөрүтэн биэрэр буолаайаһын*. В примере *Тоһой сиргэ Дьороһоно сотоолооххун тосхойон биэрэ турдаһың буоллун!* 'К излучинам рек Длинноногих направляя, Нам промышлять всегда позволяй!' составное сказуемое *тосхойон биэрэ турдаһың буоллун* состоит из нескольких глагольных форм. Частью сказуемого выступает глагольная форма *тосхойон биэрэ турдаһың*, которая передана во 2 лице единственного числа предположительного наклонения (сэрэйэр киэп). Вспомогательный глагол *буоллун* – от якут. *буол* – 'становиться, стать, быть, сделаться, происходить, случаться, совершаться, сдаваться, превращаться, оборачиваться, образоваться, протекать, проходить, миновать; быть, бывать, существовать, находиться, оставаться, пребывать, находиться, проживать' [3, с. 552] стоит в повелительном наклонении (соруйар киэп) 3 лица единственного числа. Такое явление очень распространено в языке алгыса, его можно считать одной из функциональных особенностей морфологии жанра. В приведенном примере

вспомогательный глагол *буоллун* – входит в состав сложного составного сказуемого *тосхойон биэрэ турдаһың буоллун*. В якутском языке «чрезвычайно распространены сложные глагольные формы, состоящие из сочетания основного и вспомогательного глаголов», которые выражают законченность действия [4, с. 95].

В языке тувинских *чалбарыглар* (заклинаний) глагол *болзун* – 'пусть имеет, пусть будет' употребляется в 3 лице единственного и множественного числа, в повелительном наклонении (*малдыг болзын* – 'имеющим скот пусть будет', *өнер болзын* – 'многочисленными пусть будут', *өөрлүг болзын* – 'имеющим и друзей пусть будут') [5, с. 16].

В языке обрядовой поэзии алтайцев употребляются желательное и повелительно-желательное наклонения. В большинстве случаев, применяется желательное наклонение с аффиксами *-гай*, *-кай*, *-гөй*, *-кой*, *-гөй*, *-кей*. Например, возьмем пример из алтайских героических сказаний:

Көрмөс сени көргөй, – тийт, Пускай нечистый заберет тебя, – сказал, Эрлик сени уккай, – тийт. Пускай Эрлик сам рассудит, – сказал [6, с. 110-111].

Здесь глаголы алт. *көргөй* – 'увидит' и *уккай* – 'услышит' стоят в форме желательного наклонения. К глаголу алт. *көр* – 'глядеть, смотреть, видеть, увидеть, присматривать, испытывать, переживать' прибавлен аффикс желательного наклонения –*гөй*. Также к глаголу ук – 'слушать, слышать' прибавлен аффикс желательного наклонения –*кай* > *уккай*– [7, с. 91-92; с. 166]. В переводе на якутский язык эти глаголы будут стоять в форме повелительного наклонения. Якут. *көр* – по сравнению с другими аналогами имеет более широкое значение как 'видеть что, зреть, усматривать, глядеть на что или куда, смотреть, взирать, взглядывать, осматривать, рассматривать, разглядывать, обращать внимание на что, замечать; смотреть, наблюдать, присматривать за чем, ухаживать (за больного), терпеть, претерпеть, испытывать' [3, с. 1156] и очень близок по семантике к алт. *көр* – 'глядеть, смотреть, видеть, увидеть, присматривать, испытывать, переживать'. Но якутский глагол будет стоять в повелительном наклонении с прибавлением аффикса –*дун* (*көр* + *дун* < *көрдүн*). К алтайскому глаголу ук – 'слушать, слышать' близок якут. *уһут* – 'слышать что или слыхать что, о чем; слушать, внимать кому или чему, слушаться кого, повинноваться кому; поддаваться (действию лекарства), разумею, понимать, слышать' [3, с. 970-971]. Якут. *уһуттун* – (*уһут* + *-тун* < *уһуттун*) будет стоять в форме повелительного наклонения. Тогда данный пример при переводе на якутский язык будет выглядеть так:

Көрбөт эйигин көрдүн, Пусть нечистый тебя увидит, Эрлик эйигин иһиттин. Пусть Эрлик тебя услышит [перевод на якутский и на русский языки наш – Л.Е.]

Глаголы повелительного наклонения в 3 лице единственного числа якут. *көрдүн*, *уһуттун* – соответственно по семантике и по форме подходят к алт. *көргөй*-, *уккай*– в желательном наклонении. Но при переводе глаголов с алтайского на русский язык обнаруживается несоответствие понятий. Если с алтайского *Көрмөс сени көргөй*– переведено как *пусть нечистый заберет тебя*, а при переводе с якутского получится *пусть нечистый тебя увидит*. Если алт. *көргөй* – 'увидит' от *көр* – 'глядеть, смотреть, видеть, увидеть, присматривать, испытывать, переживать' и *уккай* – 'услышит' от ук – 'слушать, слышать' стоят в форме желательного наклонения. Тогда при переводе на русский язык алт. *көргөй*– следовало бы перевести *'увидит'*, а не *'заберет'*. По алтайской мифологии Көрмөс и Эрлик считаются темными силами. Если говорится, что темные силы пусть увидят и услышат, то, по-видимому, приведённый пример близок к проклятию.

Глаголы в жанрах алтайской обрядовой поэзии, в большинстве случаев, употребляются в повелительно-желательном наклонении. Приведем другой пример обрядовой поэзии из алтайского эпоса: *Апарары сенде болзын, Ажытары менде болзын, Жетирери сенде болзын, Жеңитери менде болзын!* 'Увези меня должен ты, Стрелять – мое дело, Доставить туда – должен ты, Бороться – мое дело' [8, с. 125; с. 312]. В данном примере глагол *болзын* – употреблен в 3 лице единственного числа и в повелительно-желательном наклонении с аффиксом *-зын*.

Таким образом, в формах и жанрах обрядовой поэзии саха, тувинцев и алтайцев, часто употребляются глаголы в повелительном (повелительно-желательном или желательном) наклонениях, выражающие семантику прошения, умиловления, настойчивой просьбы, например, *буоллун*– (в якутском алгысе),

болзун- (в тувинских чалбарыглар), *болзын*- (в алтайском алкыше). Также в языке алгыса якутов глагол *буоллун*, в большинстве случаев, входит в состав сложного составного сказуемого. В текстах алгыса саха (якутов) глаголы употребляются в возможном (сэрэтэр), предположительном (сэрэйэр) и изъявитель-

ном (кэпсиир) наклонениях. Возможно, данное явление связано с обрядовыми действиями во время практического проведения алгыса. Таким способом в языке данного жанра последовательно передавались основные действия адепта и адресанта в ходе коммуникативного акта.

Библиографический список

1. Обрядовая поэзия саха (якутов) из серии «Памятники фольклора народов Дальнего Востока и Сибири». - Новосибирск, 2003. - Т. 24.
2. Грамматика современного якутского языка. Фонетика. Морфология. - М., 1982.
3. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. - Л., 1958-1959.
4. Убратова, Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. - М., 1950.
5. Юша, Ж.М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Улан-Удэ, 2005.
6. Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. - Новосибирск, 1997.
7. Ойротско-русский словарь. - Горно-Алтайск, 2005.
8. Маадай Кара. Алтайский героический эпос. - М., 1973.

Bibliography

1. Obryadovaya poehziya sakha (yakutov) iz serii «Pamyatniki folklora narodov Dal'nego Vostoka i Sibiri». - Novosibirsk, 2003. - T. 24.
2. Grammatika sovremennoy yakutskogo yazyhka. Fonetika. Morfologiya. - M., 1982.
3. Pekarskiy, E.K. Slovar' yakutskogo yazyhka: v 3 t. - L., 1958-1959.
4. Ubryatova, E.I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyhka. - M., 1950.
5. Yusha, Zh.M. Obryadovaya poehziya tuvincev: struktura i semantika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. - Ulan-Udeh, 2005.
6. Altajskie geroicheskie skazaniya: Ochi-Bala. Kan-Altyn. - Novosibirsk, 1997.
7. Ojrotsko-russkiy slovar'. - Gorno-Altajsk, 2005.
8. Maaday Kara. Altajskiy geroicheskiy ehpos. - M., 1973.

Статья поступила в редакцию 23.11.11

УДК 81.42 : 811.133.1

Androsova F.S. THE ROLE OF PUNCTUATION IN TEXT STRATEGY FORMATION. The article is devoted to the author's use of punctuation marks in the modern French fiction. The problems of author's marks (author's punctuation and punctuation synonymy) role in text strategy and tactics formation are investigated.

Key words: author's marks, author's punctuation, punctuation synonymy, punctuation strategy, punctuation tactics, text semantics.

*Ф.С. Андросова, ст. преп. каф. иностранных языков по гуманитарным специальностям
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, E-mail: afs.77@mail.ru*

РОЛЬ ПУНКТУАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕКСТОВЫХ СТРАТЕГИЙ

Статья посвящена авторскому использованию пунктуационных знаков в современной французской художественной литературе. Исследуются вопросы участия авторских знаков (авторской пунктуации и пунктуационной синонимии) в формировании текстовых стратегий и тактик.

Ключевые слова: авторские знаки, авторская пунктуация, пунктуационная синонимия, пунктуационные стратегии, пунктуационные тактики, семантика текста.

Известно, что текст является результатом взаимодействия с двумя субъектами: автором (при порождении текста) и читателем (при его восприятии) [1; 2; 3]. Иначе говоря, замысел автора воплощен в произведении и только из него может быть реконструирован читателем. В художественном тексте все – от знаков препинания до выбора сюжета – является результатом сознательного выбора автора в соответствии с его намерением, замыслом. В этой связи исследователи говорят о текстовых (дискурсивных) тактиках и стратегиях [2; 4; 5].

Представляется, что *авторские знаки* в художественном тексте участвуют в создании формально-структурных стратегий. *Авторский знак* мы определяем как систему пунктуационных знаков, характерных для стиля определенного автора, основной целью которых является придание экспрессивности высказыванию, выделение значимой части высказывания. Авторский знак включает в себя два понятия: «авторская пунктуация» и «пунктуационная синонимия».

Об *авторской пунктуации* мы говорим в том случае, когда использование того или иного знака является доминирующим в произведении, однако подобное применение знаков осуществляется на основе нормативного употребления знаков препинания.

Второй компонент авторского знака – *явление пунктуационной синонимии* – связан с заменой нейтрального более сильным, синонимичным ему знаком, который несет экспрессивную нагрузку в тексте. Представляется, что пунктуационная синонимия заключается в осуществлении автором выбора того или иного пунктуационного знака в зависимости от тактических ин-

тенций в отдельных случаях. При этом явление пунктуационной синонимии тесно связано с понятием «асимметрии», так как экспрессивно окрашенные «сильные» знаки являются синонимами нейтральных знаков, то речь идет не о нарушении нормы, а о нарушении симметрии, т.е. об асимметрии.

Мы можем говорить о пунктуационных стратегиях, как об одном из видов формально-структурных стратегий, которые направлены на выражение/формулирование «семантики текста» [2, с. 64-68]. На уровне высказывания авторские знаки выступают как пунктуационные тактики, которые используются для формирования пунктуационной стратегии на уровне текста. В качестве пунктуационной стратегии, наряду с другими формально-структурными стратегиями (лексическими, синтаксическими, стилистическими), выражают семантику всего текста.

Одним из ярких примеров использования авторского знака является роман Альфонса Будары (1925-2000 гг.) «Mourir d'enfance» (1995), удостоенный премии Французской академии. На 253 страницах произведения мы встретили 2537 знаков «многоточие», следовательно, мы говорим о пунктуационной доминанте. Анализируемый роман является автобиографическим: это роман-воспоминание, где автор описывает свое детство в большой крестьянской семье на ферме в местечке Де-зоньер, отрочество на улицах Парижа и юность во время Сопротивления. Повествователь является писателем, и зовут его, как и автора, Альфонс. Повествование в романе ведется от первого лица, однако, учитывая, что это – автобиографический роман, повествователь в данном произведении не противопоставляется автору.

Рассмотрим примеры употребления знаков «многоточие» в романе, которые стоят в конце предложения. В данных случаях речь идет об *авторской пунктуации*, т.к. знак «многоточие» употребляется по правилам пунктуации французского языка.

Il me semble qu'en cette enfance bien banale, triviale, ras des labours, je retrouve quelque chose de léger, d'impalpable... [6, p. 25].

На наш взгляд, это предложение является ключевым моментом всего романа: секрет того, как обыкновенный мальчишка стал известным писателем, нужно искать в его детстве. Автор как бы приглашает нас, читателей, к размышлению, к совместному с ним переживанию, воспоминанию. Он бы и дальше продолжил перечисление того, что значит для него детство, но автор дает возможность читателям самим домыслить, представить, возможно, подумав над сложным вопросом человеческого бытия. Поставленная точка вместо многоточия в приведенном примере изменила бы характер предложения: оно стало бы нейтральным, содержащим законченную информацию.

Вслед за Н.С. Валгиной [7, с. 63-64], мы считаем, что знак «многоточие» в конце предложения расширяет рамки повествования, позволяя читателям самим домыслить детали описываемых моментов.

В романе встречаются случаи, когда автор ставит многоточие внутри предложения.

Le souvenir se garde au coeur, dans un petit coin... le visage, l'image ne durera que ce que va durer votre existence... un passage, une passade de je ne sais quel dieu féroce [6, p. 11].

Как и в предыдущем примере со знаком «многоточие» в конце предложения, в приведенном примере также создается впечатление задумчивой речи: повествователь тщательно подбирает слова, задумываясь над их значением. Первое многоточие внутри предложения выделяет с помощью длительной паузы и акцентирует внимание на слове «*le visage*»: у каждого человека свой «образ», который он хранит в сердце. Своего рода доказательством того, что автор приглашает к откровенному разговору читателя, является и притяжательное прилагательное «*votre*» (*ваше* существование).

Второе многоточие указывает на размышление, как будто автор подбирает слова, подумав, добавляет нужные. Представляется, что второе многоточие могло бы заменить вставную конструкцию «может быть», союз «или» и т.д. На наш взгляд, данное многоточие выполняет несколько функций: обозначает пропуск слов, указывает на задумчивое повествование (пауза, обозначенная многоточием, вызвана внутренними причинами), выделяет последний компонент сложного предложения и создает второй, эмоциональный, план повествования. Речь идет о душевном состоянии Альфонса: он вспоминает свое детство, юность, жизнь и все эти воспоминания неразрывны с воспоминаниями о матери. Создается впечатление, что последний компонент предложения (*un passage, une passade de je ne sais quel dieu féroce*) характеризует его мать, которая не отличалась достойным поведением.

Многоточие в середине предложения обозначает различные паузы в устной речи, которые могут быть вызваны причинами внешнего или внутреннего характера. Речь идет о паузах, вызванных внутренними причинами: при чтении романа чувствуется крайняя взволнованность повествователя, он вновь переживает, вспоминает, пытается понять, делится самыми сокровенными тайнами, своими переживаниями с нами, читателями.

В анализируемом романе А. Будар широко использует знак «многоточие» вместо других пунктуационных знаков, таких как двоеточие и запятая. В этих случаях мы говорим о синонимическом использовании пунктуационных знаков.

Представляется, что, когда речь идет о синонимическом использовании пунктуационных знаков, можно говорить о формировании знаками препинания пунктуационных тактик на уровне высказывания. Мы выделяем два случая употребления пунктуационной синонимии в художественном тексте:

- пунктуационная синонимия, которая не просто служит для привлечения внимания и создания экспрессии, но которая возникает как результат авторской пунктуации, т.е. автор использует «излюбленный» знак вместо других пунктуационных знаков;

- пунктуационная синонимия, которая употребляется в зависимости от авторских интенций в определенных случаях, с целью привлечения внимания и выражения экспрессивности.

Проведенный анализ показал, что в романе «*Mourir d'enfance*» пунктуационный знак «многоточие» используется вместо знака «двоеточие», в случаях, когда за ним следует

уточнение или объяснение, а также вместо знака «запятая» при перечислениях. В этих случаях, мы считаем, что многоточия, не обладая «категоричностью» и логичностью двоеточий и запятых, создают атмосферу неторопливого, искреннего повествования-воспоминания.

Таким образом, в романе А. Будара «*Mourir d'enfance*» многоточия в функции синонимичных знаков выступают в качестве пунктуационных тактик (на уровне высказывания), которые служат для формирования пунктуационных стратегий (на уровне текста).

В качестве пунктуационных тактик многочисленные многоточия в романе выделяют части высказывания, увеличивая паузы устной речи, а также расстояния между ними. На уровне высказываний экспрессивная функция знаков «многоточие» заключается в выделении этих высказываний или их фрагментов как визуально, увеличивая расстояние между ними, так и при помощи более длительных пауз, чем при использовании других знаков пунктуации. Пунктуационные тактики используются для формирования пунктуационных стратегий: с помощью многоточий создается особая так называемая «субъективная модальность», которая придает повествованию доверительный, исповедальный характер.

В свою очередь, пунктуационные стратегии помогают в формировании глобальной, семантической, стратегии произведений: создается некий фон, эмоциональное состояние повествователя. Все мысли, действия, ситуации автор как бы «примеряет» к своей матери. Он на протяжении всего романа вспоминает различные ситуации, много думает, размышляет, но все эти мысли объединены атмосферой, вторым планом, который является, на самом деле, доминирующим. Автор как бы старается понять свою маму, простить ее, оправдать. Однако до конца он ее не понимает. Подтверждением тому является его желание встретиться с мамой в другой жизни (после смерти), чтобы быть с ней рядом всегда.

Второй вид синонимического использования пунктуационных знаков – пунктуационная синонимия, которая употребляется в зависимости от авторских интенций в определенных случаях, с целью привлечения внимания и выражения экспрессивности. При этом, синонимическое использование знака не является в произведении доминантным.

Одним из ярких примеров синонимического использования пунктуационных знаков является творчество французских писателей Кристиана Остера (1949 г.) и Робера Мерля (1980-2004 гг.).

Рассмотрим пунктуацию произведений К. Остера на примере его романа «*Une femme de ménage*» (2001). В романе повествование ведется от первого лица, от имени главного действующего лица Жака, который является вымышленным повествователем. Следовательно, повествователь противопоставлен автору и находится в центре фабульного пространства.

В начале романа главный герой предстает перед читателями совершенно одиноким: от него ушла его женщина. Следует отметить, что в романах К. Остера квартира – это ключевой знак, она является, своего рода, символом благополучия, внутреннего спокойствия, личной жизни героев: только у себя в квартире человек чувствует себя защищенным и благополучным. Так, Жак впускает в свою квартиру (т.е. жизнь) нового человека – домработницу Лору, от того ему спокойно на душе.

Интересным является использование пунктуационного знака «точка» в анализируемом романе. В романе встречаются случаи использования точки в конце предложений, которые не завершены в смысловом отношении, т.е. когда автор употребляет знак «точка» вместо знака «многоточие», или вместо других знаков препинания, таких как запятая, двоеточие. Известно, что пунктуационный знак «точка» является самым распространенным показателем законченности предложения и, как правило, показывает его «нулевую» эмоциональность [8].

Рассмотрим пример употребления знака «точка» вместо двоеточия и запятой:

Ce que je préférais, à part me baigner avec Laura, c'était toujours l'attendre. Rester seul sur ma serviette. Fermer les yeux, la casquette sur le nez. Écouter la rumeur [9, p. 160-161].

Трансформируем данное предложение в синтаксически нейтральное:

Ce que je préférais, à part me baigner avec Laura, c'était toujours l'attendre: rester seul sur ma serviette, fermer les yeux, la casquette sur le nez, écouter la rumeur. В этом случае предложение лишается экспрессии, поскольку идет простое перечисление действий.

Прием разбиения синтаксических единиц на отдельные, пунктуационно обособленные друг от друга части, но которые являются фрагментами одного предложения, называется парцелляцией [10, с. 775-777]. В нашем случае речь идет о такой структурной разновидности, как парцелляция в пределах однородных членов или сложного предложения. При этом второй компонент сложного предложения (парцеллы) получает свою значимость и становится выразительной только благодаря взаимодействию с базовой структурой [10].

Используя прием парцелляции, автор оформляет каждое действие в отдельное предложение, тем самым, привлекая внимание к ним: Жаку не просто нравилось ждать ее, НО он предпочитал остаться один, закрыть глаза и слушать шум моря (как будто никого вокруг нет). На наш взгляд, автор хотел подчеркнуть одиночество главного героя; возможно, такое состояние одиночества он выбирает сам.

Представляет интерес использование автором в романе «Une femme de ménage» приема парцелляции, с повтором последнего элемента базовой структуры в начале парцеллы. Например:

Et puis je m'aperçus bientôt d'une chose. D'une chose qui n'allait pas [9, p. 22].

Речь идет о приходе домработницы (Лоры) по понедельникам в его отсутствие. Как Жак сам признает, эта одна мысль о том, что кто-то находится у него дома, когда его самого нет, выводила его из себя, сильно нервировала. Если мы построим предложение, не прибегая к приему парцелляции, у нас получится нейтральный вариант предложения: *Et puis je m'aperçus bientôt d'une chose qui n'allait pas*. Словосочетание «*d'une chose*» никак не выделяется, соответственно оно не представляет интереса, никакой дополнительной (экспрессивной) информации не несет.

С помощью повтора наиболее важной части высказывания (информации) автор привлекает внимание читателей к ней: Жаку не нравилось только одно это. Возникает образ одинокого человека, который на поверхностном уровне не хотел впускать в свою квартиру посторонних людей. Однако, учитывая, что квартира в романах К. Остера является символом жизни, представляется, что на глубинном уровне Жак «боялся» впускать нового человека в свою жизнь.

Вызывает интерес использование в романе еще одного приема с использованием парцелляции, где первый парцеллы повторяется во втором парцеллы, который к тому же выносится в отдельный абзац. Например:

Alors, tout aurait été bien. Sauf que.

Sauf que je n'en portais pas, moi, d'alliance.

Alors j'en ai acheté une. Mais.

Mais je ne l'y ai pas fait graver, le nom de Laura [9, p. 181].

Жак и Лора стали жить вместе, он подарил ей обручальное кольцо. Все, вроде бы, складывалось хорошо.

Автор «разбивает» на три части одну синтаксическую единицу-высказывание: базовая структура – первый парцеллы – второй парцеллы. Более того, первый парцеллы, состоящий из союза, повторяется во втором парцеллы, который выделен отдельным абзацем. Автор использовал прием, который О.А.Мельничук называет приемом «дистантной парцелляции» [2, с. 171-174], когда тем или иным способом увеличивается пауза между базовой структурой и парцеллатом. В нашем случае пауза увеличена вследствие того, что второй парцеллы оформлен с нового абзаца, значит, эта часть высказывания получает большую автономность (самостоятельность), помогает автору донести важную мысль до читателей. Таким образом, дистантная парцелляция с переносом парцеллы в новый абзац привлекает внимание читателя, усиливает экспрессивность высказывания, к тому же позволяет автору выделить новую информацию, но, при этом, не разрывает цельности всего высказывания.

В приведенных примерах автор использует синонимический знак «точка» после союзов-парцеллатов (*sauf que*, *mais*) вместо многоточия, несмотря на то, что парцеллаты не завершены ни в смысловом отношении, ни структурно. Точка в конце союзов указывает на то, что автор не хотел, чтобы читатель домыслил, размышлял о причине сомнений. Автор трижды (использован прием парцелляции, повтор союза в начале второго парцеллы, вынос второго парцеллы в отдельный абзац) привлекает внимание к частям сложных предложений, где содержится противоречие: «все хорошо, НО нет кольца» и «купил кольцо, НО не выгравировал имени». Мы видим некое колеба-

ние в решении: правильно ли я поступаю, того ли человека я выбираю...

При трансформации этих высказываний в синтаксически нейтральные предложения без парцеллированных частей:

1. *Alors, tout aurait été bien sauf que je n'en portais pas, moi, d'alliance.*

2. *Alors j'en ai acheté une mais je ne l'y ai pas fait graver, le nom de Laura.*

мы получили предложения, которые не содержат экспрессии, т.е. никак не выделяются; важная информация, которая характеризует состояние Жака, теряется.

В анализируемом романе прием парцелляции помогает автору увеличить паузу между компонентами предложения, придавая им большую самостоятельность и привлекательность (парцеллы выделяет каждое слово в отдельную мысль, привлекая, таким образом, внимание читателя к каждому слову-мысли). Более того, короткие по структуре предложения создают быстрый ритм и напряжение при чтении.

В романе «Une femme de ménage» на уровне высказывания пунктуационная синонимия формирует пунктуационные тактики, которые изображают неуверенного в себе человека. Он (Жак) очень долго не может решиться на какие-либо перемены в своей жизни, страдает из-за своего одиночества.

Представляется, что на уровне текста такие пунктуационные тактики участвуют в формировании глобальных (семантических) стратегий, направляют читателя к выявлению авторских интенций, к пониманию основной мысли, идеи произведения, которая заключается в создании образа одинокого мужчины, которому сложно установить отношения с женщинами, оттого он колеблется, сомневается, раздумывает в правильности своего выбора.

Второй автор, Робер Мерль, использует знак «запятая» вместо нулевого знака в романе «La mort est mon métier» (1953). Повествование в романе ведется от первого лица, от имени главного героя – коменданта Освенцима Рудольфа Ланга. Следовательно, повествователь находится в самом центре фактального пространства произведения: все события организованы вокруг главного героя и доходят до сведения читателя через его восприятие. В анализируемом романе формирование гитлеровского палача прослеживается как бы изнутри. Герой романа до конца повествования не раскрывается в своих поступках: он считает, что выполняет долг и не выполнить приказ, ослушаться, он, просто, не мог.

Свою позицию автор передает с помощью синтаксических средств, таких как соположение, заглавные буквы после двоеточия и т.д. Вместе с тем, автор широко употребляет синонимический знак «запятая» в предложениях, где они не должны стоять.

Так, сложносочиненные соединительные предложения (ССП) обозначают развитие высказываемой мысли, средством связи этого типа предложений является союз «et». Следует отметить, что союз «et» имеет две функции: соединительную (в значении русского «и») и противительную (в значении русского «но» или «а»). В последнем случае перед данным союзом обычно стоит запятая [11]. В рамках данного исследования рассмотрим его соединительную функцию. В таких случаях, по правилам грамматики французского языка, запятая перед союзом не ставится. Однако в исследуемом романе мы встречаем 786 запятых перед данным союзом, например:

Il avait un grand trou noir en plein poitrine, et j'étais couvert de son sang [12, p. 79].

Убежав из дома, юный Рудольф Ланг попадает на войну в Турции. В одном из боев его сослуживец погибает на глазах у главного героя. Рудольф потрясен произошедшим, но и сильно напуган тем, что «дурная» кровь, кровь предателя и труса может передаться и ему. На наш взгляд, автор использует запятую перед союзом «et», чтобы выделить второй компонент СП, передавая тем самым эмоциональное состояние главного героя.

В романе встречаются СП с нормативным отсутствием запятой.

Puis on entendit des coups de feu, toutes les fenêtres se fermèrent et la foule se mit à courir [12, p. 117].

В приведенном примере идет описание последовательных действий, вполне характерных в военной обстановке: раздался выстрел, окна закрылись и все побежали. Автор не выделяет с помощью запятой компоненты СП, следовательно, они не столь важны для главного героя.

Таким образом, в анализируемом романе СП идентичны по своей структуре, за исключением знака препинания:

S+V, et S+V;

S+V et S+V.

На наш взгляд, автор употребляет запятую в большинстве случаев для того, чтобы выделить и отделить ССП с причинно-следственными отношениями от ССП с простым перечислением событий. Известно, что выражение компонентами ССП причинно-следственных отношений является одной из функций ССП.

Наше внимание привлекли также предложения с однородными членами. Однородными называются члены предложения, которые выполняют в предложении одинаковую синтаксическую функцию, связаны с другими членами предложения одинаковой синтаксической связью, произносятся с интонацией перечисления и допускают подстановку сочинительных союзов [13, с. 280].

Однородные члены могут отражать:

- 1) семантическую однородность, параллелизм событий; в таком случае их можно переставлять без ущерба смысла;
- 2) события, следующие друг за другом во времени или объединяемые причинно-следственными отношениями; в таком случае перестановка невозможна [10, с. 181].

Анализируемые предложения идентичны по своей структуре, за исключением знака препинания. В 340 случаях автор употребляет запятую перед союзом «et», хотя, по правилам грамматики французского языка, запятая стоять не должна, например:

Il pria un long moment, puis revint s'asseoir à son bureau, et me regarda si longtemps que je recommençai à trembler [12, p. 19].

Отец маленького Рудольфа был очень строг по отношению к членам своей семьи: от одного только взгляда отца мальчика бросало в дрожь. Поэтому разговаривая с отцом, Рудольф старался избегать его взгляда: он боялся, что отец прочтет в его глазах страх.

В данном примере, на наш взгляд, автор с помощью запятой перед союзом «et» выделяет из серии однородных глаголов наиболее важный для характеристики главного героя: хотя Рудольф был еще мал, у него уже был человек, приказы которого он выполнял беспрекословно в силу своего страха перед ним, чьи слова и мнение даже не обсуждались в доме. Приведенный пример помогает понять, почему и как из ребенка получилось чудовище. Вопросы воспитания детей в этой семье даже не обсуждались: отец – единственный человек в семье, который имел право «голоса».

В анализируемом романе встречаются также предложения с однородными членами, где автор не употребляет запятую перед союзом «et»:

Au troisième, je tournai à gauche, fis encore quelques pas et frappai à une porte [12, p. 31].

Библиографический список

1. Белянин, В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М., 1988.
2. Мельничук, О.А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста. – М., 2002.
3. Москальская, О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка. – М., 1981.
4. Eco, U. Lector in fabula. Le rôle du lecteur ou la Coopération interprétative dans les textes narratifs – Paris, 1985.
5. Jouve, V. La poétique du roman. – Saint-Just-la-Pendue, 1997.
6. Boudart, A. Mourir d'enfance. – Paris, 1995.
7. Валгина, Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: уч. пособие. – М., 2004.
8. Веденина, Л.Г. Пунктуация французского языка. – М., 1975.
9. Oster, Ch. Une femme de ménage. – Paris, 2008.
10. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2004.
11. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française. – Paris, 1993.
12. Merle, R. La mort est mon métier. – Paris, 1996.
13. Русский язык: энциклопедия / под. ред. Ю.Н. Караулова. – М., 2007.

Bibliography

1. Belyanin, V.P. Psicholingvisticheskie aspekti khudozhestvennogo teksta. – M., 1988.
2. Melnichuk, O.A. Povestvovanie ot pervogo lica. Interpretaciya teksta. – M., 2002.
3. Moskal'skaya, O.I. Grammatika teksta: posobie po grammatike nemeckogo yazihka. – M., 1981.
4. Eco, U. Lector in fabula. Le rôle du lecteur ou la Coopération interprétative dans les textes narratifs – Paris, 1985.
5. Jouve, V. La poétique du roman. – Saint-Just-la-Pendue, 1997.
6. Boudart, A. Mourir d'enfance. – Paris, 1995.
7. Valgina, N.S. Aktualniye problemi sovremennoy russkoy punktuacii: uch. posobie. – M., 2004.
8. Vedenina, L.G. Punktuaciya francuzskogo yazihka. – M., 1975.
9. Oster, Ch. Une femme de ménage. – Paris, 2008.
10. Gak, V.G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazihka. – M., 2004.
11. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française. – Paris, 1993.
12. Merle, R. La mort est mon métier. – Paris, 1996.
13. Russkiy yazihk: ehnciklopediya / pod. red. Yu.N. Karaulova. – M., 2007.

В данном примере наблюдается нормативное отсутствие запятой: глаголы, употребленные в предложении, не участвуют в характеристике главного героя, не несут никакой дополнительной информации, идет обычное перечисление действий героя (*повернул налево, сделал несколько шагов и постучал в дверь*).

Как и ССП, предложения с однородными членами идентичны по своей структуре, за исключением знака «запятая» перед союзом «et»:

S+V, V, et V;

S+V, V et V.

В предложениях с однородными членами синонимичная нулевому знаку запятая выделяет и подчеркивает из серии однородных членов наиболее важные, которые помогают автору в характеристике персонажа, в описании его привычек, его душевного состояния, его превращение в палача.

Таким образом, пунктуационный знак «запятая» перед союзом «et» в ССП и в предложениях с однородными членами формирует пунктуационную тактику, которая участвует в создании пунктуационных тактик, направленных на изображение:

- страха, подчинения, душевного беспокойства маленького мальчика в начале романа;
- машины, механизма, беспрекословно подчиняющегося приказам коменданта лагеря смерти в конце романа.

Пунктуационные тактики служат для формирования глобальной стратегии произведения, показывая изнутри историю превращения беззащитного ребенка в палача, в робота, который лишен каких-бы то ни было чувств, подчиняющегося только приказам сверху.

Таким образом, мы выделяем два случая употребления пунктуационной синонимии в произведениях художественной литературы:

- пунктуационная синонимия, которая употребляется для экспрессивности высказывания;
- пунктуационная синонимия, которая возникает вследствие авторской пунктуации.

В первом случае, синонимические знаки формируют пунктуационные тактики, которые участвуют в создании семантических стратегий текста наряду с другими (синтаксическими, стилистическими, лексическими) тактиками.

Во втором случае, когда речь идет о доминантном знаке в художественном произведении (авторская пунктуация + синонимические знаки), мы говорим о создании такими знаками пунктуационных стратегий, которые также наряду с другими стратегиями направлены на формирование общей семантики текста, т.е. семантической стратегии.

УДК 811.111=161.1(075.8)

Khafizova O.I. THE REFLECTION OF RUSSIAN CONCEPT "WORK" IN THE CONSCIENCE OF NATIVE CHINESE LANGUAGE SPEAKERS. The article describes the results of the cognitive experiment the goal of which was to find the circumstances under which native Chinese language speakers were able, based on a word-for-word translated Russian phraseological unit, to give its correct meaning; what are the bases for the strategies, which were used by informants in the process of foreign phraseological unit identification.

Key words: concept, linguistic conscience, cognitive experiment, invariant, generalization, differentiation, step by step analysis, insight.

О.И. Хафизова, аспирант Алтайской Гос. академии образования им. В.М. Шукшина,
г. Бийск, E-mail: origa999@rambler.ru

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО КОНЦЕПТА «РАБОТА» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПОСЛОВНО ПЕРЕВЕДЕННЫХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК)

В статье описаны результаты когнитивного эксперимента, целью которого было установить, при каких условиях носители китайского языка способны, опираясь на пословно переведенный русский фразеологизм, правильно интерпретировать его значение; каковы основания стратегий, используемых информантами в процессе идентификации иноязычных фразеологизмов.

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, когнитивный эксперимент, инвариант, генерализация, дифференциация, пошаговый анализ, инсайт.

Данная статья посвящена методике проведения, описанию и интерпретации полученных результатов направленного эксперимента. Методика толкования фразеологизмов предоставляет возможность понимания на различных уровнях обобщения: от абсолютно ситуативной конкретности до абстрактности мировоззренческого уровня. В когнитивном эксперименте учитывались следующие уровни понимания фразеологизмов: полное непонимание, ассоциации по звучанию, буквальное понимание, конкретно-ситуативное понимание, метафорическое понимание, концептуальное понимание, возникающее при пошаговом анализе воспринимаемого [1, с. 130]. Независимо от трудности определения «правильного» толкования фразеологизма, для информантов целью эксперимента являлось обнаружение «инварианта», под которым мы понимаем то общее, что есть во всех вариантах.

Для описания специфики типологических моделей, позволяющих определить базовые опоры и исходные стратегии при соотношении интуитивного и вербализуемо-оценочного уровней сознания в процессе фрагментации языковой картины мира носителями языка, выявились следующие процессы: генерализация (обобщение субъектом понимаемого смысла), дифференциация (конкретизация), типизация (отнесение к определенному типу, известному субъекту) и характеризующее-определяющий сдвиг (смещение идентификационных опор с внутренней формы на общий смысл фразеологизма и стратегия опоры на формальные мотивирующие элементы, причем здесь адекватное интуитивное понимание не всегда сопровождается адекватным понятийным оформлением-толкованием) [2, с. 23-24]. Также учитывались способы обработки информации респондентами – пошаговый анализ либо инсайт (мгновенное воспроизведение целостного образа) [3, с. 102-103].

В ходе анкетирования было опрошено 50 носителей китайского языка в изолированных аудиторных условиях группами по 10-12 человек без доступа к словарным источникам. Китайским информантам было предложено письменно дать толкование

пословно переведенных с русского языка фразеологизмов в количестве 15 единиц, напечатанных на раздаточных листах. Количество фразеологических единиц (15) в когнитивном эксперименте на толкование пословно переведенных с иностранного языка фразеологизмов объясняется трудностью поставленной задачи на подбор аналога. В пилотажном эксперименте было выявлено, что реципиенты лучше всего воспринимают первые 15 предложенных фразеологизмов. Больше количество фразеологизмов вызывает раздражение у носителей, а усталость от самого эксперимента с большим количеством фразеологизмов отражается на качестве полученных реакций.

Инструкция давалась в письменной форме, что отвечает задачам когнитивного эксперимента. Информанты во времени не ограничивались. Инструкция выглядела следующим образом:

«下列熟语是从俄语翻译的。它们有汉语类似物。谢汉语类似物，如果不能的话，但是您明白熟语的意思，情也写它» [xiàliè shúyǔ shì cóng èyǔ fānyì de. Tāmen yǒu hànyǔ lèisì wù. Xiè hànyǔ lèisì wù, rúguǒ bùnéng dehuà, dànshì nín míngbái shúyǔ de yìsi, qíng yě xiě tā] – «Представленные Вам китайские фразеологизмы в пословном переводе на русский имеют русские аналоги. Приведите русский фразеологизм, а если не можете подобрать аналог, однако Вам понятно фразеологическое значение китайской единицы – укажите его». В указанном эксперименте принимали участие студенты вузов КНР (Хэйлунцзянский Университет в г. Харбин, Цзилиньский Университет в г. Чаньчунь). Возраст испытуемых варьировался от 18 до 50 лет.

При подсчете результатов учитывались не только фразеологические аналоги, но и толкования как таковые. Поскольку при определении фразеологизма мы не ограничивали информантов в способах выражения реакций, то в некоторых случаях они описывали свое понимание фразеологической единицы. Для удобства восприятия, реакции, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента со стимулом «любовь», представлены в виде таблицы:

№	Пословно переведенный фразеологизм (его перевод на русский язык), полученные толкования (дословный перевод на русский язык / китайское толкование или аналог в русском языке) и количество совпадений
1	不费力气, 鱼也捞不出来[bù fèi lìqì, yú yě lāo bù chūlái] (Без труда не выловишь и рыбку из пруда) 1. 一分耕耘, 一分收获[yī fēn gēngyún, yī fēn shōuhuò] (нет боли – нет выигрыша) - 5 2. 付出就有收获[fùchū jiù yǒu shōuhuò] (как заплатил, так и получил) - 4 3. 不劳动者不得食[bù láodòng zhě bùdé shí] (кто не работает, тот не ест) - 4 4. 不劳而获[bù láo'érhuò] (пожинать плоды без труда) - 3 5. 没有免费的午餐[méiyǒu miǎnfèi de wǔcān] (нет бесплатного обеда) - 2 6. 不劳无获[bù láo wú huò] (кто не работает, тот ничего и не получает) - 2 7. 不入虎穴, 焉得虎子[bù rù hǔxué, yān de hǔ zǐ] (не забравшись в логово тигра, не поймает тигренок / кто не рискует, тот

	<p>не пьет шампанского) - 2</p> <p>8. 临渊羡鱼[lín yuān xiàn yú] (забыв сеть, ловить рыбу / нет возможности для осуществления работы) - 2</p> <p>9. 费力不讨好[fèilì bù tǎohǎo] (затраченные усилия не принесли результата) - 2</p> <p>10. 竹篮打水一场空 [zhú lán dǎ shuǐ yí chǎng kōng] (носить воду бамбуковой корзиной – ничего не добиться /в решете воду носить) - 2</p> <p>11. 一分辛苦一分才[yī fēn xīnkǔ yī fēn cái] (упорно трудиться – получить талант) - 2</p> <p>12. 劳有所得 [láo yǒu suǒ dé] (работать и получать все) - 2</p>
2	<p>大船大航[dà chuán dà háng] (Большому кораблю – большое плавание)</p> <p>1. 因材施教[yīncái shījiào] (обучать учащихся в соответствии с их индивидуальными особенностями) - 6</p> <p>2. 大展宏图[dàzhǎn hóngtú] (энергично проводить в жизнь великие планы) - 3</p> <p>3. 各行其道[gèxíng qí dào] (каждый идет по своей дороге) - 2</p> <p>4. 能者多劳[néngzhě duō láo] (кому много дано, с того больше и спрашивается /большому кораблю - большое плавание) - 2</p> <p>5. 好船也要好航路[hǎo chuán yě yào hǎo hánglù] (хорошему кораблю требуется хорошая дорога / большому кораблю – большое плавание) - 2</p> <p>6. 天降大任于斯人[tiān jiàng dàrèn yú sī rén] (небо уменьшило и дало свои великие силы человеку) - 2</p>
3	<p>超出头不能跳[chāochū tóu bù néng tiào] (Выше головы не прыгнешь)</p> <p>1. 自不量力[zì bù liàng lì] (переоценивать свои силы, возможности) - 5</p> <p>2. 枪打出头鸟[qiāng dǎchū tóu niǎo] (ружье стреляет по высунувшей голову птице) - 5</p> <p>3. 茶壶煮饺子 – 有货出不了[chá hú zhǔ jiǎozi – yǒu huò chū bù liǎo] (варить пельмени в чайнике – потом не вытащишь) - 4</p> <p>4. 没有金钢钻, 不揽瓷器活[méiyǒu jīn gāng zuān, bù lǎn cíqì huó] (если нет золото-стального сверла – не просверлишь фарфор / не надо браться за непосильную работу) - 4</p> <p>5. 量力而所[liàng lì ér suǒ] (в рамках своих способностей) - 3</p> <p>6. 量力而行[liàng lì ér xíng] (в пределах своих возможностей) - 3</p> <p>7. 中规中矩[zhōng guī zhōng jǔ] (обычный, обыкновенный, средненький) - 2</p> <p>8. 尽力而为[jìn lì ér wéi] (прилагать максимум усилий) - 2</p> <p>9. 孙狮子跳不出如来佛的手掌心[sūn shīzi tiào bù chū rúlái fó de shǒuzhǎng xīn] (лев не перепрыгнет ладонь будды / нет способностей) - 2</p>
4	<p>追赶两个兔子, 一个也没抓住[zhuīgǎn liǎng gè tùzi, yí gè yě méi zhuā zhù] (За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь)</p> <p>1. 一心不能二用[yīxīn bùnéng èr yòng] (человек не может делать две вещи одновременно) - 10</p> <p>2. 捡了芝麻丢西瓜[jiǎn le zhīma diū xīguā] (пока собирал кунжут, потерял арбуз / нужно четко ставить цели и осознавать главную цель) - 8</p> <p>3. 三心二意[sān xīn èr yì] (три желания – два смысла / семь пятниц на неделе) - 6</p> <p>4. 竹篮打水一场空[zhú lán dǎ shuǐ yí chǎng kōng] (носить воду бамбуковой корзиной – ничего не добиться /в решете воду носить) - 4</p> <p>5. 黑瞎子掰苞米[hēi xiāzi bāi bāomǐ] (слепой ломает кукурузу / рассеянный, с пятого на десятое) - 4</p> <p>6. 因此失役[yīncǐ shī yì] (поэтому потерпеть поражение) - 2</p> <p>7. 一心想干两只兔, 反而落的两手空[yīxīn xiǎng gàn liǎng zhī tù, fǎn'ér luò de liǎngshǒu kōng] (за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь) - 2</p> <p>8. 空手而归[kōngshǒu ér guī] (вернуться с пустыми руками) - 2</p> <p>9. 赔了夫人又折兵[péi le fūrén yòu zhé bīng] (погибнуть вместе с супругом на войне / думал, что будет лучше, в результате вдвойне потерял) - 2</p> <p>10. 事倍功半[shìbèi gōngbàn] (не оправдывать затраченных сил / овчинка выделки не стоит) - 2</p> <p>11. 打了败仗的敌人, 成了没头苍蝇, 到处乱撞[dǎ le bài zhàng de dírén, chéng le méi tóu cāng yíng, dào chù luàn zhuàng] (пораженный противник хаотично сталкивается как муха без головы / нет лидера – нет цели) - 2</p> <p>12. 鸡飞蛋打[jī fēi dàn dǎ] (курица улетела, яйцо разбилось / остаться у разбитого корыта) - 2</p>
5	<p>谁床起得早, 有上帝的礼物[shuí chuáng qǐ de zǎo, yǒu shàngdì de lǐwù] (Кто рано встает, тому Бог дает)</p> <p>1. 早起的鸟有虫吃[zǎo qǐ de niǎo yǒu chóng chī] (ранняя пташка найдет червячка поест / кто рано встает, тому Бог дает) - 42</p> <p>2. 一日之计在于晨[yī rì zhī jì zài yú chén] (составить план утром – хорошо поработать весь день) - 2</p> <p>3. 笨鸟先飞[bènniǎo xiān fēi] (неуклюжей птице надо первой вылетать / тот, кто неуклюж, должен приступить к работе раньше, чтобы хорошо ее выполнить) - 2</p> <p>4. 天道西州勤[tiāndào xī zhōu qín] (небесный путь на запад лежит через усердие / усердие позволяет воспитать в себе способности эффективно выполнять работу) - 2</p>
6	<p>要打热铁[yào dǎ rè tiě] (Куй железо пока горячо)</p> <p>1. 趁热打铁[chènrè dǎ tiě] (пока горячее, бей по железу) - 48</p> <p>2. 磨刀不误砍柴工[mó dāo bù wù kǎn chái gōng] (заточить нож не ошибочно перед рубкой дров / если перед работой сделать необходимый приготовления, то она будет быстрее и эффективней) - 2</p>
7	<p>喜欢滑雪橇, 应该喜欢拉雪橇[xǐhuan huáxiě qiào, yīnggāi xǐhuan lā xiě qiào] (Любишь кататься, люби и саночки возить)</p> <p>1. 爱屋及乌[àiwū jíwū] (любишь дом – люби и курицу в нём / кто гостю рад, тот и собачку его накормит) - 20</p> <p>2. 志同道合[zhìtóng dàohé] (иметь общие устремления, быть связанными общими идеалами и целями) - 2</p> <p>3. 轻车熟路[qīngchē shùlù] (легкая телега знает дорогу / старый конь борозды не испортит) - 2</p> <p>4. 不能坐享其成[bùnéng zuòxiǎngqíchéng] (нельзя сидеть сложа руки и наслаждаться плодами чужого труда) - 2</p> <p>5. 授人以鱼不如授之以渔[shòu rén yǐ yú bùrú shòu zhī yú yú] (дать человеку рыбу не значит научить его ее ловить) - 2</p>
8	<p>水不透过床置石头[shuǐ bù tòuguò chuáng zhì shítou] (Под лежащий камень вода не течет)</p> <p>1. 水滴石穿[shuǐdī shíchuān] (капля воды одевает камень / капля по капле - камень точит, терпение и труд всё перетрут) - 4</p> <p>2. 多大饼不大不过烙它的锅[duō dà bǐng bù dà bùguò lào tā de guō] (даже самый большой блин не больше сковороды, на которой его испекли / в любой работе есть ограничения) - 4</p> <p>3. 力所能及[lì suǒnéng jí] (в пределах своих сил, по силам) - 2</p>

	<p>4. 白说不如一做 [bái shuō bù rú yī zuò] (лучше один раз сделать, чем сто раз сказать) - 2</p> <p>5. 手是好汉, 眼是懒蛋 [shǒu shì hǎohàn, yǎn shì lǎn dàn] (глаза ленивые, а руки – молодцы / глаза боятся, а руки делают) - 2</p> <p>6. 不入虎穴, 焉得虎子 [bù rù hǔ xué, yān de hǔ zǐ] (не забравшись в логово тигра, не поймает тигренка / кто не рискует, тот не пьет шампанского) - 2</p> <p>7. 己所不欲, 勿施于人 [jǐ suǒ bù yù, wù shī yú rén] (не дари людям вещи, которые тебе не нужны / на тебе боже, что нам негоже) - 2</p>
9	<p>鸡蛋不教鸡 [jī dàn bù jiào jī] (Яйца курицу не учат)</p> <p>1. 班门弄斧 [bān mén nòng yuē] (хвастать своим искусством перед мастером / яйца курицу не учат) - 12</p> <p>2. 姜还是老的辣 [jiāng hái shì lǎo de là] (имбирь по-старому острый / человек с многолетним опытом работы делает её лучше) - 6</p> <p>3. 安分守己 [ān fèn shǒu jǐ] (быть довольным своим местом) - 2</p>
10	<p>用一个手, 连结子也不打 [yòng yí gè shǒu, lián jié zǐ yě bù dǎ] (Одной рукой и узла не завяжешь)</p> <p>1. 一个巴掌拍不响 [yí gè bā zhǎng pāi bù xiǎng] (хлопок одной ладони не слышно / конфликты и противоречия создает не один человек) - 8</p> <p>2. 团结就是力量 [tuán jié jiù shì lì liàng] (сплоченность – это сила) - 7</p> <p>3. 协同合作 [xiétóng hézuò] (сотрудничать, вместе работать) - 2</p> <p>4. 人多, 力量大 [rén duō, lì liàng dà] (когда людей много, много и силы) - 2</p> <p>5. 一根筷子容易折, 十根筷子折不断 [yí gēn kuàizi róngyì chāi, shí gēn kuàizi chāi bù duàn] (одну палочку легко сломать, а десять палочек не сломать / один в поле не воин) - 2</p> <p>6. 一手遮天 [yí shǒu zhē tiān] (одной рукой прятать небо / прятать правду от народа) - 2</p> <p>7. 独木不成林 [dú mù chéng bù liǎo lín] (одно дерево ещё не лес / один в поле не воин) - 2</p> <p>8. 一个好汉三个帮 [yí gè hǎohàn sān gè bāng] (один молодец – сразу в трех делах помощник / даже умелому работнику требуется помощь других людей, одна голова хорошо, а две – лучше) - 2</p> <p>9. 众人拾柴火焰高 [zhòng rén shí chái huǒ yàn zhǐ gāo] (много людей несут хворост к огню и он становится выше / когда людей много, много и силы) - 2</p> <p>10. 一个篱笆三个桩 [yí gè lǐ ba sān gè zhuāng] (один плетень – три сваи / даже умелому работнику требуется помощь других людей, одна голова хорошо, а две – лучше) - 2</p>
11	<p>要砍伐自己能砍伐的树木 [yào kǎn fá zì jǐ néng kǎn fá de shù mù] (Руби дерево по себе)</p> <p>1. 量力而行 [liàng lì ér xíng] (действовать исходя из своих возможностей) - 20</p> <p>2. 力所能及 [lì suǒ néng jí] (по силам; под силу, посильный) - 5</p> <p>3. 量力而为 [liàng lì ér wéi] (действовать исходя из своих возможностей) - 5</p> <p>4. 自知之明 [zì zhī zhī míng] (знать границы своих возможностей) - 4</p> <p>5. 尽力而为 [jìn lì ér wéi] (приложить максимум усилий) - 3</p> <p>6. 自估自力 [zì gū zì lì] (правильно оценивать свои силы) - 2</p>
12	<p>用炮打麻雀 [yòng pào dǎ má què] (Стрелять из пушки по воробьям)</p> <p>1. 大材小用 [dà cái xiǎo yòng] (растрчивать большие таланты по пустякам) - 35</p> <p>2. 割鸡焉用牛刀 [gē jī yān yòng niú dāo] (резать курицу ножом для быка / тратить слишком большие усилия на маленькое дело) - 8</p> <p>3. 小题大作 [xiǎo tí dà zuò] (маленький вопрос – большая работа / делать из мухи слона, много шума из ничего) - 2</p> <p>4. 做无用功 [zuò wú yòng gōng] (бесполезно тратить силы) - 2</p> <p>5. 大炮打蚊子 [dà pào dǎ wén zi] (стрелять из пушки по комарам) - 2</p>
13	<p>慢慢去就到更远的地方 [màn màn qù jiù dào gèng yuǎn dì fāng] (Тише едешь – дальше будешь)</p> <p>1. 宁静以致远 [níng jìng yǐ zhì yuǎn] (спокойным способом достигать своей цели) - 8</p> <p>2. 步步为赢, 循序渐进 [bù bù wéi yíng, xún xù jiàn jìn] (шаг за шагом к победе, постепенно и планомерно двигаться вперед) - 5</p> <p>3. 路漫漫其修远兮 [lù màn màn qí xiū yuǎn xī] (дорога долгая, нужно всеми способами продолжать) - 4</p> <p>4. 千里道远 [qiān lǐ dào yuǎn] (тысячи километров и дальняя дорога / задачи велики и путь неблизок) - 3</p> <p>5. 脚踏实地 [jiǎo tà shí dì] (стоять на прочной основе, исходя из реальности) - 3</p> <p>6. 滴水穿石 [shuǐ dī shí chuān] (капля воды одевает камень / капля по капле – камень точит, терпение и труд всё перетрут) - 3</p> <p>7. 积少成多 [jī shǎo chéng duō] (малое становится многочисленным / с мира по нитке – голому рубашка) - 2</p> <p>8. 不怕慢, 就怕站 [bù pà màn, jiù pà zhàn] (не бойся быть медленным в своем движении, бойся стоять на месте и не двигаться) - 2</p> <p>9. 走一步, 算一步 [zǒu yí bù, suàn yí bù] (считать каждый пройденный шаг / хоть и трудно, но найдется способ решения) - 2</p> <p>10. 跛鳖千里 [bǒ biē qiān lǐ] (хромающая черепаха прошла тысячу ли (китайский километр) / главное продолжать работать, даже в плохих условиях, и тогда все получится) - 2</p> <p>11. 斧头磨成针 [fǔ tóu mó chéng zhēn] (топор становится иглой / главное продолжать стараться и тогда добьешься успеха) - 2</p> <p>12. 不积跬步, 无以至千里 [bù jī kuǐ bù, wú yǐ zhì qiān lǐ] (не накапливая шаги, не пройдешь тысячу ли (китайский километр) / знание накапливается опытом, если усердно работать – получишь результат) - 2</p> <p>13. 千里之行, 始于足下 [qiān lǐ zhī xíng, shǐ yú zú xià] (путешествие в тысячу ли (китайский километр) начинается с первого шага / любую работу надо начать и продолжить) - 2</p>
14	<p>鸡雏是秋天的时候要数 [jī chú shì qiū tiān de shí hou yào shù] (Цыплят по осени считают)</p> <p>1. 心急吃不了热豆腐 [xīn jí chī bù liǎo rè dòu fu] (нельзя второпях есть горячее тофу / в любом деле есть порядок, который нужно выполнять, нельзя торопиться и делать все не по порядку) - 6</p> <p>2. 笑到最后的才是胜利者 [xiào dào zuì hòu de cái shì shèng lì zhě] (победитель смеется последним) - 3</p> <p>3. 秋后算帐 [qiū hòu suàn zhàng] (долги по осени собирают) - 3</p> <p>4. 蛋未孵先数雏 [dàn wèi fū xiān shù wéi] (не высиденные яйца не считают) - 2</p>
15	<p>用别人的手拿炙热 [yòng bié rén de shǒu ná yǎn rè] (Чужими руками жар загребать)</p> <p>1. 借刀杀人 [jiè dāo shā rén] (творить черные дела руками других) - 18</p> <p>2. 炙手可热 [jiǔ shǒu kě dé] (авторитет большой, много спеси, близко не подойдешь / относиться с уважением, но держать-</p>

ся на почтительном расстоянии) - 6

3. 居心不良 [jūxīn bùliáng] (в сердце плохие помыслы) - 3

4. 己所不欲, 勿施于人 [jǐ suǒ bù yù, wù shī yú rén] (не делай людям того, чего не желаешь получить сам) - 2

5. 草船借箭 [cǎo chuán jiè jiàn] (корабль из травы одолжил стрелу / применять смекалку, чтобы воспользоваться богатством или силой других людей для достижения своей цели) - 2

В ходе эксперимента, китайскими респондентами активно использовался процесс генерализации, например, № 1 (без труда не выловишь и рыбку из пруда генерализировали до *работать и получать все*), № 3 (*выше головы не прыгнешь* – *переоценивать свои силы, в рамках своих способностей, в пределах своих возможностей*), № 4 (*за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь* генерализирован до *человек не может делать две вещи одновременно*), № 13 (*тише едешь – дальше будешь* – *спокойным способом достигать своей цели*). Отметим, что хотя перевод реакций носителей китайского языка на русский язык не всегда по-русски звучит как фразеологическая единица, скорее представляется носителям русского языка как предложение-толкование, однако, в китайском языке данные высказывания устойчивы и воспроизводимы, их значение не сводится к сумме значений компонентов.

В процессе генерализации, интуитивное понимание испытуемыми обобщенного смысла, требуемое для установления смыслового тождества, не всегда сопровождалось правильной вербальной формой, что сопровождалось отклонениями от обобщенного толкования, которые проиллюстрированы выше. Однако общий смысл субъекты установили правильно. Тем не менее, генерализация не всегда является гарантом правильного толкования фразеологизма, например, фразеологизм № 12 *стрелять из пушки по воробьям* – *маленький вопрос – большая работа* или № 15 *чужими руками жар загребать* – *творить черные дела руками других*.

Дифференциация уступает генерализации по роли фразеологизмов в языках, но дифференциация в ряде случаев может быть, как и генерализация, как верно толкующей смысл, так и неверно. Дифференциация использовалась информантами в следующих случаях: № 1 (*труд дифференцируется до боль, забраться в логово тигра, а рыбка до выигрыш, плоды, обед, тигренок*), № 3 (*выше головы не прыгнешь* дифференцировано до *ружье стреляет по высунувшей голову птице, варить пельмени в чайнике, золото-стальное сверло и фарфор, лев, перепрыгивающий ладонь будды*) № 9 (*яйца курицу не учат* дифференциация до *имбирь по-старому острый*). Примечателен тот факт, что корень имбиря, который так высоко ценится в китайской культуре, вырастает за достаточно продолжительный период времени и сравнение с *мастером, учителем* показывает, что требуется время и опыт, чтобы стать *острым*, то есть достаточно мудрым и опытным работником.

К фразеологизму № 4 *за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь* дифференцированными оказались следующие реакции: *пока собирал кунжут, потерял арбуз, носить воду в бамбуковой корзине – ничего не добиться, слепой ломает кукурузу – с пятого на десятое, думал, как лучше, а в результате вдвойне прогадал, поверженный противник хаотично сталкивается как муха без головы – нет лидера, нет цели, курица улетела, яйцо разбилось*. В данном случае возникают конкретные образы китайского языкового сознания *кунжут – арбуз, бамбуковая корзина, кукуруза, гибель с супругом на войне – двойная потеря, муха без головы, курица улетела, яйцо разбилось*. В ответах китайских информантов четко прослеживается сельскохозяйственная тематика, что соответствует географическому, экономическому и политическому строю страны.

Попытки носителей китайского языка выявить инвариантные значения русских фразеологизмов, по слову переведенных на китайский язык, зачастую приводят к рассогласованию различных уровней понимания фразеологизма. Стратегии опоры на общее значение фразеологизма и процесс типизации становятся источником неразрешимых сложностей для субъекта, ведущих к прямому и грубому искажениям смысла. Например, *любишь кататься, люби и саночки возить* – ошибочно определилось, как *любишь дом, люби и курицу в нем*. В вышеуказанном случае, за счет опоры на общий смысл фразеологизма, произошел сдвиг понимания пословицы, в результате чего, возникло искажение восприятия содержащейся во внутренней форме фразеологизма информации. Следует учесть, что сами статусные характеристики «работа» отличаются в рассматриваемых этносах, что также отражается в содержании фразеологизмов.

Примечателен тот факт, что носители китайского языка, так же как и носители русского языка в аналогичном эксперименте, использовали в своем поиске инварианта фразеологизма, по слову переведенного с русского на китайский язык, пошаговый анализ либо инсайт, что чаще всего обусловлено низким уровнем фразеологизации. Например, примером последнего служат толкования к фразеологизму № 1 *без труда не выловишь и рыбку из пруда* – *как заплатил, так и получил, кто не работает, тот не ест, кто не работает, тот ничего и не получает, не забравшись в логово тигра, не поймаешь тигренка*, № 2 *большому кораблю – большое плаванье* – *хорошему кораблю требуется хорошая дорога*, № 5 *кто рано встает, тому Бог дает* – *ранняя птичка найдет червячка поест, неуклюжей птице надо первой выпетать*, № 6 *куй железо, пока горячо* – *пока горячее, бей по железу*, № 15 *чужими руками жар загребать* – *творить черные дела руками других*.

При пошаговом анализе, информанты опирались на внутреннюю форму фразеологизма. Наблюдалось смещение идентификационных опор с внутренней формы на общий смысл, что, в свою очередь, зависело от энциклопедических и языковых знаний информантов. Так, например, к фразеологизму № 11 *руби дерево по себе* респонденты подобрали 6 аналогов – «чэньшуй» на китайском языке с практически тождественным значением. Уменьшение количества разных реакций за счет сокращения числа актуальных лексико-семантических вариантов можно проиллюстрировать на взаимоисключающих утверждениях к фразеологизму № 1 *без труда не выловишь и рыбку из пруда* – *затраченные усилия не принесли результата и упорно трудиться – получить талант и к № 9 яйца курицу не учат* – *хвастать своим искусством перед мастером и быть довольным своим местом*.

Характеризующе-определятельный сдвиг, позволяющий выявить ядро ментального лексикона носителей китайского языка, можно отметить в следующих случаях: к фразеологизму № 3 *Выше головы не прыгнешь* носители китайского языка подобрали «сехоуэй» *Варить пельмени в чайнике – потом не вытащить* (歇后语 [xiē hòu yǔ] – речения с обычно усекаемой концовкой, представляющее собой особую разновидность народных речений «суюй», состоящей из загадки-иносказания и ответа на загадку – раскрытия иносказания). Толкование, предложенное информантами «суюй»: *если нет золото-стального сверла – не просверлишь фарфор* со значением «не надо браться за непосильную работу». Вышеуказанные «сехоуэй» и «суюй», подобранные носителями китайского языка, передают жизненный опыт на конкретных примерах из быта и профессиональной деятельности.

По результатам направленного когнитивного эксперимента с концептом «работа» можно сделать следующие выводы.

1. Количество совпавших толкований у носителей китайского языка примерно одинаково – от 2 до 13 толкований на каждый фразеологизм, среднее количество – 6-7 толкований. Это объясняется соответствием поставленной в эксперименте задачи интеллектуальным возможностям испытуемых и примерно одинаковым уровнем обобщения у участников эксперимента. Полученные данные также свидетельствуют о том, что информанты давали как аналоги фразеологизма, соотношенные по смыслу, так и толкования обобщенного характера, передающие субъективное восприятие респондента.

2. Образная система и оттенки значений, формирующие языковую картину мира носителей китайского и русского языков значительно отличаются друг от друга и, по большей части, не совпадают.

3. Из предложенных 15 фразеологизмов, носители китайского языка не смогли выявить инварианты только в двух случаях – № 7 и № 8. Это свидетельствует скорее о схожести ядерных признаков концепта «работа» в языковой картине мира носителей китайского и русского языков, чем об их различии, а также о высоком уровне понимания фразеологизмов респондентами.

Библиографический список

1. Арестова, О.Н. Интуитивное понимание смысла пословицы // Вопросы психологии. – 2011. – Вып. 2.
2. Галерея ассоциативных портретов: монография / Т.М. Рогожникова [и др.]; под ред. Т.М. Рогожниковой. – Уфа, 2009.
3. Рогожникова, Т.М. Стратегии ассоциирования и соматические корни // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь, 2004. – Вып. 3.

Bibliography

1. Arestova, O.N. Intuitivnoe ponimanie smisla poslovic // Voprosih psikhologii. – 2011. – Vihp. 2.
2. Galereya associativnihkh portretov: monografiya / T.M. Rogozhnikova [i dr.]; pod red. T.M. Rogozhnikovoy. – Ufa, 2009.
3. Rogozhnikova, T.M. Strategii associirovaniya i somaticheskie korni // Slovo i tekst: psikholingvisticheskiy podkhod: sb. nauch. tr. – Tverj, 2004. – Vihp 3.

Статья поступила в редакцию 07.12.11

УДК 811.51.12

Butyleva A.M. **FISHING VOCABULARY IN KILDIN DIALECT OF THE SÁMI LANGUAGE.** The article is the first experience of lexical and semantical analysis of fishing vocabulary in Kildin dialect of the Sámi language. This thematic group is addressed based on materials from field trips and existing Sámi dictionaries. The authors identify lexical and semantical groups in the said thematic group, the lexemes they include, carry out semantical and word-building analysis.

Key words: the Sámi language, thematic, lexical and semantical groups, fishing.

A.M. Бутылёва, аспирант МГПУ, г. Мурманск, E-mail: alexandra.butyleva@gmail.com

РЫБОЛОВЕЦКАЯ ЛЕКСИКА КИЛЬДИНСКОГО ДИАЛЕКТА СААМСКОГО ЯЗЫКА

Статья представляет собой первый опыт лексико-семантического анализа лексики рыболовства в кильдинском диалекте саамского языка. Данная тематическая группа рассматривается по материалам полевых исследований и данным словарей саамского языка, выявляются составляющие ее лексико-семантические группы, их лексемное наполнение, проводится семантический и словообразовательный анализ.

Ключевые слова: саамский язык, тематическая группа, лексико-семантические группы, рыболовство.

На современном этапе своей изученности отраслевая лексика языков малых коренных народов Российской Федерации привлекает внимание все большего круга исследователей. Рыболовецкая лексика, как и другие аспекты отраслевой лексики саамского языка, остается малоизученной областью. Вместе с тем, исследование этого пласта лексики имеет большое значение как для истории и сохранения языка, так и для решения актуальных вопросов изучения и систематизации лексики саамского языка, решения лексикографических проблем и ряда культурно-исторических вопросов.

Языковая принадлежность саамов к прибалтийско-финским народам доказывается общностью значительной части словарного состава, имеющего соответствия в родственных языках, а также относительной общностью грамматического строя саамского языка с грамматическим строем других финно-угорских языков [1]. Однако в отличие от других прибалтийско-финских народов, которые занимались рыболовством и отчасти охотой и собирательством в дополнение к земледелию, саамы принадлежат к промысловому населению, система жизнеобеспечения которого издревле основывалась на сочетании оленеводства, рыболовства, охоты и собирательства.

Цель данной работы – определить лексико-семантические группы, составляющие тематическую группу рыболовства в кильдинском диалекте саамского языка, определить их лексемное наполнение, провести семантический и словообразовательный анализ составляющих их лексем. Ее научная новизна в том, что материал представляет собой первый опыт лексико-семантического анализа рыболовецкой лексики кильдинского диалекта саамского языка. В статье приводятся материалы, собранные авторами в ходе полевых исследований в период с 2008 по 2011 гг., материалы словарей саамского языка, а также материалы этнографических и исторических исследований. Информантами в полевых исследованиях явились жители с. Ловозеро Мурманской области, носители кильдинского диалекта саамского языка: Антонова Александра Андреевна (1932 г.р.), Лукин Геннадий Петрович (1949 г.р.), Галкин Пётр Алексеевич (1928 г.р.), Галикина Татьяна Гавриловна (1936 г.р.), Захаров Евдоким Кузьмич (1956 г.р.). Первоначальной задачей исследования рыболовецкой лексики является ее классификация по лексико-семантическим группам. Так, состав рыболовец-

кой лексики можно разделить на следующие группы: названия рыбы, орудия и приспособления лова, анатомические названия.

В саамском языке имеется общее родовое название рыбы – *кулль*. Для различения рыбы по типу водного объекта используются сложные слова с определяющим компонентом, выражающим место, в котором обитает тот или иной вид, например: *яввьркулль* – озерная рыба (ср. *яввьр* – озеро), *мёрркулль* – морская рыба (ср. *мёрр* – море). Лексико-семантическая группа видовых названий рыб в кильдинском диалекте саамского языка представлена такими лексемами, как, например: *шабл* – сиг мелкий, до 2-3 кг, *майхьк* – сиг крупный, более 2-3 кг, *саввель*, *суввель* – хариус; *вусскан*, *вуэсск* – окунь, *вушшнь* – налим, *ныгкешь* – щука, *куввч* – кумжа; *лусс* – сёмга, лосось. В отношении других видовых названий рыб семейства лососевых, вероятно, ввиду их значительного внешнего сходства, информантами представлены противоречивые сведения: *равввт*, *раут*, *колльм* – паляя; *раут* – голец (ср. *равввт* – паляя (рыба семейства лососевых) [2]). Для обозначения молоди рыбы используется общее понятие *сайва*, обозначающее также, по данным информантов, видовое название рыбы голяня (вид пресноводных рыб, не имеющий промыслового значения). Этот факт подтверждает идею А.Г. Эндюковского о том, что «вещи, явления и понятия, безразличные для саама с хозяйственной или какой-либо иной важной для него точки зрения, либо не имеют для своего обозначения соответствующих слов в его языке, либо называются словами, обладающими общим значением, напр.: разные травы (слово *раз* для обозначения любой растущей травы, кроме скошенной – *суин* «сено»), всевозможные мелкие птицы (*лоньһэ* «птичка» или даже иногда *сэһһэ* «воробей» в значении маленькой птицы вообще, а не только конкретно воробья)» [3, с. 161].

Другой способ обозначения молоди рыбы – лексемы, образованные путем добавления к видовому названию рыбы компонента *алга* (ср. *аллка*, *аллкэч* – детеныш [4]): *ныгкешьалга* – щурята, *куввчалга* – молодь кумжи. Эти лексемы являются примером сложных слов подчинительного типа с определяющим именным компонентом. Для некоторых видов рыб существуют отдельные названия молоди: *вусскна* – молодь окуня, *ровдэ* – мальки паляя. Приведем примеры лексемного напол-

нения лексико-семантической группы орудий лова и приспособлений: *нухът* – невод, *саййм* – сеть, *пуэсськесь саййм* – сеть с мелкой ячейей (30-40 мм), *веллькесь саййм* – сеть с крупной ячейей (40-60 мм), *шуррчалмсаййм* – досл. «большеглазая сеть», сеть с крупной ячейей (40-60 мм). Информантами отмечалось, что для обозначения того или иного вида сети чаще используется только определяющий компонент *пуэсськесь*, *веллькесь*, что, на наш взгляд, является примером словообразования путем субстантивации прилагательных. При этом прилагательные *пуэсськесь*, *веллькесь*, согласно идеям Г.М. Керта, образованы морфологическим способом с помощью наиболее распространенного суффикса *-есь (-эсь)*, выражающего качество или свойства предмета по семантике производящего слова (ср. *куййкесь* «бледный» ← *куййк* «бледность» (сильная основа), *цуэзгесь* «мелкий, неглубокий» ← *цуэзг* «мель» (слабая основа) [3], однако значение основ по существующим словарям саамского языка не прослеживается. Также к лексемному наполнению этой лексико-семантической группы относятся, например: *сайймпейбель* – верхняя подбора (сети); *сайймвуйбель* – нижняя подбора (сети); *вайт* – леска, *кыппт* – грузило, *коблас* – поплавок, *воалек*, *воалк* – нырило; *чърре* – пешня, лом; *ярдан* – прорубь; *коальтэ* – лунка; *кыххемкоальтэ* – смотровая лунка; *удзькоальтэ* – маленькая лунка.

В лексико-семантическую группу анатомии рыбы входят такие лексемы, как: *чуэлль* – кишка, *чбл* – позвоночник, *кыппс* – молоко, *вуйвас* – печень, *кыттк* – сердце, *вэрр* – кровь; *суввйт* – жабры, *чумм* – кожа рыбы, чешуя, *куйт* – желудок (рыбы), *веппс* – плавник, *пёцехь* – хвост (рыбы), *меййн* – икра. Сопоставительный анализ с анатомической лексикой, выделенной авторами в других тематических группах лексики традиционных саамских промыслов, показывает, что отдельные наименования-лексемы получили не только те органы и части тела рыбы, которые являются отличительными для рыбы как класса животных (ср.: *куйт* – желудок (рыбы), – желудок (человека); *пйж* – короткий хвост (олени, зайца, овцы и т. п.); *сёййл* – длинный хвост (коровы, собаки); *пёцехь* – хвост рыбы; *пэдтш* – хвост птицы).

По данным словарей для обозначения промысла, лова в саамском языке существует лексема *шыл* (ср. *шыл* – добыча, ловля, промысел). Нашими информантами эта лексема была показана только применительно к рыбной ловле. Лексема *кулльшылле* – ловить рыбу – является примером двухкомпонентного сложного слова, образованного лексико-

синтаксическим способом. В сложных словах подчинительного типа один компонент определяет другой, т. е. имеются определяющий и определяемый компоненты. В данном случае определяющим компонентом является имя существительное *кулль* – рыба, определяемым – имя действия *шыллэ* – добывать, ловить. Лексема *кулльшыллмуш* – рыбалка – представляет собой сложное слово из трех компонентов, иллюстрирующее как лексико-синтаксический, так и морфологический способ словообразования в саамском языке: словообразовательный суффикс *-муш* присоединяется к сильной основе глагола, является продуктивным и образует имя от практически любого глагола [3]: ср. *аннмуш* – «просьба» ← *аннэ* – «просить»; *тув-вмуш* – «желание» ← *тувэз* – «желать», *вуэрртмуш* – ожидание ← *вуррьтэ* – ждать. Лексема для обозначения субъекта рыбной ловли *кулльшыллей* – «рыбак» – также является примером трехкомпонентного сложного слова, ср. *пынней* – «защитник» ← *пынне* – «беречь, защищать», *чуййкэй* – «лыжник» ← *чуййке* – «идти на лыжах», *кыррьттэй* – «летчик» ← *кыррьтэ* – «летать»).

Специальная лексема имеется для обозначения действия ловли с помощью удилица и крючка – *воанукэ*, *вуанукэ*. Для обозначения действия подледного лова используются словосочетания: *иууульн шылле куллэ* – досл. «добывать рыбу из подо льда» (ср. *иуу* – лед, *вуэлла* – под (послелог)) и сложные слова, образованные сложением основ: *иууууэллавоангкэ*. *тапплавоангкэ* (ср. *тапплэ* – зима, *вуанукэ* – удить). По мнению Г.М. Керта, словосложение является наиболее продуктивным способом словообразования в саамском языке, хотя суффиксальное словообразование также довольно продуктивно [3].

При изучении рыболовецкой лексики был выявлен такой тип многозначности, как полисемия, основанный на языковой мотивированности, в частности, на связи по смежности. Сюда относится метонимический перенос, например: *чуэлль* – кишка и *чуэлль* – жареные и вареные потроха, *меййн* – рыба икра и *меййн* – соленая икра рыбы. Дальнейший лингвистический анализ различных тематических групп лексики кильдинского диалекта саамского языка, в том числе с сопоставлением с другими финно-угорскими языками с привлечением исторических и этнографических данных представляется перспективным направлением исследований, поскольку позволит сделать выводы относительно соотношения заимствованной и субстратной лексики в составе саамской промысловой лексики и происхождения саамского языка.

Библиографический список

1. Керт, Г.М. Значение саамского языка для финноугорского языкознания // Труды Карельского филиала академии наук СССР. Прибалтийско-финское языкознание. – Петрозаводск, 1958. – Вып. XII.
2. Саамско-русский словарь / под ред. Р.Д. Куруч. – М.:, 1985.
3. Керт, Г.М. Словообразование имен в саамском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. – Петрозаводск, 1988.
4. Керт, Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для уч-ся нач. шк. – Л., 1986.

Bibliography

1. Kert, G.M. Znachenie saamskogo yazihka dlya finnougorskogo yazihkoznaniya // Trudih Karelskogo filiala akademii nauk SSSR. Pribaltijsko-finskoe yazihkoznanie. – Petrozavodsk, 1958. – Vihp. XII.
2. Saamsko-russkiy slovarj / pod red. R.D. Kuruch. ? M.:, 1985.
3. Kert, G.M. Slovoobrazovanie imen v saamskom yazihke // Pribaltijsko-finskoe yazihkoznanie. Voprosih leksikologii i grammatiki. – Petrozavodsk, 1988.
4. Kert, G.M. Slovarj saamsko-russkiy i russko-saamskiy: posobie dlya uch-sya nach. shk. ? L., 1986.

Статья поступила в редакцию 07.12.11

УДК 803.0+39

Chistyukhina E.A. **SHVANK OF RUSSIAN-GERMANS AS A REFLECTION OF ETHNIC WORLD PICTURE.** The article highlights the notion "shvank of Russian-Germans". It reviews the historical development of this genre, points out the functions of the shvank and stresses its role in the formation of the ethnic world picture of Russian-Germans.

Key words: shvank, educational, critical, entertaining functions, historical development, shvankists, world picture, Russian-Germans.

Е.А. Чистюхина, аспирант АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: malinkah@mail.ru

ШВАНК РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматривается понятие шванка российских немцев, дается краткий обзор этапов развития данного жанра определяются функции шванка и его роль в формировании этнической картины мира российских немцев.

Ключевые слова: шванк, воспитательная, критикующая, развлекательная функции, историческое развитие, шванкисты, картина мира, российские немцы.

Формирование картины мира российских немцев (РН) на протяжении всего периода их проживания в России происходит в иноязычном и инокультурном окружении. Находясь под постоянным ассимилирующим воздействием языка и культуры соседних народностей, также проживающих на территории России, РН с самого начала освоения российских земель стремились к сохранению своей национальной идентичности. Одной из форм сохранения национальной идентичности, родного языка и культуры явились для них произведения устного народного творчества: песни, сказания, сказки, загадки, пословицы, поговорки и др. [1; 2]. Особо следует выделить шванк как один из ярких примеров фольклорных жанров РН и неотъемлемого элемента их региональной литературы. Он представляет собой важный источник языковых, исторических, культурологических знаний, позволяющих получить информацию о картине мира российских немцев, а именно об особенностях жизни, уклада, языка, культуры и менталитета российских немцев.

Немецкие ученые определяют шванк как короткую, шуточную, остроумную историю, написанную на диалекте, в которой в комической форме изображается конфликт (С. Нойман), поединок (Г. Баузингер), ситуативно обусловленное разногласие человека с миром в себе и с миром вокруг него (К. Ранке) и в котором содержится какое-либо поучение (Г. Бебеймайер), осуждение пороков, призыв к добродетели (И. Хуцинг) [3; 4; 5].

Шванк как литературный жанр имеет длительную историю становления и развития. Первые тексты шванков, дошедшие до современности, появились в Германии в 9-м веке и были написаны на латинском языке. К ним следует отнести сборник комических историй «Modus Liebinc» от Ноткера Балбула (9 век) и серию историй, произошедших с крестьянином Айноком, «Captus de uno bove». Распространялись шванки в устной форме бродячими студентами и вагантами [6].

Первые зафиксированные в письменном виде и на немецком языке шванки появляются в 12 веке в качестве вкраплений в приключенческие повести. Первым самостоятельным сборником шванков на немецком языке является цикл о попе Амисе («Pfaffe Amis») Штрикера (Stricker), появившийся в начале 13 века [6].

Период с 13 века по 16 век считается временем расцвета немецкого шванка. Его можно определить как этап интенсивного развития шванка, в который складывается множество его разновидностей. Наряду с традиционными шванками существуют шванки-диалоги, приклады, санкционированные церковью, народные варианты шванков, шванки в прозаической и стихотворной форме. К шванкистам, внесшим вклад в развитие жанра шванка, его структурных, композиционных, языковых и содержательных особенностей следует отнести Штрикера («Pfaffe Amis»), Х. Сакса («Nürnbergers»), Г. Ф. Кайзерсберга (церковные шванки), А. Тюнгер («Facetiae»), Х. Фольца, Х. Бебеля, Х. Штейнховеля, Й. Паули («Schimpf und Ernst»), Г. Викрама («Rollwagenbüchlein») Й. Фрейя («Gartengesellschaft»), М. Монтана («Wegkürzer»), В. Шуманна («Nachtbüchlein»), Х.В. Кирххофа («Wendunmut»), В. Хертцог («Schildwacht») [8].

В 17–18 веках шванк продолжает развиваться, однако не столь интенсивно по сравнению с предыдущим периодом становления жанра. Этот этап в истории шванка можно определить как этап переработки, переложения, стилизации под современность уже существующих шванков. Новые сюжеты появляются относительно редко [6]. К жанру шванка в 17–18 веках обращаются И.И. ф. Кр. Гриммельсгаузен («Wunderbarliches Vogelnes»), Й.Л. Талитц («Kurtzweilige Reißgespräch»), Й.П. Мемель («Lustige Gesellschaft») М.К. Лундорф («Wißbadisch Wißenbrünlein») и др.

В 19 веке шванк все ещё не теряет своей популярности особенно в народной среде, где он является единственным

средством культурного просвещения и просто развлечения [6]. Данный этап значим в истории становления шванка, т. к. именно в 19 веке братья Гримм, отождествляя термины «шванк» и «сказка», заложили основу научного исследования не только сказок, но и шванка. Но к шванку как литературному жанру ослабевают внимание фольклористов в силу его несоответствия идеальному романтическому представлению о фольклоре. Как правило, они обращаются к народным песням, сказкам, сказаниям. В 20 веке жанр шванка прекращает свое развитие и существует лишь в застывшей форме [6].

Тематика шванков на протяжении всей истории становления данного жанра определяется особенностями исторического этапа, а также социальными условиями. Так, в период с 13 века по 16 век в шванках находят отражение события буржуазной революции, Реформации, Крестьянской войны. Тематику шванков в 17 веке составляют тридцатилетняя война и внутрицерковные противоречия. В 19 веке шванки посвящаются обсуждению социальных противоречий в деревне, а также сфере любви и брака [6; 7]. Однако, в связи с тем, что основными функциями шванка в любой период его развития являются развлекательная, критикующая и поучительная, то во всех шванках, так или иначе, изображаются человеческие пороки, критикуются представители разных слоев общества (духовенство, рыцарство, поместное дворянство, крестьяне и т. д.). Излюбленными героями являются незадачливые глупцы, лукавые обманщики, лицемеры, честолюбцы, обжоры, пьяницы, модники, пронырливые жены, шарлатаны врачи, взяточники судьи, нерадивые слуги [8].

В России шванк появляется в 18 веке вместе с переселенцами из Германии, которые привезли с собой свой культурный багаж, среди которого оказался и шванк как один из фольклорных жанров. И если в Германии в 19-20 века шванк становится умирающей формой, то в России он переживает период своего расцвета. Первоначально шванк существовал в устной форме. В связи с отсутствием печатных изданий, РН обменивались информацией во время бесед на лавочке весной и летом, а зимой в прядильных комнатах. Как правило, друг другу рассказывали интересные юмористические истории, среди которых был и шванк [2]. Письменную фиксацию шванк РН получает в 60-е годы 20 века, тем самым он становится представителем региональной литературы РН. Примерно в это же время особенно усиливается интерес писателей к сатирическим и юмористическим жанрам, в том числе и шванку. Связано это с тем, что ко второй половине 20-века условия бытования российско-немецкого этноса стабилизируются, боль после долгих лет войны и связанной с ней депортации приглушается и авторов появляется желание обратиться к истокам народного юмора [9, с. 25]. Шванкистами среди российско-немецких писателей второй половины 20-века являются Фридрих Больгер, Давид Буш, Клеменс Экк, Эдмунд Гюнтер, Георг Гафнер, Вольдемар Гердт, Ренгольд Кельн, Фридрих Кригер, Леонгард Маркс, Андреас Закс, Иоханн Кунц, Вольдемар Шпар, Роберт Вебер, Виктор Кляйн, Руди Эрхардт, Иосиф Штейнзель, Доминик Гольманн, Клара Оберт, Эмилия Шпулинг, Эльза Ульмер, Эрнст Гуммель. Все писатели – выходцы из села, родились на территории Советского Союза, как правило, в местах появления первых немецких колоний: на Волге (Виктор Кляйн, Доминик Гольманн, Фридрих Больгер, Эдмунд Гюнтер, Вольдемар Шпар, Клара Оберт, Вольдемар Гердт) и в местах депортации РН: в Казахстане (Эльза Ульмер), Сибири, на Кавказе (Андреас Закс, Нора Пфеффер) [2; 10; 11]. Все они не понаслышке знакомы с социальной и исторической проблематикой, описываемой в шванках. Некоторые из них не просто сочиняли, а собирали тексты шванков во время научных экспедиций по местам расселения РН (К. Оберт, В. Кляйн, Э. Шпулинг и др.). Такие шванки представляют собой действительно зафиксированный фольклорный

материал, что всегда подтверждает помета «erzählt von...», «geschrieben von...», «aufnotiert von...». В своем творчестве эти авторы используют сложившуюся фольклорную форму, стремятся к максимальной имитации фольклорного жанра, сохраняют типичную для шванков тематику, ограниченную жизненным пространством деревенского жителя. Являясь выходцами из сел, где основным средством общения был немецкий диалект, и хорошо владея этим диалектом, авторы писали шванки именно на диалекте, стремясь тем самым к большей аутентичности, и использовали литературный немецкий язык и русский язык как вспомогательные средства [7].

В России шванк претерпевает определенные изменения структурного и содержательного плана, сохраняя при этом и свои первоначальные характеристики. Шванк российских немцев отличается от первоначального немецкого шванка прочным утверждением воспитательной и критикующей функции – посредством смеха критикуются недостатки человека, семейные и общественные отношения. Кроме того, компонент морали, перевоспитания становится неотъемлемой составляющей структуры шванка российских немцев [1, с. 134].

Несмотря на то, что в настоящее время шванк РН существует в застывшей форме, он является важным источником информации об образе жизни и картине мира нации, численность которой с каждым годом уменьшается. Как отмечает Е.И. Зейферт, литература в целом способна отражать этнические картины мира, а отдельный жанр, например, жанр шванка – определенный фрагмент бытия этноса. Таким образом, шванк в своих конкретных проявлениях может отражать те или иные компоненты этнической картины мира РН [9, с. 15].

Таким образом, анализируя смысловое поле шванка, возможно, реконструировать некоторые фрагменты картины мира РН. Так как местом компактного расселения РН была сельская местность, то и местом, где разворачиваются события шванка, является село. Предметом изображения часто становятся взаимоотношения крестьян и сельского старосты, священника и прихожан, взаимоотношения мужчин и женщин. Тематическую сферу шванка определяет также жизнь немцев в колхозе / сов-

хозе, их отношение к труду, отношение к власти, отношения колхозников и правления, противопоставление сельских жителей и горожан. Все действие шванка представлено через призму восприятия окружающей действительности деревенским жителем или жительницей, являющихся рассказчиками. Лица, о которых повествует рассказчик, обозначаются именами собственными, терминами родства, именованиями лиц по профессии, что, в свою очередь, позволяет определить популярные среди РН имена и фамилии, выявить сферы их профессиональной деятельности, рассмотреть характер внутриличностных, а также межличностных отношений. Так как ведущими функциями шванка РН являются критикующая, развлекающая и воспитательная, то рассказчик во время своего повествования наделяет людей, о которых идет речь, определенными характеристиками, чертами характера, манерами поведения. Следовательно, в шванке отражаются национальные представления о правилах поведения человека в обществе, о его положительных и отрицательных качествах и подвергаются критике такие качества как лень, обжорство, пьянство, скупость, глупость, и т. д. Таким образом, обличая и высмеивая человеческие пороки, шванк становится одним из способов фиксации и сохранения коллективных норм и традиций поведения, что являются частью этнической картины мира РН.

Итак, шванк российских немцев обладает способностью отражать отдельные фрагменты этнической картины мира. Вследствие этого доступной становится информация об особенностях жизни и быта, а также сферах деятельности РН. Преобладание критикующей и воспитательной функций в шванке РН дает возможность получить сведения о традиционных нормах поведения и тех качествах, которые являются объектом порицания и похвалы в данном обществе. Стремление авторов шванков к большей аутентичности, проявляющейся в использовании диалекта как главного средства фиксации материала, позволяют рассматривать шванк как источник информации об особенностях развития языка РН, который значительно отличается от общенационального языка.

Библиографический список

1. Москалюк, Л.И. Роль шванка в сохранении идентичности российских немцев // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»: материалы XII международной конференции. – М., 2009.
2. Zwischen „Kirgisen-Michel“ und „Wolga, Wiege unserer Hoffnung“. Lesebuch zur rußlanddeutschen Literatur. – Slawgorod, 1998. – 1 Bd.
3. Neumann, S. Volksprosa mit komischem Inhalt // Fabula: Zeitschrift für Erzählforschung. – Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1967. – 9 Bd.
4. Strassner, E. Schwank. – Stuttgart: I.B. Metzlerische Verlagsbuchhandlung und Carl Ernst Poeschel Verlag GmbH, 1968.
5. Bausinger, H. Bemerkungen zum Schwank und seinen Formtypen // Fabula: Zeitschrift für Erzählforschung. – Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1967. – 9 Bd.
6. Neumann, S. Schwank // Deutsche Volksdichtung. Eine Einführung. – Leipzig: Verl. Philipp Reclam jun, 1987.
7. Десятникова, И.В. Структурно-композиционные и диалектные особенности шванка российских немцев: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2007.
8. Балашов, Н. Немецкие шванки и народные книги XVI века. – М., 1990.
9. Зейферт, Е.И. Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008.
10. Немцы Алтая: (справочно-библиографический сборник) / под общ. ред. В.И. Матиса. – Барнаул, 2008.
11. Zwischen „Kirgisen-Michel“ und „Wolga, Wiege unserer Hoffnung“. Lesebuch zur rußlanddeutschen Literatur. – Slawgorod, 1998. – 2 Bd.

Bibliography

1. Moskaljuk, L.I. Rolj shvanka v sokhraneni identichnosti rossijskikh nemcev // Ehtnicheskie nemcih Rossii: istoricheskiy fenomen «naroda v puti»: materialih XII mezhdunarodnoy konferencii. – M., 2009.
2. Zwischen „Kirgisen-Michel“ und „Wolga, Wiege unserer Hoffnung“. Lesebuch zur rußlanddeutschen Literatur. – Slawgorod, 1998. – 1 Bd.
3. Neumann, S. Volksprosa mit komischem Inhalt // Fabula: Zeitschrift für Erzählforschung. – Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1967. – 9 Bd.
4. Strassner, E. Schwank. – Stuttgart: I.B. Metzlerische Verlagsbuchhandlung und Carl Ernst Poeschel Verlag GmbH, 1968.
5. Bausinger, H. Bemerkungen zum Schwank und seinen Formtypen // Fabula: Zeitschrift für Erzählforschung. – Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1967. – 9 Bd.
6. Neumann, S. Schwank // Deutsche Volksdichtung. Eine Einführung. – Leipzig: Verl. Philipp Reclam jun, 1987.
7. Desyatnikova, I.V. Strukturno-kompozicionnihe i dialektihe osobennosti shvanka rossijskikh nemcev: dis. ... kand. filol. nauk. – Barnaul, 2007.
8. Balashov, N. Nemeckie shvanki i narodnihe knigi XVI veka. – M., 1990.
9. Zeyfert, E.I. Zhanrovihe processih v poehzii rossijskikh nemcev vtoroy polovinih XX – nachala XXI vv.: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2008.
10. Nemcih Altaya: (spravochno-bibliograficheskiy sbornik) / pod obth. red. V.I. Matisa. – Barnaul, 2008.
11. Zwischen „Kirgisen-Michel“ und „Wolga, Wiege unserer Hoffnung“. Lesebuch zur rußlanddeutschen Literatur. – Slawgorod, 1998. – 2 Bd.

Статья поступила в редакцию 07.12.11